

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«ПЕНЗЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (ПГУ)

Педагогический институт им. В. Г. Белинского
Центр экологии русского языка

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА

Сборник статей
VIII Международной научной конференции

г. Пенза, 17 апреля 2015 г.

П о д р е д а к ц и е й
доктора филологических наук
Е. Н. Сердобинцевой

Пенза • Издательство ПГУ • 2015

УДК 410(082)

ББК 81

Э40

Э40 **Экология языка** : сб. ст. VIII Междунар. науч. конф.
(г. Пенза, 17 апреля 2015 г.) / под ред. д.ф.н. Е. Н. Сердобин-
цевой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2015. – 198 с.

ISBN 978-5-906796-42-4

В сборнике представлены материалы, посвященные проблемам лингвоэкологии: теоретико-методологическим, функционально-семантическим, стилистическим и методологическим.

Издание представляет интерес для преподавателей, ученых-лингвистов, студентов и широкой научной общественности.

УДК 410(082)

ББК 81

ISBN 978-5-906796-42-4

© Пензенский государственный
университет, 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

Королькова Э. А.

ЭТИКО-РЕЧЕВАЯ НОРМАТИВНОСТЬ ПУБЛИЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СПОРА С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ (теоретико-методологический аспект)	7
---	---

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Зайцева Л. А.

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОРПУСЕ ЛЕКСИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	13
--	----

Свиридова Е. А.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на примере лексемы <i>барахолка</i>)	17
---	----

Штеба А. А.

ЭМОТИВНАЯ ПОЛИФОНИЯ СЕМАНТИКИ	20
-------------------------------------	----

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА В РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СФЕРАХ

Ряжских Е. А.

ГРАФОДЕРИВАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ ОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ	25
---	----

Смирнова В. В.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЖАРГОННОЙ ЛЕКСИКИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ	30
--	----

Чеботникова Т. А.

ТОЧНОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ КАЧЕСТВО И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ	33
---	----

Шкатова Л. А.

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ ДОКУМЕНТНОГО ДИСКУРСА	39
--	----

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

Бекасова Е. Н., Миронова Е. А.

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ	46
--	----

Черникова Н. В.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ: ОТ В. В. ВИНОГРАДОВА ДО НАШИХ ДНЕЙ	52
--	----

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА НАЦИИ

Галушко Е. Ф.

«ГОРЕ» И «РАДОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ:
ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ.....60

Дудченко С. Н.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПЕЧИ В РУССКОЙ ЗАГАДКЕ.....65

Единак О. В.

РУССКАЯ ПРИМЕТА В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ
ФУНКЦИИ ЯЗЫКА71

Осадчая М. Н.

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ХРОНОТОПА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ
ПРОСТРАНСТВЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА76

Попкова М. К.

СТЕРЕОТИП «ДЕНЬГИ К ДЕНЬГАМ» И ЕГО ПАРЕМИЧЕСКИЕ
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ.....82

Семененко Н. Н.

ЦЕННОСТНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПАРЕМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА88

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА СМИ

Зотова Т. Н.

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ ЯЗЫКА ДЕЛОВЫХ ИЗДАНИЙ
(на примере «Пензенского Бизнес-журнала»).....93

Канакина Д. А.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РЕЦЕНЗИИ
В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ.....95

Моисеева Е. А.

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СОБЫТИЙНОГО РЕПОРТАЖА
В ТЕЛЕНОВОСТЯХ НА КАНАЛЕ «ЭКСПРЕСС»97

Проценко Е. А.

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА НА СТРАНИЦАХ СМИ.....100

Сердобинцева Е. Н., Киселева Я. А.

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА
СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСС-СЛУЖБЫ.....104

Filip G.

«GRAMY DOŚĆ CZYTELNAŃ GRE» I «SKACZEMY UDANE SKOKI» –
UWAGI O RZĄDZIE WYBRANYCH CZASOWNIKÓW
NA PRZYKŁADZIE SPRAWOZDAWCZOŚCI SPORTOWEJ.....108

Фролова Ю. А.

ЖАНР РЕЦЕНЗИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ
(на примере интернет-портала «Кинопоиск»).....116

<i>Шувалов И. Ф.</i> «ИГРОВОЙ» ЗАГОЛОВОК НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ.....	120
---	-----

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

<i>Алешина И. А.</i> ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ МОТИВА «МОЛИТВА» (на материале стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва» «Я, мать Божья, ныне с молитвою...»).....	124
<i>Дубова М. А.</i> ДИАЛОГ КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРАГИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ ИНЖЕНЕРА БОБРОВА (по повести А. И. Куприна «Молох»)	128
<i>Емельянова А. И.</i> ЛИРИЧЕСКИЙ И ПРОЗАИЧЕСКИЙ ЦИКЛЫ	134
<i>Ермачихина В. А.</i> МОДЕЛЬ ВРЕМЕНИ В МИРЕ РАННЕГО ДЕТСТВА (по повести Андрея Белого «Котик Летаев»).....	138
<i>Майорова А. В.</i> ПРАВСТВЕННАЯ МУДРОСТЬ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ	143
<i>Костенко В. В., Сердобинцева Е. Н.</i> РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАРКОМАНА (на примере рассказа М. А. Булгакова «Морфий»)	147
<i>Родина Ю. Д.</i> «КОТИК ЛЕТАЕВ» А. БЕЛОГО: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРАВНЕНИЙ В ПОВЕСТИ.....	150

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

<i>Карасева Д. С.</i> ИНТЕГРИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ В РАМКАХ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ (на фонетическом материале).....	155
<i>Кезина С. В.</i> О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА	158
<i>Кезина С. В., Никишева Н. И.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ФОРМА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКОВЫМ ФАКТАМ (к постановке проблемы)	163

<i>Никишина С. А.</i> ПРИНЦИПЫ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ И СОВРЕМЕННАЯ РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА	168
--	-----

<i>Patro-Kucab M.</i> ALOJZEGO FELIŃSKIEGO WYKŁADY LITERATURY POLSKIEJ W KRZEMIĘNCU	174
---	-----

<i>Чопорова Е. И.</i> ПРОБЛЕМА ПЕРИФРАЗирования В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ МОНОЯЗЫКОВОМУ АННОТИРОВАНИЮ И РЕФЕРИРОВАНИЮ В АСПИРАНТУРЕ (АДЪЮНКТУРЕ)	184
--	-----

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

<i>Мажарова А. Г.</i> ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ПЕРЕВОДУ	190
---	-----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	193
----------------------------------	------------

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

ЭТИКО-РЕЧЕВАЯ НОРМАТИВНОСТЬ ПУБЛИЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО СПОРА С ПОЗИЦИИ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ (теоретико-методологический аспект)

Э. А. Королькова (Красноярск, Россия)

Лингвоэкология – междисциплинарное направление в языкознании, весьма актуальное для современной речевой практики (см. работы Л. И. Скворцова, В. И. Шаховского, А. П. Сквородникова, Т. И. Суриковой, В. И. Карасика, А. А. Бернацкой, С. В. Ионовой, В. И. Шляхова, А. Л. Никонова и др.), «которое сформировалось на стыке *социального* (соотношение социальных и языковых структур в процессе развития мышления на разных ступенях этногенеза), *психологического* (проблемы речевого воздействия) и *философского* (проявление в языке предельно общих свойств и закономерностей развития общества и познания) направлений в лингвистике» [5, 106] (*курсив наш* – Э. К.).

Е. Ю. Ильинова пишет, что в общем пространстве эколингвистики можно выделить поле, которое аккумулирует данные политической и юридической лингвистики об эмотивности коммуникации, *соблюдении этических и прагматических норм* (постулатов) речевого общения в различных типах институционального дискурса [2] (*курсив наш* – Э.К.). По мнению исследователя, эколингвистика в данном случае фиксирует внимание научного сообщества на проблемах толерантности, эмоциональной сдержанности и этичности, отмечая, что их изучение позволит повысить эффективность человеческого общения и снизить уровень социальной напряженности в обществе [там же]. Термин «речевая культура» в данном случае, как отмечает Е. Ю. Ильинова, обозначает отношение человека, общества к культуре речи во всех смыслах этого понятия: к процессу выбора языковых средств, знаниям *о законах эффективной коммуникации и ее нормах*

как языковых, так и коммуникативных (в том числе риторических, этических) (*курсив наш – Э.К.*) [там же].

Важнейшей составляющей этичного речевого поведения является риторический идеал. А. К. Михальская выделяет несколько его особенностей. Во-первых, диалогичность по содержанию: «прекрасной речью считалась и считается такая, в которой между говорящим и адресатом *реализуются подлинные субъект-субъектные равноправные отношения*» [4, 172] (*здесь и далее курсив наш – Э.К.*). Во-вторых, гармонизирующий характер русского риторического идеала [4, 176]. Как отмечает автор, «гармония в русской общеэстетической и собственно риторической традиции» проявляется в категориях «порядка, меры, *мерности, ровности (уравновешенности), симметрии*, т. е. в тех же частных категориях, что и в классической античной эстетике» [там же]. А. К. Михальская приводит в пример переведенный труд «Лествица» Св. Иоанна, игумена Синайской горы. Текст состоит из тридцати слов-поучений, «призванных описать восхождение по тридцати ступеням духовного совершенствования» [4, 177]. Общеэтические заповеди «*кротости, смирения, смиренномудрия, простоты, уравновешенности, «незлобия*», миротворческой гармонизирующей устремленности внутреннего и внешнего бытия – это принципы, которыми в «Лествице» определены и требования к речевому поведению достойного человека, правила речевого поведения христианина» [там же].

Третья черта русского риторического идеала – положительная онтологичность: «Прекрасная речь должна быть правдива» [4, 178]. Категория правды есть единство двух категорий – истинности речи (соответствия ее онтологии, сущему, объективному «положению дел») и добра, понятого не как индивидуальная выгода, но как общественное благо» [там же]. Опираясь на эти рассуждения, исследователь делает вывод, что русский риторический идеал «не только и не просто онтологичен, но, можно сказать, положительно-онтологичен» [4, 179].

А. К. Михальская отмечает, что структура русского Логоса предполагает реализацию этого идеала в совокупности (системе) следующего набора *частных этических и эстетических категорий*: *кротость* в противопоставлении самодемонстрации; *смирение* в противопоставлении гневливости; *хвала* в противопоставлении хуле; *безмолвие* в противопоставлении многословию; *умиротворение* в противопоставлении соревновательности и борьбе; *правда* в противопоставлении лжи, а особенно клевете; *ритмичность, мерность и умеренность*, вообще *ровность и сдержанность* – проявления порядка и

упорядоченности в речи – в противопоставлении всякому беспорядку и хаосу [4, 186].

Т. Е. Тихонова, обобщая позицию А. К. Михальской, выделяет три группы параметров идеального с позиций русской христианской традиции речевого поведения [9, 136].

I. Этико-эстетические категории:

- 1) гармония;
- 2) кротость;
- 3) смирение;
- 4) миролюбие;
- 5) негневливость;
- 6) уравниженность;
- 7) радость.

II. Риторические принципы:

- 1) немногословие;
- 2) правдивость;
- 3) искренность;
- 4) спокойствие;
- 5) благожелательность;
- 6) отказ от крика, повышенной эмоциональности речи;
- 7) отказ от клеветы, сплетни, осуждения ближнего.

III. Требования к речевому поведению:

- 1) беседуй только с достойным;
- 2) выслушай собеседника;
- 3) сохраняй кротость в беседе;
- 4) избегай грехов многословия, пустословия, несдержанности языка, грубости;
- 5) избегай хулы – за глаза и в глаза, недоброжелательного осуждения, пустой, злобной брани;
- 6) чаще изрекай доброе слово, но избегай похвалы чрезмерной и льстивой;
- 7) стремись к подражанию лучшим речевым образцам, запечатленным в книгах [9, 137].

В связи с этим обратимся к понятию этического концепта. В исследовательской литературе на сегодняшний день существует не много работ, квалифицирующих данный термин. Так, Ю. В. Стрельченя, анализируя специфику воплощения этических концептов в структуре художественного текста (на примере повестей Ю. В. Трифонова), замечает лишь то, что этические концепты – это «лингвоспецифичные элементы национальной концептосферы» [8, 10]. Она пишет, что исследование этических концептов опирается на «контексты употребле-

ния лексических единиц, номинирующих этические понятия, в публицистических, научных, философских, религиозных и других текстах, где моральные рассуждения и этические оценки автора получают развернутое эксплицитное выражение» [8, 10–11]. Как считает исследователь, обращение к таким текстам даёт возможность анализа «сочетаемых, синтаксических, словообразовательных, метафорических и других возможностей того или иного номинанта этического концепта» [8, 11]. Среди примеров этических концептов, организующих пространство художественного текста, автор приводит следующие: *долг, ответственность, неискренность, оправдание, предательство*. Однако нам кажется, что этический концепт имеет в основе положительное значение, в связи с чем такие приведённые исследователем примеры, как *неискренность, предательство* и другие могут рассматриваться лишь как нереализация соответствующих этических концептов (искренности и верности), как этические концепты отрицательного ряда («со знаком минус»)

Этические концепты также содержат нормативно-предписательный компонент, направленный на совершение определённого действия, – пишет И. Р. Мокаева. «Действие в данном случае соотносится не с внешним проявлением знаний о морали, а с убеждениями и знаниями, то есть с внутренней мотивацией» [6, 14]. В этическом концепте закодировано ценностное субъективное отношение к миру. Этический концепт представляет мир не сам по себе, а с точки зрения морали. События жизни классифицируются в антиномиях – положительное/отрицательное, добро/зло, хорошо/плохо, высокое/низкое [8, 11].

Смысловую основу этического концепта составляет ценность. Ученые сходятся во мнении, что политику «нельзя отрывать от гуманитарных ценностей», она есть «ветвь этики» [3, 39]. Многие ученые признают, что общее количество ценностей в рамках того или иного дискурса невелико. Однако сложность заключается в идентификации ценности, в определении границ и объема ее содержания. Ядро политической аксиосферы формируют правовые и этические ценности с общим аксиологическим центром – *власть*» [там же]. В политическом дискурсе вербализируются ценности-средства и ценности-цели, реальные и декларируемые ценности. Аксиологическая сфера политики демонстрирует динамичность и открытость, что находит отражение на лексико-семантическом уровне. Ядерные медиа-политические тексты охватывают максимальную аудиторию, представляют собой ритуал, являются метаконцептами, предлагают массовому адресату систему ценностных ориентаций [там же].

Ценность есть основание нормы. Например, законность (законодательные акты или интуитивное представление о законности) в качестве актуальной ценности часто служит основанием нормативных высказываний [3, 9]. Критерии разграничения ценности и нормы: телеологичность – инструментальность, имплицитность – эксплицитность, образность – логичность, когнитивная доминанта – вербальная доминанта, функционально-речевая окраска констатации – окраска долженствования, предписания [3, 10].

Как замечает Н. А. Сидорова в диссертационном исследовании, посвященном основам лингвоаксиологической концепции речевой коммуникации, «ценности являются компонентом речевой деятельности вообще и диалогической ее формы в частности» [7, 11]. В основе функционирования ценностей лежит «общая деятельность людей, выраженная обычаями, традициями, законами, культурой» [там же]. Наиболее релевантным для изучения речевой коммуникации исследователь считает следующее определение ценности: под ценностью понимается «идеал, выступающий как эталон должного, источник мотивации поведения личности, оценок субъекта действительности и ориентации в ней» [там же].

Ю. Н. Караулов отмечает, что «ценности являются базовой категорией при построении картины мира» (цит. по: [1, 28]). А их конфигурация, в свою очередь, определяет культурный, тип той или иной общности [там же]. Система культурных ценностей формирует *ценностную картину мира*, которая «объективно выделяется в языковой картине мира и содержит ряд моральных ценностей, этических норм и правил» [там же]. Как отмечают исследователи, в этом сложном ментальном образовании выделяются наиболее существенные для данной культуры смыслы, ценностные доминанты, совокупность которых и образует определенный тип культуры, поддерживаемый и сохраняемый в языке [1, 29]. Ценностная картина мира моделируется в виде «взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с юридическими, религиозными, моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла» [там же].

Исходя из приведенных суждений, при изучении ценностной картины мира, нашедшей отражение в языке, О. А. Артемова [Артемова 2005, 29] предлагает исходить из следующих положений:

1. Ценностная картина мира в языке представляет собой проявление семантического закона, согласно которому наиболее важные предметы и явления жизни народа получают разнообразную и подробную номинацию.

2. Ценностная картина мира в языке реконструируется в виде взаимосвязанных оценочных суждений, соотносимых с моральными кодексами, общепринятыми суждениями здравого смысла и т.д.

3. Ценностные доминанты являются основой ценностной картины мира. Совокупность этих доминант образует определенный тип культуры, который поддерживается и сохраняется в языке из поколения в поколение.

4. В рамках одной языковой культуры ценностная картина мира представляет собой неоднородное образование. Это связано с тем, что у различных социальных групп, входящих в одно и то же лингвокультурное сообщество, могут быть различные ценности.

Подводя итог, можно отметить перспективность лингвоэкологического подхода к анализу дискурса.

Список литературы

1. Артемова, О. Е. Лингвокультурная специфика текстов прецедентного жанра «лимерик» : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Артемова О. Е. – Уфа, 2004.
2. Ильинова, Е. Ю. Эколингвистический модус событийности в пространстве массмедийного дискурса / Е. Ю. Ильинова // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2, Языкознание. – 2010. – № 2 (12). – С. 168–176.
3. Марьянчик, В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста (лингвостилистический аспект) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Марьянчик В. А. – Архангельск, 2013.
4. Михальская, А. К. Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике / А. К. Михальская. – М. : Academia, 1996.
5. Мокаева, И. Р. Этические концепты в языковой картине мира (на материале русского и карачаево-балкарского языков) : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Мокаева И. Р. – Нальчик, 2004.
6. Пылаева, Е. М. Эколингвистика как новое направление в языкознании XXI века / Е. М. Пылаева // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2011. – № 5. – С. 106–113. URL: http://vestnik.pstu.ru/pedag/archives/?id=&folder_id=740# (дата обращения: 07.07.2014).
7. Сидорова, Н. А. Основы лингвоаксиологической концепции речевой коммуникации : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.19 / Сидорова Н. А. – М., 2011.
8. Стрельченя, Ю. В. Содержание и формы воплощения этических концептов в художественном тексте (на материале повестей Ю. В. Трифонова) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.0 / Стрельченя Ю. В. – СПб., 2010.
9. Тихонова, Т. Е. Риторический идеал как системообразующий фактор в процессе формирования коммуникативной культуры младших школьников / Т. Е. Тихонова // Проектирование инновационных процессов в социокультурной и образовательной сферах : материалы 8-й Междунар. науч.-метод. конф. (22–24 сентября 2005 г.) : в 2 ч. – Сочи, 2005. – Ч. 2. – С. 134–139.

ДИНАМИКА ЯЗЫКОВЫХ ПРОЦЕССОВ

ИНОЯЗЫЧНЫЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В КОРПУСЕ ЛЕКСИКИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Л. А. Зайцева (Мичуринск, Россия)

Серьезные политические, экономические, социальные и культурные изменения, произошедшие в нашей стране в период перестройки и в постсоветское время, нашли свое отражение в языке, стимулировав разные неологические процессы. Как отмечает Н. В. Черникова, «процессы неологизации XX–XXI вв. инициированы масштабными социокультурными трансформациями как в российском социуме (изменение социально-политического строя, общественных институтов, развитие науки, информационных технологий, массовой культуры и др.), так и в мировом сообществе (глобализация, интеграционные процессы в различных публичных сферах)» [10: 3].

Важной характеристикой современного этапа развития русского языка является его большая открытость к иностранным словам [3: 101]. Л. П. Крысин обращает внимание на то, что одним из наиболее социально значимых процессов, происходящих в современной русской речи, является процесс активизации употребления иноязычных слов, а также расширение сфер использования специальной иноязычной терминологии. Многие англицизмы, употреблявшиеся в узкой терминологической области, стали переходить в стандартный русский язык, расширяя при этом свои семантические возможности [5: 142]. По мнению Н. С. Валгиной, «современная тяга к заимствованиям воспроизводит... две исторические линии: с одной стороны, это действительно потребности в корне изменившейся жизни (смена политических, экономических, идеологических ориентиров), с другой – американомания, когда привлекательными оказываются не только технические новшества, но и стандарты жизненного уровня, манера поведения и общения, вкусы» [1: 110].

В настоящее время заимствования широко представлены во всех сферах жизни – политической (преобразования в государственном и партийно-политическом устройстве), экономической (переход на рельсы рыночной экономики), финансовой (появление банков, новой кредитно-финансовой системы), в сфере предпринимательской деятельности (развитие профессиональной деятельности как интеллектуальной деятельности в период рыночных отношений), технической (развитие видеотехники, компьютерной техники, Интернет), бытовой (влияние в стиле одежды, времяпрепровождения), в сфере поп-искусства и спорта и др. [1: 110].

Иноязычные заимствования именуют реалии и понятия, относящиеся и к образовательной сфере современной России. Считаем, что основная причина вхождения слов *тьютор*, *тьюториал*, *тьюторинг*, *кейс* и многих других в состав русской лексики – ориентация на западную модель образования, заимствование форм, методов и приемов обучения. Рассмотрим значение и употребление неолексем *портфолио* и *кейс*.

Портфолио (итал. *portfolio* – «портфель, папка для документов» → англ.) – «собрание образцов работ, фотографий, дающих представление о предлагаемых услугах организации (фирмы) или специалиста (модель, фотограф, дизайнер, архитектор и т.д.)» [2]. Данный термин употребляется в разных областях деятельности. В сфере образования *портфолио* – это «новая форма контроля и оценки достижений учащихся, его характеристика, доказательство прогресса в обучении по результатам, приложенным усилиям, по материализованным продуктам учебно-познавательной деятельности, включая самооценку» [4: 5]. Например: ***Портфолио*** позволяет создать портрет обучающегося (тут и краткая справка о себе, и личностная характеристика школьника на разных этапах работы над ***портфолио***...) (Учит. газета. 2007. 6 нояб.); ***Портфолио*** – копилка достижений учащихся [назв. публ.] (Учит. газета. 2007. 6 нояб.).

Наряду со словосочетаниями *портфолио учащегося*, *портфолио ученика*, *портфолио студента* и т.п., неолексема *портфолио*, как показывает картотека нашего исследования, употребляется в сочетаниях *портфолио воспитателя*, *портфолио учителя*, *портфолио преподавателя*, *портфолио педагога* и т.п. Например: Разработали положение о ***портфолио учителей*** первой ступени, сконцентрировались на собственных профессиональных успехах, и результат не замедлил сказаться... Сначала учитель Ангелина Трофимова получила губернаторский грант, а за ней Елена Коростелева – президентский (Рос.

газета. 2009. 4 июня); *Портфолио воспитателя ДООУ... представляет собой рабочую папку, содержащую многообразную информацию, которая документирует имеющийся опыт воспитателя ДООУ и отражает совокупность его индивидуальных достижений...* (Детский сад «Подснежник», 2014); *Портфолио преподавателя* [назв. публ.] (Фантазия, 2014); *Портфолио педагога* – индивидуальная папка, в которой зафиксированы личные профессиональные достижения в образовательной деятельности, результаты обучения, воспитания и развития воспитанников (Детский сад «Подснежник», 2014).

Развитие синтагматических связей слова свидетельствует о том, что явление, обозначенное данным языковым знаком, расширяет сферу своего распространения. Следовательно, в современном образовательном пространстве лексема *портфолио* в значении «собрание материалов, отражающих достижения, заслуги, успехи» употребляется для оценки деятельности не только обучаемых, но и обучающихся.

Кейс (англ. *case* «коробка, ящик, чемодан» [2]) – 1) «ситуация, взятая из практики для обучения в процессе изучения той или иной дисциплины с целью отработки методики анализа, разработки и принятия решений (например, маркетинговых)»; 2) «метод эдукологии, призванный ускорить процесс обучения путем привлечения обучаемых (студентов) к анализу, открытому, свободному обсуждению и принятию окончательного решения относительно рассматриваемой деловой ситуации (кейсовый метод)» [11]; см. также *эдукология* – «одна из наук об образовании, изучающая общие закономерности организации, функционирования и развития сферы образования» [6].

Кейс для студентов – это «учебно-методический комплекс для внеаудиторной самостоятельной работы студентов» [7]. Например: *Студент получает комплект учебных материалов – так называемый кейс. В него входят пособия – лекции, задания, контрольные вопросы, ссылки на дополнительную литературу и т.д. Это могут быть бумажные (книги, учебники, методички) и электронные (диски, программы, аудио- и видеокассеты) носители информации* (Центр довузовской подготовки, 2013); *Уже с 3 февраля 2015 г. кейсы доступны каждому абитуриенту, желающему поступить в РГУ нефти и газа им. И. М. Губкина, Их решения будут обсуждаться на Дне открытых дверей университета. Чем больше количество верных ответов по кейсам, тем выше вероятность зачисления в студенты на 2015–2016 уч.г.* (Мир новостей. 2015. 3 февр.).

Нами установлено, что существительное кейс участвует в образовании сложных слов, построенных по модели «определяющее – опре-

деляемое»: кейс-обучение, кейс-задание, кейс-образование, кейс-движение, кейс-метод и т.п. В этих и подобных языковых знаках компонент кейс- выступает в качестве определения ко второму компоненту сложного слова, см.: кейс-задание – задание, содержащееся в кейсе, т.е. комплекте учебных материалов, который получает студент при дистанционном обучении; кейс-метод – «система подготовки менеджеров, заключающаяся в моделировании и разрешении производственных ситуаций» [8: 451] и т.п. Например: ...запомнились занятия, посвященные практическим навыкам управления: тренинги, деловые игры, анализ конкретных ситуаций из практики российских и зарубежных компаний (**кейс-методы**) (Карьера. 2004. № 3).

Таким образом, «каждый исторический этап в жизнедеятельности этноса характеризуется изменением социокультурной ситуации, обновлением национальной картины мира» [9: 73], что детерминирует активизацию разнообразных языковых процессов, в числе которых заимствование иноязычных слов, развитие их семантических, синтагматических и эпидигматических и других возможностей.

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Активные процессы в современном русском языке : учеб. пособие / Н. С. Валгина. – М., 2001
2. Викисловарь, 2013. – URL: <http://ru.wiktionary.org/wiki/portfolio>
3. Володарская, Э. Ф. Заимствование как отражение русско-английских контактов / Э. Ф. Володарская // Вопросы языкознания. – 2002. – № 4. – С. 96–118.
4. Голуб, Г. Б. Технология портфолио в системе педагогической диагностики / Г. Б. Голуб, О. В. Чуракова. – Самара, 2004.
5. Крысин, Л. П. Иноязычное слово в контексте современной общественной жизни / Л. П. Крысин // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996.
6. Основы андрагогики : терминологический словарь-справочник для студентов социально-гуманитарных специальностей / сост. В. В. Маслова. – Мариуполь, 2004.
7. Публичный отчёт за 2012–2013 уч.г. / ГБОУ СПО СО «Алапаевский профессионально-педагогический колледж» Свердловской обл. – URL: <http://a-college.ru/news.php>
8. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. – М., 2006.
9. Черникова, Н. В. Актуальные концепты и их лексические репрезентанты / Н. В. Черникова // Филологические науки. – 2007. – № 6. – С. 71–80.
10. Черникова, Н. В. Лексико-семантическая актуализация как средство отражения изменений в русской концептосфере (1985–2008 гг.) : моногр. / Н. В. Черникова. – М. ; Мичуринск, 2008.
11. Экономический словарь. – URL: <http://slovari.yandex.ru/тютотр/Экономический%20словарь/>

СЕМАНТИЧЕСКИЕ НОВАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ (на примере лексемы *барахолка*)

Е. А. Гвиридова (Мичуринск, Россия)

Язык, как известно, динамическая система, которая постоянно обновляется и совершенствуется. Обогащение и расширение словарного состава языка представляют собой непрерывные процессы, которые происходят за счет заимствования лексических единиц, появления неологизмов, в том числе семантических, и т.д.

Семантические новации (или семантические неологизмы) – «это слова, получившие новое значение, т.е. по существу старые слова, полностью изменившие свое значение, либо слова, присоединившие к известной уже системе значений одно или несколько новых» [5: 42]. Н. В. Черникова утверждает: «Семантическая деривация, предполагающая переосмысление слов, использование уже имеющихся в языке номинативных средств в новой для них функции наречения, – обязательная закономерность развития словарного состава языка» [9: 82]. Семантические неологизмы, как отмечают исследователи [2: 331; 8: 6 и др.], могут появляться двумя путями: а) в процессе внутрисловной семантической деривации; б) на основе агрегатирования, т.е. в результате «внесловной» деривации.

Материал нашего исследования показывает, что на современном этапе в корпусе разговорной лексики возникли семантические новации как в процессе внутрисловной семантической деривации (*барахолка*), так и в результате агрегатирования (*дочка, зажим, история*). Рассмотрим образование семантических неологизмов путем внутрисловной семантической деривации на примере существительного *барахолка*.

Нами выявлено, что у стилистически сниженной лексемы *барахолка* сформировалось новое значение в результате семантического сдвига. Семантический сдвиг (смещение) – это «перенос, который строится на соподчинительных, «горизонтальных» связях, т.е. на отношениях «вид – вид» в пределах одного родового понятия. В структуре семантического деривата происходит замена дифференциальных сем при сохранении семантического объема прототипа» [8: 30].

В словарях старшего (БАС, МАС) и младшего (НБТС, СО) поколений существительное *барахолка* зарегистрировано как моносемант с пометой *прост.* или *разг.* См.: *барахолка* – (прост.) «рынок или часть рынка, где продаются с рук подержанные вещи» [6 (1: 61)]; (разг.) «место, где продают с рук старые, подержанные вещи (барахло); толкучка» [3: 59].

Неоднозначная стилистическая квалификация языкового знака в лексикографических источниках свидетельствует о его стилистическом потенциале, позволяющем слову перемещаться из одного пласта лексики в другой (*прост.* → *разг.*).

В Сл. рус. разг. речи у лексемы *барахолка* зафиксировано два ЛСВ. См.: *барахолка* (*пренебр.*, *разг.-сниж.*) – 1) «место торговли с рук старыми, подержанными вещами»; 2) «вещевой рынок – место мелкооптовой и розничной торговли товарами массового спроса» [1: 38].

Следовательно, в семантической структуре существительного *барахолка* появилось новое значение, которое возникло на базе ЛСВ-1 в результате семантического сдвига. В смысловом содержании лексемы сохранились ядерные семы «место торговли», «рынок». При этом произошла утрата дифференциальных семантических компонентов «подержанные, старые вещи» и появились новые – «товары массового спроса».

Обращает на себя внимание изменение стилистических свойств слова. В Сл. рус. разг. речи существительное *барахолка* маркировано двумя пометами – *разг.-сниж.* и *пренебр.*, вторая из которых указывает на эмоционально-экспрессивную окраску языкового знака.

Картотека нашего исследования показывает, что семантический дериват *барахолка* («вещевой рынок») активно функционирует в современных газетно-журнальных текстах в оценочном значении, выражая пренебрежительное отношение адресанта к предмету речи. Например: *Префект Восточного округа – Николай Евтихийев – единственный москвич из всех нынешних «мини-мэров». На его территории самая крупная, ставшая притчей во языцех московская **барахолка** – Черкизовский рынок (точнее, сеть рынков вдоль Щелковского шоссе), на который обрушился гнев кремлевской администрации (Известия. 2007. 9 июля); 34 гектара бурлящей людской каши, в которую ткни монету – вырастет увешанный рублями куст. – У нас третий город страны – любят хвалиться новосибирцы. С этим не поспоришь. Как и с тем, что самое крупное, стабильное и прибыльное предприятие сегодня в Новосибирске – **барахолка** (Комсомольская правда. 2004. 29 марта); Памятуя слоган: «Привычка к лучшему с пеленок – в торговом комплексе «Совенок», – первым делом отпрати-*

лась в тот самый расхваленный рекламой рынок у станции метро «Савеловская». Хорошо известен и посещаем он потому, что такая цивилизованная детская **барахолка** пока в Москве одна. «Совенок» нынче – неофициальный преемник бывшего «Детского мира»: тут собрана полная коллекция всего нужного для возвращения цветов жизни (Труд-7. 2001. 6 авг.).

Считаем, что негативная оценочность слова (пренебрежительный, иронический оттенок) обусловлена смысловыми элементами «ширпотреб», «низкое качество», «обилие народа», «сутолка», ассоциативно связанными с реалией, обозначенной лексемой **барахолка**.

Таким образом, мы можем констатировать, что в результате внутрисловной семантической деривации у стилистически сниженной лексической единицы **барахолка** появилось еще одно значение, обладающее не только функционально-стилевой, но и эмоционально-экспрессивной окраской. Примечательно, что в современной речи семантическая новация **барахолка** расширяет сферу своего функционирования, употребляясь по отношению к купле-продаже в Интернет-пространстве. Например: *В самом деле, если задуматься, сколько благ получаем мы от существования интернета, то удивляешься, – а как мы жили без него раньше? Не выходя из дома, мы можем многое... публиковать свои дневники, книги, вести бизнес, участвовать в любых торгах... Масштабы жизни интернета грандиозны. К примеру, знаменитая мировая **интернет-барахолка** – аукцион e-Bay (если уж коснулись купли-продажи) – насчитывает более 100 000 000 посетителей и пользователей в день* (Труд-7. 2006. 30 сент.). Кроме того, данное существительное используется для названия сайтов, например, «**Барахолка.ру**».

Продуктивность семантической деривации «определяется прежде всего природой человеческого мышления – способностью обобщать в слове явления окружающего мира, систематизировать в языке объекты внеязыковой действительности. Наряду с этим «экономичность» языка, являющаяся одним из важнейших его свойств, вынуждает язык избегать количественного приращения лексических единиц за счет формирования новых значений у уже имеющихся в языке номинативных средств» [9: 82].

Список литературы

1. Большой словарь русской разговорной речи. – СПб., 2004. – (Сл. рус. разг. речи).
2. Котелова, Н. З. Неологизмы / Н. З. Котелова // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцев. – М., 1998.
3. Новейший большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. ; М., 2008 (НБТС).

4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М., 2010 (СО).
5. Розен, Е. В. Новое в лексике немецкого языка / Е. В. Розен. – М., 1976.
6. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – М., 1981–1984 (МАС).
7. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л., 1948–1965 (БАС).
8. Черникова, Н. В. Аспекты изучения семантических неологизмов : учеб. пособие / Н. В. Черникова. – Мичуринск, 2001.
9. Черникова, Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии / Н. В. Черникова // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 82–90

ЭМОТИВНАЯ ПОЛИФОНΙΑ СЕМАНТИКИ

А. А. ШТЕБА (Волгоград, Россия)

Полученные Волгоградской школой эмотиологии [5] данные показывают, что семантические признаки ‘эмоция’ и ‘оценка’ могут рассматриваться как критерии отнесения того или иного текста к экологичному или неэкологичному. Подобная теоретико-методологическая позиция имеет ряд значимых преимуществ как с позиций возможности верификации полученных данных, так и в контексте общей тенденции к генерализации объекта и методов (приемов) лингвоэкологического анализа.

Семантические признаки ‘эмоция’ и ‘оценка’ наличествуют в семантике каждой лексической единицы, что дает возможность реализовывать поставленные лингвоэкологом исследовательские цели применительно принципиально к любому языковому материалу. Эти компоненты одновременно статичны, поскольку они принадлежат семантике слова, и динамичны в контексте, что поддается наблюдению путем использования лингвистических методов.

Весь лексический состав языка можно условно разделить на три группы по признаку ‘оценка’: положительные, отрицательные, нейтральные слова/словосочетания. Данные характеристики закрепляются конвенционально, т.е. привносятся в семантику извне и через некий длительный период могут стать ингерентными семантическими компонентами того или иного слова. Во многом такое наблюдение послужило основой для создания типологии эмотивов [2], в которой

выделяются аффективы (слова с эмоциональным значением) и коннотативы (слова с эмоциональным со-значением). Первые два типа являются условно статичными, т.е. будут сохранять свою положительную или отрицательную эмотивность, закрепленную за словом «по договоренности», но только в большинстве контекстов. Третий тип цитируемой типологии – потенциативы являет собой динамику языковых процессов, поскольку вбирает в себя всю лексику, потенциально способную стать эмотивной в том или ином контексте.

Примечательно, что аффективы, к которым преимущественно относят междометия, зачатую, обладают амбивалетной эмотивностью. Кроме того, моновалентные аффективы (слова, служащие для выражения кластера только отрицательных или исключительно положительных эмоций) динамичны на условной шкале ‘эмоциональность-нейтральность’, поскольку слова, лишённые логико-предметного значения, способны терять и основное – эмоциональное содержание, что превращает их в нейтральные единицы. Более верным кажется следующее уточнение: оценочно нейтральными аффективы становятся на уровне содержания, воспринимаемо адресатом, когда форма, а также фонационные, интонационные или графические корреляты (что правомерно обозначить через понятие «паравербальной валентности») таких слов остаются без изменений. К примеру, обширная парадигма инвективной лексики объясняется постепенной нейтрализацией или деэмоционализацией (деэмотивизацией) известной лексической единицы и стимулирует создание новой. В пьесе Э. Йонеско «Лысая певица» имеется следующий фрагмент: одна из главных героинь предлагает рассказать своим собеседникам поразивший ее случай, свидетелем которого она стала. Другие действующие лица со свойственным жанровой организации произведения воодушевлением охотно соглашаются выслушать г-жу Мартин (далее приводится перевод Е. А. Суриц данного фрагмента пьесы с сокращениями): *Так вот, значит, иду я сегодня на рынок купить овощей, а они все дорожают... (...) И вдруг вижу возле кафе прилично одетого господина лет пятидесяти, и он... (...) Ну вот, вы скажете, что я сочиняю. Он опустился на колени и нагнулся. (...) Я подошла посмотреть, что же такое он делает... (...) Он завязывал шнурки. Они у него развязались.* Внимание привлекают реплики собеседников рассказчицы, эмоционально реагировавших на достаточно банальное и едва ли заслуживающее внимание событие:

Миссис Мартин. Ну вот, вы скажете, что я сочиняю. Он опустился на колени и нагнулся.

Мистер Мартин, мистер Смит, миссис Смит. О-о!

Миссис Мартин. Да, нагнулся.

Мистер Смит. Невероятно!

Миссис Мартин. Да, он нагнулся... Я подошла посмотреть, что же такое он делает... (...) Он завязывал шнурки. Они у него развязались.

Трое остальных. Фантастика!

В данном примере деэмоционализация является следствием гиперэмоционализации речи, когда любой стимул вызывает эмоциональную по форме реакцию, лишенную своего содержания (такая особенность характеризует, в особенности, Интернет-общение).

Изначально эмотивность рассматривалась как динамичная категория, реализующая свой языковой потенциал в речи/коммуникации. По этой причине выявление эмотивного компонента семантики слова всегда является аппроксимативным, вероятностным. Необходимо избегать категоричности и характеризовать материал исследования как эмотивный с более/менее выраженной положительной или отрицательной оценкой. Следовательно, мы полагаем, что не существует экологических или неэкологических слов. «Плохие» и «хорошие» слова задают только (не)экологичную тональность текста. Переоценить влияние исключительно лексики на вектор (не)экологичности текста значит искусственно сузить и упростить объект анализа.

Наблюдения за эмотивной динамикой текста позволяют прийти к выводу о том, что любое слово способно актуализировать, приобретать, менять, нейтрализовать, усиливать, понижать и пр. свою эмотивную составляющую в зависимости от контекста. В подтверждение сказанного проанализируем следующий пример:

Я позволил ему отнести меня в мою комнату. У меня не было другого выхода. Он взял меня на руки, и впервые в жизни я не испытал удовольствия от его прикосновений, его пряного запаха, округлой ясности его лба. В эти мгновения мне передалась закрытость матери, ее особое умение держать дистанцию. Я много раз пародировал ее и в тот момент на ходу просто не мог придумать ничего другого. Если бы отец погладил мои усталые плечи, я бы сжался, если бы он вошел в дом, деловито обивая снег с ботинок, я бы в панике вспомнил о пригоревшем суфле из шпината.

Он уложил меня в постель, укрыл и довольно ласково попросил закрыть глаза. Ничего плохого он не делал. Но я не помня себя от ярости соскочил на пол и бросился к коробке с игрушками. У меня лопило в затылке и звенело в ушах, новые, неведомые чувства нахлынули на меня (Канинген М. Дом на краю света).

В представленном фрагменте романа М. Канингема описывается неканоническая схема соотношения эмотивов-стимулов и эмотивов-

реакций: положительно-оценочный стимул в форме выражаемой отцом ребенка доброты и снисходительности провоцирует отрицательно-оценочную реакцию сына. Вызвано это тем, что ребенок, став свидетелем ссоры отца с матерью, решил проявить заботу к отцу и пришел к нему в спальню, чтобы успокоить его. Данное коммуникативное намерение ребенка не было адекватно декодировано отцом, что и стало причиной конфликта. Так, на уровне формы и содержания имеется комплекс лексических средств выражения и описания положительных эмоций. Но отрицательная реакция на выраженный лексически положительный стимул кажется ожидаемой, если учитывать более глубокий уровень анализа – аспект коммуникативных интенций, кодируемых в смысловом пространстве текста. Некорректная интерпретация отцом намерения сына приводит к конфликту. Данная коммуникативная ситуация имеет многоуровневое пространство эмотивной экологичности: не только положительная эмотивность высказываний и действий отца и отрицательная эмотивность высказываний и действий сына, но и зеркальное отображение данного комплекса вербальных и невербальных репликовых шагов – экологичность намерений сына и неэкологичность (по причине отсутствия ориентации на «Другого») действий отца.

Таким образом, в аспекте экологичности/неэкологичности целесообразно исследовать материал не на лексическом, а на текстовом (дискурсивном) уровне. Данный подход позволяет проанализировать эмотивную тональность проблемного текстового фрагмента в аспекте формы и содержания, а также определить влияние затекста и подтекста на эмотивную доминанту. Далее следует применять элементы интент-анализа для того, чтобы выявить коммуникативное намерение автора или персонажа на основе анализируемого фактического материала. Следует учитывать, не только возможную или актуальную неконгруэнтность соотношения эмотивов-стимулов и эмотивов-реакций в диалоге, т.е. внешний уровень средств экспликации эмоций, но и необходимо рассматривать каждого участника диалога как отдельный знак, ведущий внутренний диалог с самим собой. Отметим, что это открывает новую перспективу в рамках изучения обширнейшей проблематики, условно обозначенной нами как «эстетика безумия» [3, 4]. Разного рода психические отклонения по своей симптоматике схожи или идентичны эталонному представлению о динамике языковых процессов. В основе целостности личности лежит совокупность множества субличностей. Это обуславливает ментальную и эмоциональную динамичность человека или его внутреннюю полифонию, которая отражается в языке и речи. Схожую с высказываемой позицию за-

нимает Е. Н. Сердобинцева, которая пишет, что «маска всегда ограничивает восприятие мира», поэтому необходимо «отказаться от собственного «я», чтобы в полном объеме воспринять мир; убрать грани (...) услышать больше, понять глубже [1: 17].

Следовательно несоответствия могут наблюдаться на уровне положительной эмоционально-оценочной интенции и реакции в форме отрицательного эмотивного коммуникативного акта. Последний из перечисленных выше этапов анализа, на наш взгляд, наиболее полно соответствует уровню, изучение которого позволяет заключать об экологичности/неэкологичности речевого поведения, текста или дискурса. Поэтому основным вопросом в ходе лингвоэкологического анализа является не то, как предмет речи вербально охарактеризован, а то, с какой целью была выбрана данная форма выражения коммуникативного намерения.

Список литературы

1. Сердобинцева, Е. Н. В поисках сути / Е. Н. Сердобинцева // Экология языка : сб. ст. 7-й Междунар. науч. конф. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – С. 15–17.
2. Шаховский, В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Изд-во ЛКИ, 2008.
3. Штеба, А. А. Эстетика безумия: постановка проблемы / А. А. Штеба // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики. – Волгоград, 2013. – С. 123–128.
4. Штеба, А. А. Эстетика безумия: шизофреническая языковая личность / А. А. Штеба // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики. – Волгоград, 2013. – С. 192–196.
5. Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве : моногр. / науч. ред. проф. В. И. Шаховский ; отв. ред. Н. Н. Панченко ; редкол.: Я. А. Волкова, А. А. Штеба, Н. И. Коробкина. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013.

ПРОБЛЕМЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКА В РАЗНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ СФЕРАХ

ГРАФОДЕРИВАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ ОНИМОВ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Е. А. Ряжских (Воронеж, Россия)

XXI век – время господства массовой культуры. Она отвечает потребностям большинства и ориентирована на коммерческий успех. В создании коммерческого успеха особую роль играет название «продукта» массовой культуры. Оним становится своеобразным рекламным именем, выполняет функцию товарного знака, что обуславливает использование при его создании способов, характерных для рекламной коммуникации.

Одним из таких способов является графодеривация. При графодеривации в качестве словообразовательного форманта применяются графические и орфографические элементы (графические выделения, знаки препинания и т.д.) [2: 108]. В зависимости от формантов, используемых при образовании подобных производных, в рамках данного способа можно выделить моно-, поли-, кодо- и типографодеривацию. Кроме того, может наблюдаться и сочетание элементов вышеприведенных разновидностей. В этом случае принято говорить о комбинированной графодеривации [Там же: 109–110]. «Таким образом, в графодериватах используются комплексные (составные) словообразовательные форманты, включающие в себя субстанциональный и графический элементы, т.е. единицы разных кодовых систем, разных языков или разных уровней одного языка, выделенные каким-либо графическим способом» [4: 125].

Предметом анализа в данной статье является графодеривация как один из способов создания онимов, активно функционирующих в

сфере массовой культуры, а именно: популярной музыки (эстрадные псевдонимы) и литературы (идеонимы – названия произведений).

Рассмотрим типы графодеривации, использованные при создании онимов (эстрадных псевдонимов и идеонимов). При этом следует иметь в виду, что графодериват может выступать либо компонентом онима (например, эстрадный псевдоним *Агния Бартез* или идеоним «РЕКЛАМист. Ирония реальности»), либо составлять оним целиком (псевдоним *Запewалoff*, идеоним «*Ультрамарин*»).

1. Монографодеривация.

При использовании данной разновидности графодеривации новые лексемы образуются графическими средствами одного языка посредством:

- капитализации (лат. *capitalis* – «главный») – неузвального чередования строчных и прописных букв, приводящего к актуализации в составе анализируемого слова иных лексем или их фрагментов [2: 111]: например, эстрадные псевдонимы *Агния*, *АнтиДецл*, *Бездна*, *БиоПсихоз*, *БиПлан*, *БлокАда*, *БумБокс*, *ВиаГра*, *ДиДюЛЯ*, *ДимАчка*, *жГунЧеГ*, *ИоАнН*, *НеАнгелы*, *НеопределенныЕ*, *НеПлагиат*, *НоГГанО*, *СиТрО*; названия произведений (идеонимы) «Я влюбилась в Четверг. ПрЫнцы без сердца», «Я влюбилась в Четверг. ПрИнцессы без ума» Т. Боковой, «ШИКанутые девчонки» Ж. Гламурной, «Шанс на отЛичную жизнь» Е. Витебской-Мелас и др.;

- дефисации – разбиения слова дефисами на части или слоги, сопровождающегося изменением значения [2: 111]: эстрадные псевдонимы *Дельфин-чик*, *До-ми-но*, *Мо-хитто*, *Пеп-си*, *Эй-ви*, *Ю-кей* и др.;

- капитализации и дефисации: псевдонимы *А-Лексий*, *А-Мега*, *А-Сорти*, *А-Студио*, *А-Эмболия*, *Аква-Вита*, *Ангел-А*, *Кар-Мен*, *Нар-Котики*, *НеГа-ПолЮС*, *Чи-Ли*, *Шан-Хай*, *Ю-Питер*;

- капитализации и пунктуализации (лат. *punctum* – «точка»): псевдонимы *А.Р.М.И.Я.*, *К.У.К.Л.А.*, *Ю.Г.*, *Ц.Е.З.А.Р.Б.*, *А.Т.А.С.*, *Б.М.В.*, *С.К.А.Й* и др.; «Р.А.Б. Антикризисный роман» С. Минаева;

- апострофизации (разбиения слова на части с помощью апострофа) [Там же: 111]: псевдонимы *Анна Д'арк*, *Веня Д'ркин*, *Жуч'ок*, *Лига'лайз*, *Мер'седес*, *О'да*, *О'скар*, *Рай'он*;

- интеграции (слияния, голофразиса) – написания сочетания слов (или целого предложения) без пробелов: название произведения «Матьмоегоробенка, или Азбука аферизма» Т. Огородниковой и др.

2. Полиграфодеривация – это создание новообразований с помощью графических средств разных языков, например, латиницы и кириллицы: псевдонимы *Агния Бартез*, *Алла Ивашина*, *Андрew*, *Апостол G*, *Базука*, *Барboss*, *Блitzкрик*, *Бразилия*, *Вельвет*, *Віктор Павлік*, *Влади-*

мир Бодроff, Воплі Відоплясова, Десятый, Дусслокация, Дэйзу, Заноza, Заневалoff, Земфура, Илюха, Клаб, Клинса, Луса, Люsea, Майкслон, Максим, Муzza, Мультфильмы, Пауза, Послезафтра, Провода, Равновесие, Флайzzza, Шеff и др.; названия произведений «Ultraфиолет» и «Ультрамарин» В. Зеленогорского, «Дорого & Глупо» Л. Капризной, «Секс по любви, или Мечта идиотки», «Секс с первого взгляда, или Окончание следует» С. Петрова, «The Телки два года спустя, или Videоты», «Духless. Повесть о ненастоящем человеке» С. Минаева и др.

3. Комбинированная графодеривация – создание неолексем, произведенных посредством:

– поли- и монографодеривации (капитализации): псевдонимы Алексей СветLOV, БЕТЮщики, ГороDские ЛегенДы, ГрамаStyle, ДимON, ДоSmyn, ЖасStar, ИНТРИГА, комZILLA, ЛоToS, ПЛАТОН и др.; идеонимы: «АвтоSTOP» И. Богатыревой, «sBOбoДА» Ю. Козлова, «МоСковский паноптикум» О. Фоминой, «SoСущее» А. Егазарова, «РЕКЛАМист. Ирония реальности» С. Сотника, «Я твой № 1, или HePOPSовые будни» Т. Цветковой, «Брачный коNтракт или Who Is Ху...» Т. Огородниковой, «MISSМЕДИА. Бои эфирного значения» Н. Нечаевой, «Нечто, или Рублевский POPS ART» Н. Солей;

– поли- и монографодеривации (в данном случае – разбиения слова на части с помощью апострофа): эстрадные псевдонимы Вид'он, Крем'л; название произведения М. Свешниковой «Fuck'ты»;

– поли- и монографодеривации (капитализации и слешинга (англ. slash – «наклонная черта») – разбиения слова наклонной чертой на части, в том числе разбиение морфемного типа): «InterNET/ДА» Б. Богачевой, «Про ЛюбOFF/ON» О. Робски;

– поли-, моно- и типографодеривации (создания неолексем с помощью суперсегментного средства, не являющегося собственно языковым, например, выделение полужирным шрифтом, подчеркиванием или другим способом какой-либо части деривата, что приводит к актуализации некоторых смыслов, к перераспределению сем [2: 109]): «Loveless: Повесть о **ненастоЯщей ЖенщинЕ**» С. Вебер и др.

Зафиксированы и случаи образования онимов при помощи кодографодеривации (посредством сегментных средств разных кодовых систем, одна из которых не является естественно-языковой): псевдонимы Ж@ко, Крылья Восток@, Лин@, Лирик@, Хроник@, Брюнетo4ка, Д1мка, Катя 4ехова, Ме4еный, Ме4та, Про100мария, Барбо\$\$, Кла\$\$, Кра\$\$авчик, Легальный Бизне\$\$, \$анек; название романа «\$то причин убить босса» М. Нарышкина.

Все рассмотренные онимы являются результатом языковой игры и выполняют не только собственно номинативную, но и экспрессивную функции. Широкое распространение таких единиц не случайно: «оно связано с качественно новым этапом развития современной коммуникации – ее демократизацией, визуализацией, интернационализацией; с постмодернистскими идеями о сущности языка и текста (<...> неизбежности языковой игры, вариативности и неопределенности окружающих человека миров и под.)» [3: 40]. «Языковая игра, шутка, травестирование, осмеяние, доведение до абсурда» [1: 463], присущие постмодернизму как превалирующему типу мышления современного человека, проникают во все культурные пласты, в том числе и в массовую культуру.

Однако в массовой культуре языковая игра существует не сама по себе, как «искусство ради искусства», а подчинена правилам рекламной коммуникации, главная цель которой – выгодно продать «товар». Соответственно, название «продукта» массовой культуры должно привлекать внимание потребителя, возбуждать его интерес. В качестве бонуса потенциальный покупатель также получает некое эстетическое и интеллектуальное удовольствие, связанное с «дешифровкой» онима (см., к примеру, названия музыкальных «проектов» *БезДна*, *БлокАда*, *комZILLA*, номинации литературных произведений «Шанс на отЛичную жизнь» Е. Витебской-Мелас, «*InterNET/ДА*» Б. Богачевой, «*Про ЛюбOFF/ON*» О. Робски, «*Dyxless*» С. Минаева и др.). Способность понять и по достоинству оценить игровую составляющую графодеривата способствует повышению самооценки потребителя, льстит его самолюбию, при этом позитивное настроение, полученное адресатом от расшифровки онима, переносится и на сам музыкальный или литературный продукт. Кроме того, об интересном ониме стремятся рассказать другим, что важно для закрепления номинации в памяти потенциальных покупателей.

Таким образом, активное использование графодериватов в номинациях является очевидным свидетельством усиления прагматической функции языка «в ее крайнем проявлении», «лингвомаркетологическом», реализующемся в том случае, «когда язык становится объектом купли-продажи» [3: 40].

Активизация в названиях полиграфодериватов с латинскими компонентами обуславливается и другим фактором: влиянием иностранной культуры. «Увеличение англоязычных информационных потоков... рост англо-русского билингвизма ведут к восприятию английского языка как естественного дополнительного инструмента вы-

ражения различного рода эстетических и эмоционально-экспрессивных смыслов. Такой вид языкового творчества как языковая игра все чаще строится на столкновении и контаминации единиц русского и английского языка...» [5: 86]. Полиграфодериваты являются отражением языковых пристрастий нашего современника. Впрочем, в последнее время в связи с крайне настороженным отношением наших соотечественников к странам Запада, а также ростом патриотических и ура-патриотических настроений вследствие неоднозначной политики Запада в отношении России можно прогнозировать усиление отрицательного отношения российских «потребителей» к неоправданному использованию иноязычных элементов в названиях. Возможно, что чрезмерное использование полиграфодериватов будет расцениваться обществом как навязывание чужой культуры, варваризация языка.

В целом же, способы привлечения внимания потенциальных покупателей к «продукту» массовой культуры с помощью графодериватов становятся уже привычными, а порой и шаблонными. Из-за частого, а в некоторых случаях немотивированного их использования теряется новизна и оригинальность, к которым так стремятся авторы подобных онимов. Думается, что основными критериями в таком случае должны служить чувство меры и языковой вкус, которые и в рамках массовой культуры никто не отменял.

Список литературы

1. Вакулова, Е. Н. Экспансия латиницы – языковая игра или нарушение языковой экологии? / Вакулова Е. Н. // Русский язык: исторические судьбы и современность : тр. и материалы IV Междунар. конгр. исследователей русского языка. – М., 2010. – С. 463–464.
2. Попова, Т. В. Виды графодеривации в современном русском языке / Т. В. Попова // Русский язык: Человек. Культура. Коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. – Екатеринбург, 2008. – Ч. II. – С. 108–113.
3. Попова, Т. В. Креолизация современных дериватов (на материале русского языка) / Т. В. Попова // Русский язык: система и функционирование : сб. материалов IX Междунар. науч. конф. – Минск, 2009. – Ч. I. – С. 37–41.
4. Попова, Т. В. Новые словообразовательные форманты современного русского языка (на материале графодериватов) / Т. В. Попова // Славянские языки и культуры в современном мире : тр. и материалы Междунар. науч. симп. – М., 2009. – С. 124–125.
5. Ривлина, А. А. Об основных приемах современной англо-русской языковой игры / А. А. Ривлина // Ното Loquens: актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков : сб. науч. ст. – СПб., 2011. – С. 86–95.

О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ ЖАРГОННОЙ ЛЕКСИКИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

В. В. Смирнова (Воронеж, Россия)

В связи с увеличением роли компьютерных технологий и всеобщей компьютеризацией в современном мире во многих национальных языках наблюдается тенденция к образованию компьютерных подъязыков – специальных жаргонов, основанных на профессиональном языке и терминах, которые являются средством общения всех людей, чья профессиональная деятельность связана с компьютерной промышленностью. Владение жаргоном является характерной особенностью пользователей умных машин. Сленг помогает им найти общий язык, способствует свободному общению специалистов в сфере компьютерных технологий.

Кроме самоидентификации, ученые-лингвисты обращают наше внимание на ещё две важные функции компьютерного жаргона:

- функция выражения эмоций;
- функция экономии языка, позволяющая передать большой объем информации минимальным количеством слов. Например, при описании конфигурации своего компьютера.

Повышение компьютерной грамотности общества способствует расширению коммуникативных функций и сферы употребления компьютерного жаргона, ведь без него русский язык уже не способен обслужить новую реальность.

Русский компьютерный жаргон создаётся на базе английского языка, но, несмотря на это, ему присущи черты русского менталитета, в нем действуют законы русской грамматики и словообразования. С другой стороны, русский компьютерный жаргон существует и развивается в поликультурной среде. Носители данного диалекта в процессе повседневной коммуникации стирают языковые границы, усваивают нормы речевого поведения, характерные для других языковых культур, осуществляя тем самым межкультурное взаимодействие. Как следствие этого, постепенно создается новый подъязык, элементы которого становятся универсальными и понятными для всех пользователей информационных технологий.

Рассмотрим основные тенденции формирования компьютерного жаргона.

- **Заимствование лексики из английского языка.** К заимствованиям относится третья часть всей лексики компьютерного жаргона. Основную часть прямых заимствований содержит лексика Интернета. Сравнительно меньшим количеством заимствований представлены тематические группы «компьютерные игры, аппаратное, программное обеспечение, информационная безопасность». Здесь русские заимствованные термины представлены, в основном, кальками. Наименьшее количество заимствований содержит тематическая группа «программирование». Это обстоятельство объясняется тем, что этот лексический пласт представлен относительно старым, устоявшимся словарным фондом, который формировался в СССР и России до 90-х гг.

Заимствованиями, грамматически неоформленные средствами русского языка, являются, например, лексемы: «чат» (от англ. «chat») – дружеский разговор, «он-лайн» (от англ. «on line») – на линии, на связи, «мэйл» (от англ. «mail») – письмо, переданное по компьютерной сети и др. [1: 47].

В процессе *грамматического оформления* некоторых заимствований происходит их русификация: «*принтавать*» (от англ. «to print») – печатать; «*коннектиться*» (от англ. «to connect») – связываться при помощи компьютеров; «*кликать*» (от англ. «to click» – звукоподражание «клик») – нажимать на клавиши мыши, «*программить*» (от англ. «to program») – заниматься программированием; Заимствованное из английского языка слово-термин оформляется словообразовательными способами русского языка. Таким образом, появляется возможность языковой игры. Компьютерные неологизмы *стервер*, *сервак* – сервер (от «server»), *дисплюй* (от «дисплей»), *мудем* – плохо работающий модем (от «модем») имеют дополнительное значение, взятое от сходно звучащего русского суффикса или корня.

Путем добавления русских суффиксов к заимствованному корню происходит освоение неологизма, приобщение его к лексическим составу жаргона. Таким образом, слово получает новый дружески-уменьшительный оттенок значения, например: *тырнет*, *нэтик* – Интернет; *вирусняк* – компьютерный вирус; *фотожаба* – фотошоп; *блохи* – ошибки в программе; *оперативка* – операционная система; *юзер* – пользователь компьютера; *мыха* – компьютерная мышка; *геймер* – игрок; *железо*, *железяки* – компьютер; *форточки* – всплывающие окна [3].

- **Способ метафоризации.** С его помощью в компьютерный жаргон попали слова: «*блин*» – компакт-диск; «*мусор*» – помехи в терминальной или телефонной сети; «*реаниматор*» – специалист по «оживлению» отключившегося компьютера. Многочисленны глагольные метафоры: «*сносить*» (сов. вид «*снести*») – удалять из памяти ком-

пьютера ненужную информацию; «*тормозить*» – проводить время за компьютерными играми; «*жужжать*» – устанавливать связь при помощи модема и др.

- Способ *метонимии*. Примером этого способа является употребление жаргонизма «*железо*» в значении «электронные и механические части компьютера».

- Арготизмы – слова, у которых лингвистическая мотивировка отсутствует или непонятна для непосвященных. К таким словам можно отнести лексему «*обуть*» дискету – значит подготовить ее к загрузке в компьютер. О самопроизвольно отключившемся компьютере говорят, что он «*висит*».

Ещё одной тенденцией формирования компьютерного жаргона являются аббревиатуры, составленные из первых букв сокращаемых слов. От русских аббревиатур, типа МГУ, МВД, США, они отличаются тем, что сокращению подвергаются более сложные с точки зрения синтаксической структуры словосочетания, например: ASAP – as soon as possible (насколько это возможно), HAND – have a nice day (удачного дня), TTUL – talk to you later (свяжусь с вами позже), CUL – see you later (увидимся), BTV – by the way (между прочим, кстати), LTNS – long time no see (давно не виделись).

Для лексики компьютерного жаргона характерно явление *синонимии*. Можно назвать следующие синонимические ряды: *комп, тачка, аппарат, машина* (компьютер); *винт, хард, диск, тяжёлый драйв* (винчестер – жёсткий диск, установленный внутри компьютера, где помещены все программы). Есть ряд синонимов, обозначающих нарушение нормальной работы компьютера, когда он не реагирует ни на какие команды, кроме кнопки *reset* (афоризм «на семь бед один reset»). В таком случае о компьютере говорят, что он *повис, завис, встал, упал, рухнул, скорчился, потух*.

Примером *омонимии* в компьютерном жаргоне являются лексемы: «*тормозить*» (плохо, медленно работать – о компьютере) и «*тормозить*» (убивать время, играя в компьютерные игры).

Компьютерный жаргон постоянно пополняется многочисленными фразеологическими оборотами. Большинство из них характеризуется яркой эмоциональной окраской. Среди глагольных фразеологизмов можно назвать следующие: «*жать батоны*» – работать с мышью; «*топать кнопки*» – работать на клавиатуре компьютера и др. К субстантивным следует отнести фразеологические обороты: «*трехпальцевый салют*» («*выход тремя пальцами*») – выключение компьютера одновременным нажатием клавиш Ctrl-Alt-Del; «*мама родная*» – основная (или материнская) плата в вычислительной машине и т.д.

Огромный интерес вызывает использование программистами терминологической лексики в переносном смысле в различных жизненных ситуациях, которые никак не связаны с их профессиональной деятельностью. Например, когда программист не желает выполнять какое-либо поручение, он говорит: «*Can't open*» (или «*Invalid request*») – «Не могу открыть» (или «Необоснованный запрос»). Именно такой англоязычный текст появляется на экране компьютера, когда машина не может выполнить поставленную перед ней задачу.

Для лексики программистов характерна эмоциональная окрашенность и «зацикленность» на реалиях мира компьютеров. Программисты не склонны давать жаргонные названия явлениям, не относящимся к этому миру.

Анализ языкового материала компьютерного жаргона даёт все основания утверждать, что без современных компьютерных терминов, вошедших в наш обиход, русский язык уже не в состоянии полностью обслужить современный мир. Также стоит отметить, что анализ развития компьютерного жаргона даёт возможность понять дальнейшие перспективы и направления развития русского языка в условиях всё более полной компьютеризации человеческого общества.

Таким образом, компьютерный жаргон является уникальным объектом исследования, позволяющим понять законы функционирования этой динамично развивающейся подсистемы русского языка.

Список литературы

1. Экология языка : сб. ст. VII Междунар. науч. конф. – Пенза : Изд-во Пенз. гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского, 2014. – С. 47.
2. Краткий словарь русского компьютерного жаргона. – URL: <http://www.semsk.kz/computers/programs/diction.htm>

ТОЧНОСТЬ КАК КОММУНИКАТИВНОЕ КАЧЕСТВО И СТИЛИСТИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ

Т. А. Чеботникова (Оренбург, Россия)

Б. Н. Головин – один из теоретиков учения о культуре речи и автор первого учебного пособия, в котором была осуществлена попытка ответить на вопрос: «Что такое культура речи?», писал, что термин

«культура речи» обозначает, во-первых, учение о совокупности и системе коммуникативных качеств речи, а во-вторых, совокупность и систему коммуникативных качеств, которые обеспечивают речевое совершенство. В числе таковых ученых называл правильность, точность, логичность, чистоту, выразительность, богатство, уместность. При этом для Б. Н. Головина было очевидным, что правильность речи, обеспечиваемая знанием нормы, оказывается совершенно недостаточной для того, чтобы «речь оказалась вполне хорошей, т. е. обладала нужной для общения отделанностью и культурой» [1: 19]. Этот факт объясняется тем, что нормой регулируется лишь языковая, знаковая сторона речи, не захватывая при этом отношения речи к действительности, сознанию и поведению людей. Речь может быть правильной, но неточной, невыразительной, нелогичной, неуместной и, наоборот, может быть точной, яркой, но при этом не соответствующей нормативным критериям.

Л. И. Скворцов отмечал, что понятие «культура речи» включает два уровня освоения литературного языка [3: 20].

Первый уровень – это правильность речи, знание и соблюдение норм литературного языка. Освоенная норма применяется носителем языка в результате действия речевого автоматизма: только *плАтья*, но не *платьЯ*, только *красИвее*, а не *красивЕе*, только *намЕрение*, а не *намерЕние* и т.п., и говорящий, отдавая предпочтение нормативному варианту, не испытывает затруднений или колебаний. Речевой автоматизм срабатывает и при образовании форм слов: *носки* – *носков* (не *носок*), *чулки* – *чулок* (не *чулков*), и синтаксических конструкций [4: 36–37].

Отметим, что нередко выбор носителем языка ненормативного варианта осуществляется под действием речевого коллектива, демонстрирующего стойкую приверженность к ошибочной словоформе.

Ср.:

М и х р ю т к и н. А отчего это у тебя коренная **ушами** трясет – устала, что ли, она – вишь, вишь, на каждом шагу встряхивает?

Е ф р е м (*оборачиваясь вполовину*). Какая лошадь **ухми** трясет?

М и х р ю т к и н. Коренная, разве ты не видишь?

Е ф р е м. Коренная **ухми** трясет?

М и х р ю т к и н. Да-да, **ушми**.

Е ф р е м. Не знаю, отчего она **ухми** трясти будет. Разве от мух.

М и х р ю т к и н. От мух лошадь всей головой трясет, а не **одними ухми**.

(И. С. Тургенев. Разговор на большой дороге).

В представленном диалоге мы наблюдаем процесс трансформации в речи чиновника Аркадия Артемьевича Михрюткина нормативной формы «ушами» в ненормативную «ушми» и «ухми» под влиянием медленной и уверенной речи кучера Ефрема, который с завидным постоянством повторяет «ухми», «ухми», «ухми». Малокультурный и малограмотный речевой коллектив сегодня также оказывает значительное влияние на речевую практику современников. «Свекла», положь, айда, ихний, квАртал, взади, ехай – вот далеко не полный перечень популярных и стабильных речевых ошибок.

Второй уровень – уровень речевого мастерства, то есть способность отбора и выбора наиболее точного в смысловом отношении, логичного, ясного, стилистически уместного и выразительного варианта. Использование в речевой практике потенциально возможных языковых средств регулируется целесообразностью, которая, по мнению Б. Н. Головина, «задается сознанием говорящих и пишущих людей, субъективно понимающих и оценивающих объективную необходимость каждого (помимо правильности) из коммуникативных качеств хорошей речи» и которое «выковывает образцовую речь и позволяет говорить о высшей степени речевой культуры» [1: 20]. Исходя из содержания приведенной цитаты мы позволим себе утверждать, что правильность представляет собой не собственно коммуникативное качество, а объективно существующее обстоятельство, предопределяющее возможность овладения речевой культурой в полном объеме, предполагающей освоение всего процесса реализации языковых ресурсов в речевой практике носителей языка. Классическим примером речевого мастерства стал ответ академика И. П. Бардина, который на вопрос, как правильно говорить: килОметр или киломЕтр, ответил: «Когда как! На заседании президиума Академии – киломЕтр, иначе академик Виноградов морщиться будет. Ну, а на Новотульском заводе, конечно, килОметр, а то подумают, что зазнался Бардин». Осознанный отказ от нормативного варианта в пользу разговорно-просторечного оказывается эффективным риторическим приемом, использование которого продиктовано чувством коммуникативной целесообразности и, соответственно, свидетельством речевого мастерства.

Овладение речевым мастерством может быть достигнуто путем целенаправленного обучения, воспитания, развития лингвистического чутья, позволяющих соотнести речь с языком, сознанием, с речевой ситуацией, найти оптимально подходящее слово, связать его с другим не менее подходящим, оформить синтаксическую конструкцию, то

есть знать и использовать имеющиеся языковые ресурсы для наиболее эффективного выражения мысли [4: 48].

Для того, чтобы речь приобрела коммуникативное совершенство, носитель языка, по меньшей мере, должен иметь образцы совершенной речи; знать ее признаки и закономерности построения, иметь представление о наличии в языковой системе вариантов и быть осведомленным об их стилистической дифференциации и этической уместности. Кроме этого, у носителя языка должна быть сформирована потребность обращения к словарям и справочникам, а также умение извлекать из них необходимую информацию.

Показателями уровня владения речевым мастерством являются:

- 1) присутствие в продуктах речевой деятельности языковых средств, адекватных цели и адресату;
- 2) использование приемов организации речевого произведения, соответствующих замыслу речи, способствующих взаимопониманию и эффективному решению задач общения;
- 3) освоенность языковых элементов и возможностей их коммуникативного воздействия.

В идеале каждое речевое произведение должно представлять собой единство формы и содержания, то есть оно должно быть правильным (нормативным), точным, выразительным, уместным.

Правильность определяется отношением речевого произведения к литературной норме и рассматривается с точки зрения произношения и грамматики. Точность как коммуникативное качество, с нашей точки зрения, представляет собой весьма сложное образование. С одной стороны, точность – это максимальное соответствие употребляемых слов называемым предметам, явлениям действительности и раскрываемым понятиям, а с другой стороны, точность – это подбор языковых средств, которые отвечают целям и соответствуют условиям общения. Точность как коммуникативное качество хорошей речи была описана Б. Н. Головиным, который дал научное определение этого термина, сформулировал экстралингвистические и структурные условия ее создания. В их числе: 1) знание предмета речи; 2) знание языка, прежде всего его лексической системы и ее возможностей в выражении актов сознания; 3) умение соотнести предмет с языковой системой.

Лингвистическими средствами, способствующими созданию точности, являются все единицы, входящие в структуру речи. При этом особенно велика роль словоупотребления. Неверный выбор слова искажает смысл высказывания, порождает логические ошибки, затрудняет понимание. Так, например, известное предложение **«Дайте водички попить, а то так кушать хочется, аж переночевать негде»**

с точки зрения синтаксической нормы абсолютно верно, однако неадекватное лексическое наполнение стандартной синтаксической модели ведет к разрыву смысловых связей и отношений и становится причиной абсурдности высказывания, обусловленной, с нашей точки зрения, субъективно понимаемой носителем языка целесообразности.

Точное словоупотребление обеспечивается, как известно, знанием системы лексических значений, разграничением значений многозначного слова, дифференциацией оттенков значений слов в синонимическом ряду, разграничением омонимов, паронимов, знанием значений слов узкой сферы употребления (устаревших, профессиональных, заимствованных и т.п.), умением учитывать лексическую, грамматическую, стилистическую сочетаемость слов, знанием норм словообразования, регулирующих выбор морфем, их соединение и размещение в составе вновь образуемого слова, а также знанием употребления фразеологизмов и пр.

Недостаточность или отсутствие необходимых знаний порождает ошибочные, неточные высказывания: *Рождество я отмечал на даче у коллеги по работе; Человека называют современником, если он мыслит в ногу со временем; Нам безразлично, как ты проводишь свой свободный досуг; У него в Михайловском была целая библиотека книг; Простакова хотела выдать в люди своего Митрофанушку; Он любил ответы на письма откладывать в дальний ящик; Комедия Грибоедова сыграла важное открытие; Эти молодые, юные парни все выдержали и не сдались; Он хотел подсудимую скамью использовать для обличения буржуазии; Утопившись, она не сдалась; Этот образ воплощает в себе лучшие качества забитой религиозной женищины царской России; Вася приносил ей свои игрушки, но они не производили радости на Марусю; Такое воспитание Илюши отложило отпечаток на всю его жизнь; У мальчика было страстное прилежание к учебе; Все время ее занимали ухаживания за цветами; Гнет женищины был двойной: во-первых, со стороны мужа, во-вторых, со стороны правительства; Растет его самосознательность; Она была в бешенстве от радости; В аудитории было волнительно; Вовка гладил Шарика по шерсти, виляя хвостом; Листья в лесу пахнут ягодами, зеленью, природой и грибами; Она из окна на нас наблюдала* и др.

Уровень требований, предъявляемых к точности, различается в зависимости от функциональных стилей.

Повышенные требования предъявляются к деловой и научной речи, которой присуща точность, не допускающая инотолкования.

Понятие «точность» приобретает особый смысл применительно к художественной речи. Точное художественное слово возникает на основе глубокого, всестороннего познания объекта речи, причем познания не только логического, но и образного. В литературном произведении точность речи – это прежде всего верность образу. Художественная речь не всегда отвечает требованиям точности в ее традиционном понимании, основанном на соответствии норме. Имеющиеся в художественной речи неточности (даже абсурдности) служат средством создания художественной образности, допускающей разрушение логических связей.

Ср.:

Долго, долго крокодил

Море синее тушил

Пирогамы, и блинами,

И сушёными грибами. (К. И. Чуковский. Путаница.)

В разговорной речи точность как необходимое коммуникативное качество монологической и диалогической речи трансформируется в некое образно-выразительное средство, получающее реализацию при характеристике предметов, явлений, процессов.

Иллюстрацией такого рода точности может служить миниатюра М. Задорнова «Разговор бабки и немца-туриста»:

Приехал немец в Россию. Однажды видит, как бабулька гонит гусей и ругается на них:

– Я вам покажу, собаки вы эдакие!

Удивленный немец подходит и спрашивает:

– Бабушка, это гуси?

– Гуси, милок, гуси!

– А почему ты их собаками называешь?

– А потому, что эти свиньи мне весь огород потоптали!!!

Как видим, разговорный стиль характеризуется наличием особых критериев точности, которые, по сути, представляют собой отступления от норм объективной точности, когда номинативное значение слова заменяется коннотативным. Выбор слова и его значения диктуется субъективной целесообразностью. В этой связи представляется уместным сослаться на работу У. Куайна, который отмечал, что абсолютная адекватность словесного выражения не может быть достигнута вследствие целого ряда причин как объективного, так и субъективного характера. Неправильность референции возникает из-за постоянно меняющейся точки зрения на объект. То, что истинно в нашем назывании объекта в один момент, может уже не быть таковым в другой [2].

Таким образом, точность как коммуникативное качество хорошей речи коррелирует с другими показателями качества, и прежде всего с правильностью, логичностью и уместностью. Говорить о точности допустимо лишь в приложении к конкретному стилю, поскольку каждый стиль имеет свои критерии точности. В поисках слова, формы, фразеологического выражения, синтаксической конструкции следует помнить, что точность – категория стилистическая.

Список литературы

1. Головин, Б. Н. Основы культуры речи : учеб. пособие / Б. Н. Головин. – М. : Высш. школа, 1980. – 335 с.
2. Куайн, У. Слово и объект / У. Куайн. – М. : Логос, 2000. – 289 с.
3. Скворцов, Л. И. Культура языка – достояние социалистической культуры / Л. И. Скворцов. – М. : Просвещение, 1981. – 191 с.
4. Чеботникова, Т. А. Коммуникативная культура и речевое поведение личности / Т. А. Чеботникова // Ящик Пандоры: теория, практика, контрольно-измерительные материалы по культуре устной и письменной речи : сб. / науч. ред. д.филол.н. Т. А. Чеботникова ; отв. ред. к.пед.н. П. А. Якимов. – Оренбург : ГБУ РЦРО, 2014. – 170 с.

ЛИНГВОЭКОЛОГИЯ ДОКУМЕНТНОГО ДИСКУРСА

А. А. Шкатова (Челябинск, Россия)

Специфическим методом анализа организация мы считаем коммуникативный аудит, который понимаем как «диагностическое обследование речевой коммуникации в форме наблюдения за речевой деятельностью сотрудников и анализа корпоративных текстов с позиции их целесообразности для оптимального уровня долгосрочной эффективности организации» [4:190]. Актуальность коммуникативного аудита дискурса директ-маркетинга видится в том, что коммуникационная политика в сфере продажи товаров по почте редко подвергается лингвистическому анализу, хотя это важнейшая составная часть комплекса маркетинговых мероприятий, используемых организацией для информирования, убеждения и напоминания потребителям о своих товарах и услугах.

Адресная почтовая рассылка в системе директ-маркетинга делается с целью привлечь наибольший процент постоянных клиентов. Однако назойливость и лживость посланий ряда торговых фирм вызывает протесты потребителей в социальных сетях и служит предметом осуждения в теле- и радиопередачах. Поэтому адресанты меняют тактику письменных обращений к потенциальным покупателям, в частности, используя имитацию документов как одну из форм вовлечения адресатов в торговые операции, как особый маркетинговый ход.

Документом является информация, зафиксированная на материальном носителе в качестве информационного источника и средства юридического доказательства. Как определяет Малый академический словарь, документ – это «деловая бумага, служащая доказательством чего-л., подтверждающая право на что-л.» [2: 421]. Управленческие документы по наименованию, форме и содержанию реквизитов должны соответствовать Государственной системе документационного обеспечения управления (ГСДОУ), унифицированной системе документации, государственным стандартам на документацию, другим нормативным документам, содержащим правила документирования.

Для того, чтобы документ отвечал своему назначению и имел юридическую силу, он должен быть оформлен в соответствии с формуляром, установленным для данной разновидности документа. Формуляр – это совокупность реквизитов, принятых для определенного вида документов. Реквизит – составная часть документа. Формуляр имеет обязательный набор составных частей документа, расположенных в определенной последовательности. Как правило, документы оформляются на бланках.

Значимость документа (деловой бумаги) зафиксирована в фольклорном сознании россиян, где документ чаще неуважительно обозначен как «бумажка», «клочок»: *Без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек; Что написано пером, того не вырубишь топором; Скажешь – не воротишь, напишешь – не сотрешь, отрубишь – не приставишь; Не велик клочок, да в суд волочет; Бумажки клочок в суд волочет (или: в тюрьму волочет), хотя доверие к деловой бумаге несомненно выше, чем к устному слову: Это еще вилами на воде писано; Плюнешь – не воротишь; выпустишь слово – не поймашь* [1].

Нами проведен коммуникативный аудит документного дискурса почтовых рассылок ряда коммерческих фирм, действующих на территории Российской Федерации: «ДМСР», «Директ почта», «Здоровье и комфорт», «НА ДОМ», «ПОСТ ШОП», «Почта сервис», «Русбьюти», «Салон умных подарков», «Товары почтой». Адресата рассылок мы условно называем Ивановым Иваном Ивановичем, поскольку письма

реально направлены одному получателю, который и обратился к нам с просьбой «разобраться с этими мошенниками». Мы считаем, что чистота языковой среды напрямую касается филологов и, прежде всего, является предметом экспертной оценки на базе лингвоэкологии как науки, изучающей «среду обитания» языка [3:3].

Одной из главных задач директ-маркетинга является установление прямой коммуникации только с представителями целевой аудитории, однако указанные нами торговые фирмы направляют свои предложения далеко не тем, кому может понадобиться данный продукт или услуга, а непродуманное предложение или использование неточных списков рассылки вызывает лишь раздражение получателей. Они называют такие рассылки «мусорными» и требуют их запрещения на законодательном уровне, а потому рано или поздно государstвам придется вмешаться, поскольку грамотный прямой маркетинг в принципе не должен иметь никакого отношения к рассылке «мусора».

Надо заметить, что название и юридический адрес указанных фирм не афишируются, письма с бланками заказов на товары предлагается отправлять на номер банковского счета или на почтовый ящик в заранее заготовленных конвертах. Необычным является уже тот факт, что о наличии документов сообщается на конверте: *ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ФИНАНСОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ; ПЕРСОНАЛЬНАЯ ЧЕКОВАЯ КНИЖКА; Срочное международное отправление* (ООО «Русбьюти» 21.01.2015); *ОТКРЫТЬ СРОЧНО № отправления: 0004586 456 ВНУТРИ ИМЕННЫЕ ДОКУМЕНТЫ СРОЧНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ* («Директ Почта» 20.02.2015); *СРОЧНО! Корректирующее Извещение о Денежном Переводe на Ваше имя* («ПОСТ ШОП» 16.02. 15). *Важно: Настоящие документы зарегистрированы к отправке по указанному выше адресу. В случае, если Вы не являетесь адресатом, просьба сообщить об этом по телефону 8 (495)787-22-82 ВАМ НИЧЕГО НЕ НУЖНО ДЕЛАТЬ! МЫ ВСЕ СДЕЛАЛИ ЗА ВАС!* («НА ДОМ» 06.03.15). Крупный шрифт, использование яркой цветовой гаммы, указание на срочность должны, по замыслу отправителей, привлечь внимание не только адресатов, но и сторонних лиц.

Анонимными часто являются и вложения в письма. Так, каталог «Товары почтой» прикладывает якобы копию статьи о Главном победителе: *Уважаемый Иван Иванович! О Вашей победе мы сообщили на страницах одной из крупнейших газет... После выхода статьи мы получили тысячи звонков и писем от людей, желающих поздравить Вас с победой и порадоваться за Вас и Ваш выигрыш.* Ни название газеты, ни дата выпуска не приводятся, зато «статья» содержит ре-

кламный текст: *Почтовый каталог «Товары почтой» начал свою работу совсем недавно, но уже тысячи людей по всей стране оценили его преимущества... Таким образом, «Товары почтой» – это своего рода «золотой ключик» наших дней, благодаря которому благосостояние постоянных клиентов каталога будет только расти!»* («Товары почтой» 20.02.15).

В содержании писем представлены копии формуляров реальных документов, имеющих набор обязательных реквизитов, например: *ПЛАТЕЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ, ПРИКАЗ, СЕРТИФИКАТ, ПАСПОРТ ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА, ЧЕКОВАЯ КНИЖКА*. Например,

ПРИКАЗ

Об учреждении антикризисной акции № 153 ФФ Москва 02.03.2015

В связи со сложной экономической ситуацией в стране ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Учредить специальную антикризисную акцию с Главным призом в размере 2 300 000 рублей.

2. В кратчайшие сроки выбрать получателя 2 300 000 рублей и отправить ему пакет документов не позднее 06.03.2015

3. Ответственный за исполнение приказа Татьяна Яковлева, руководитель Службы вручения призов.

Алексей Воронцов, директор по проведению маркетинговых акций (подпись) Печать Дирекции по проведению маркетинговых акций.

*С приказом ознакомлена (Подпись Яковлевой)
(«НА ДОМ» 06.03.15).*

Однако в большинстве представлены тексты, не имеющие аналогов в реальном документном дискурсе: *БЛАНК СОГЛАСИЯ НА ВРУЧЕНИЕ 5 500 000 РУБЛЕЙ; ДОКУМЕНТ ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ВЫПЛАТЫ ГАРАНТИРОВАННОГО ПРИЗА «КУПОН ТРАНСФЕРА КАПИТАЛА»; КАРТОЧКА УЧЕТА ПЕРСОНАЛЬНОЙ ВЫПЛАТЫ; ОФИЦИАЛЬНЫЙ БЛАНК СТРОГОЙ ОТЧЕТНОСТИ; ПЕРСОНАЛЬНАЯ ЭТИКЕТКА ВЫПЛАТЫ; ПРЕМИАЛЬНАЯ КАРТОЧКА; ФИНАЛЬНОЕ ПОДТВЕРЖДЕНИЕ; СЕРТИФИКАТ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ИДЕНТИФИКАЦИИ; УКАЗАНИЕ О ДЕНЕЖНОМ ПЕРЕВОДЕ; ЭКСТРЕННОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ; МОЕ СОГЛАСИЕ НА получение 2 300 000 Рублей 8 мая 2015 года; ТРЕБОВАНИЕ В БАНК о продлении срока размещения денежных средств; документ окончательной выплаты ГАРАНТИРОВАННОГО ПРИЗА; УВЕДОМЛЕНИЕ ОБ ОКОНЧА-*

ТЕЛЬНОЙ ВЫПЛАТЕ ДЕНЕЖНЫМ ПЕРЕВОДОМ; ФОРМУЛЯР СОГЛАСИЯ НА РАЗБЛОКИРОВКУ ДОСТУПА К 2 800 000 РУБЛЕЙ.

Для большей убедительности «документа» используются специальные речевые формулы: *ДОКУМЕНТ ПОДТВЕРЖДЕН ПРИЗОВОЙ КОМИССИЕЙ; ТОЛЬКО ПРИЛАГАЕМЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ ОФИЦИАЛЬНО УТВЕРЖДЕНЫ ДЛЯ ИСТРЕБОВАНИЯ 1 000 000, 00 РУБЛЕЙ; ПОДТВЕРЖДЕНИЕ ГАРАНТИРОВАННОЙ ВЫПЛАТЫ; УКАЗАНИЕ О ДЕНЕЖНОМ ПЕРЕВОДЕ* и под. Например,

ВЕДОМОСТЬ ПРОЦЕДУРЫ ВЫПЛАТЫ 2 700 000 РУБЛЕЙ официально подтверждена Финансовой Дирекцией «Мегги Молл» и Службой Банка по работе с ключевыми клиентами (Дирекция каталога «Мегги Молл» 15.11.2014).

Характерными являются микроскопические дополнения к красочным документам: *ЧЕК ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ПЕРЕВОДА 2 800 000 РУБЛЕЙ НА ИМЕННОЙ СЧЕТ 23400000000129747006* (Приписка сверху мелкими буквами: *так может выглядеть чек в случае признания вас главным победителем*) («НА ДОМ» 11.02.15); *ПЛАТЕЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ №15* (Приписка сверху мелкими буквами: *Так может выглядеть платежное поручение в случае признания Вас Главным победителем*) (Фирма «ДМСР» 13.02.15); *УВЕДОМЛЕНИЕ О НАЧИСЛЕНИИ 950 000 РУБЛЕЙ. В случае признания Вас Главным Победителем так может выглядеть Уведомление СОГЛАСИЕ НА ПОЛУЧЕНИЕ 950 000 РУБЛЕЙ* («Товары почтой» 28.02.15).

Показательна используемая лексика, призванная создать нервную атмосферу спешки, вызвать опасение опоздать: *СРОЧНО! ТОРОПИТЕСЬ! ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! ПОСЛЕДНЕЕ УВЕДОМЛЕНИЕ; ПОСЛЕДНЕЕ НАПОМИНАНИЕ О ВЫИГРЫШЕ: СРОЧНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ О ВЫПЛАТЕ ПРИЗА; ЭКСТРЕННОЕ СООБЩЕНИЕ «Мегги Молл»; Срочное международное отправление; СРОЧНАЯ ОТПРАВКА КЛИЕНТУ УТВЕРЖДЕНА; ВСКРЫТЬ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО.*

Так, Комитет дирекции «Товары почтой» предупреждает: *У Вас есть только 7 дней для ответа! Успейте ответить вовремя и получите Ваш заслуженный 1 000 000 рублей! Торопитесь! Не упустите Ваш шанс стать богаче уже 26 февраля 2015 г. (17.02.15).* Дирекция каталога «Салон умных подарков» советует: *У Вас есть ровно 72 часа, чтобы сообщить цвет Вашего KIA Sportage или выбрать денежный эквивалент автомобиля – 1 000 000 рублей (20.02.15).* Сотрудники фирмы «Здоровье и комфорт» пугают: *Уважаемый клиент, срочно*

ответьте. 48 часов ДО ПРИНЯТИЯ ШТРАФНЫХ САНКЦИЙ (19.02.15).

Для придания убедительности «документу» используется даже такой прием, как отпечаток пальца: *ВНИМАНИЮ КЛИЕНТА! Иванов И.И.! Данный отпечаток пальца принадлежит директору «Мегги Молл» Сергею Полежаеву и является гарантией идентификации Вас, как получателя 5 500 000 рублей (17.12.14).*

Реальным всегда остается один документ – *БЛАНК ЗАКАЗА*, к которому просят не забыть приложить квитанцию об оплате.

О том, что имитируемый документ является фальшивкой, свидетельствует отсутствие конкретных указаний на его источник и наличие описок и ошибок: *Банк, центральное отделение по г. Москва 29.12.14г. № 137463; ВЫПИСКА Из банка о незарегистрированных денежных средствах...* Показательно, что на этой «филькиной грамоте» стоит печать «КОПИЯ имеет силу оригинала» («Здоровье и комфорт» 05.01.15). См. также стилистически безграмотные «документы»: *ФОРМУЛЯР ТРЕБОВАНИЯ ВРУЧЕНИЯ ПРИЗОВ И ПОДАРОКОВ* («Товары почтой» 20.02.15): *Уведомление об окончательной выплате денежным переводом Аттестация Гарантии Выплаты* («ДМСР» 13.02.15); *ТРЕБОВАНИЕ В БАНК о продлении срока размещения денежных средств; ЭКСТРЕННОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ, МОЕ СОГЛАСИЕ НА ПОЛУЧЕНИЕ 2 300 000 рублей 8 мая 2015 года* Конверт: *МЫ НЕ СМОГЛИ С ВАМИ СВЯЗАТЬСЯ! ВЫПЛАТА 2 300 000 РУБЛЕЙ ПОД УГРОЗОЙ СРЫВА.* Эта наклейка – *Ваша последняя возможность претендовать на 2 300 000 рублей!* («Здоровье и комфорт» 03.03.15); *БЛАНК ЗАПРОСА 2 800 000 РУБЛЕЙ; ФОРМУЛЯР СОГЛАСИЯ НА РАЗБЛОКИРОВКУ ДОСТУПА К 2 800 000 РУБЛЕЙ* («НА ДОМ» 11.02.15).

Признание в том, что подделки являются лишь приманкой, «пустышкой», читается в словах, зачастую сопровождающих прилагаемые красочно выполненные «документы»: *СРОЧНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ О ВЫПЛАТЕ ПРИЗА*, Финансовый департамент каталога «Дисконт». Так может выглядеть *Уведомление в случае объявления Вас Главным победителем. Гарантия выплаты Главному победителю ПЛАТЕЖНОЕ ПОРУЧЕНИЕ № 15.* Так может выглядеть *платежное поручение в случае признания Вас Главным Победителем* («НА ДОМ» 17.02.15); *БЛАНК ЗАКАЗА. ЧЕК НА ДОПОЛНИТЕЛЬНУЮ ПРЕМИЮ 150 000 РУБЛЕЙ* (С припиской мелким шрифтом) *Не является финансовым документом. См. условия акции на приложенных документах; Договор страхования транспортного средства* (Приписка на боковом поле) *Образец. В случае признания Вас Главным по-*

бедителем и получателем автомобиля так может выглядеть страховой полис («Салон умных подарков» 16.02.15); УВЕДОМЛЕНИЕ О НАЧИСЛЕНИИ 950 000 РУБЛЕЙ. В случае признания Вас Главным Победителем так может выглядеть Уведомление («Товары почтой» 28.02.15).

Таким образом, диагностическое обследование документного дискурса торговых фирм, занимающихся директ-маркетингом, показало его нецелесообразность для оптимального уровня долгосрочной эффективности организаций, поскольку он не способствует привлечению и удержанию клиентов, рано или поздно осознающих фальшь имитации документов как особого маркетингового хода нечестных и навязчивых торговцев.

Опасность засорения языковой среды русского документного дискурса заключается в том, что использование имитации документов в качестве «приманки» наивного потребителя приводит к утрате доверия россиян к официальной бумаге и в целом к документообороту внутри страны. Долг филологов – предупреждать государственные структуры о необходимости административных преград для фальшивок, заполняющих рынок почтовых рассылок.

Список литературы

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : ЭКСМО-Пресс ; 2002.
2. Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой ; Ин-т рус. яз. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981. – Т. 1.
3. Сердобинцева, Е. Н. Предисловие / Е. Н. Сердобинцева // Экология русского языка : материалы 5-й Междунар. науч. конф. – Пенза : Изд-во Пензенского гос. пед. ун-та им. В. Г. Белинского, 2012. – С. 3.
4. Шкатова, Л. А. «Коммуникативный аудит» как термин практической лингвистики / Л. А. Шкатова // Язык. Культура. Коммуникация : материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. С. А. Питина. – Челябинск : Челяб. отд. РАО, 2004. – С. 189–192.

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА: ВЗГЛЯД В ПРОШЛОЕ

Е. Н. Бекасова, Е. А. Миронова (Оренбург, Россия)

– Марина Ивановна, у Вас есть словарь мата?

– А зачем? Идите на улицу, там всё есть!

Из разговора в читальном зале библиотеки ОГПУ

Инвектива, выполняя около 30 функций, занимает определённое место в языковой системе, сочетая в себе как деструктивность, так и социальный практицизм. Однако в современном обществе, утратившем выработанные веками регламентации и запреты, инвектива трансформируется и приобретает признаки пандемии, искусственно подпитываемой со стороны средств массового воздействия и разрушающей человеческие устои. Уже стало правилом «упорное сознательное нарушение табу на инвективы в печати, по радио и телевидению», имеющее место во многих странах мира [5: 215], достаточно в этой связи привести *Приколы Русского радио*, которые используют инвективную тематику как элемент «языковой игры на грани фола» [4: 38].

В такой обстановке возникают и постоянно подпитываются различные мифы типа безусловной необходимости мата; его обособленности как языка, на котором можно общаться, не прибегая к литературному языку; мата как виртуозного словесного искусства, преимущества русского мата перед другими национальными инвективами. Однобокость и невежественность в понимании такого сложного феномена как инвектива приводит к его востребованности «даже в высокохудожественной литературе», где «инвективы, так сказать, среднего радиуса действия уже стали общим местом и вряд ли кого-нибудь шокируют» [5: 210].

В этом контексте неудивительна развернувшаяся вокруг Федерального закона Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 101-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» и отдельные законодательные акты

Российской Федерации в связи с совершенствованием правового регулирования в сфере использования русского языка» [11] «борьба» за свободу самовыражения современного художника. Российская общественность отреагировала на закон неоднозначно, в том числе и было заявлено, что «нецензурная брань сама по себе является частью нематериального культурного наследия». Журналист газеты «Известия» Илья Смирнов, возмущаясь такой позицией, удивляется: «Видные деятели искусства направили петицию в правительство – настаивают на праве ругаться матом, потому как. Вот так! Мат уже часть нашей культуры! И это говорит интеллигенция!» Разделяя точку зрения И. Смирнова, И. А. Стернин делает вывод: «не надо уповать на «правдивость художественных образов» – мат не делает их правдивее, он делает их омерзительнее. Образы создает талант художника, а не используемые им матюки. Если вы не можете создать образов без мата, вы сквернослов, а не художник» [10]. Такое положение – следствие того, что «авторы 2000-х не создают свой художественный мир, художественное пространство, свою художественную реальность – они перелагают, предметно описывают существующую действительность и следуют ей, идут за нею» [13].

Безусловно, бурная «ивективизация» сегодняшнего дня – результат, с одной стороны, фрустрированности общества, его тревожности и взвинченности [12], а с другой, – беспрецедентной вседозволенности и намеренной распушенности как «плебелизации всей страны» (о. Вениамин). Подобные экстремальные ситуации, в том числе на сломе традиций и духовности, Россия переживала неоднократно. Но первым испытанием была одна из самых трагических страниц нашей истории – объективно необходимая реформа церкви, повлекшая за собой гражданскую войну, отголоски которой слышны до сих пор. Амбициозность царя Алексея Михайловича, безоглядная нахрапистость Никона, великая спесь и жадность греков, бесстыдство и безверие иноземных мошенников разного ранга, невежество и растерянность русских – всё это, сплетаясь в единый клубок, унижало благочестие Руси, умаляло заслуги святых и отнимало достоинство отечества, приводило в смущение человека [3]. Книжная и обрядовая справа повлекли за собой бесконечную полемику, а затем великую «прю» и раздор, которые изливались и на страницы сочинений супротивников [1]. Запалом в этой адской смеси стала языковая проблема, она же и потребовала новых языковых средств, поскольку церковный переворот создавал «необходимость приобретения сторонников и последователей, поскольку религиозные убеждения становились не автоматически наследуемым элементом традиционной культуры, а предметом индивидуального выбора» [6: 336].

В этих условиях языковой рефлексии – словесного «ратования» – противоборствующие стороны должны были прибегнуть к инвективе вследствие её катартической функции и как средству вербальной агрессии. С этой точки зрения представляется интересным определить инвективный континуум одного из самых неистовых обличителей «искривления» древнего благочестия и, пожалуй, самого эмоционального русского писателя – протопопа Аввакума.

Для Аввакума вся жизнь – в словесной борьбе – «Яко со зверьми, по человеку со искусители *брахся*»: *иное хошу промолчать, ино невозможное дело: горит во утробе моей, яко пламя палит. И плачу, и ратуюся <...> «понеже совесть нудит, претерпеть не могу»* [8: 170–171]. Поэтому он так тонко различает любые оттенки и разнообразия словесной брани, например в письме к боярыне Ф.П. Морозовой, княгине Е. П. Урусовой и М. Г. Даниловой, ср.: нет ли в вас между собою *ропоту*? ныне ли чести искать или о нужной пищи *ропотить*? а в *пустошном* сем только *ропот* и *бессоветие*; *злославия терние*; *ссору положил*; *учал блудить* (211, здесь и далее стр. по [7]); я на твоё *плюсканье* (шум от удара, плеск, см.: [9 (14: 113)]) не гляжу (211); *ругаяся* тебе (213); не *пререкуйте* (214) и др. В этом же письме имеется обоснование необходимости брани, её значимости для утверждения устоев веры: «А Меланью ту твою веть я знаю, что она доброй человек, да пускай не розвешивает ушей, стадо то Христово крепко пасет, как *побраню*. Ведь я не *сердит* на нея, – чаю, знаешь ты меня. Оне мне и малины прислали, радеют миленькие. А мне, петь-су, своих тех как покинуть! Надобе друг друга *журить*, как бы лутчи. Я *браню* ея, а она благословения просит» (214).

В таких контекстах слово *бранить* синкретично реализует практически все его значения: возбранять, запрещать, препятствовать; предостерегать, предупреждать; оборонять, охранять; бранить, упрекать, ругать [9 (1: 315–316)]. И в этом случае для Аввакума нет никаких ограничений для адресатов – будь то его духовные чада или никониане: «Я тебя <Феодосия Прокопьевна> *избраниял* в те поры, – прости бога ради!» (212). «Простите, брате, никонияне, что *избраниял* вас; живите, как хотите» (85). Ради спасения души заблудших и заблуждающихся в «люто время» Аввакум готов всегда и со всеми отстаивать святую веру в её трагическом разломе: «А к Федору Ртищев *убранитца* со отступниками ходил» (92); «*Побранил* их, *побранил* их, колько мог, и последнее слово рекл: «чист есмь аз, и прах прилепший от ног своих отрясаю пред вами, по писанному: «лутче един творяй волю божию, нежели тьмы беззаконных!» ... Да толкать и бить меня стали; и патриархи сами на меня бросились, человек их с сорок, чаю, было, – велико антихристово войско собралось!» (102).

Более того, семантика слова расширяется до значимости теологических дискуссий: «журят меня за то, что патриарху не покорился, а я *от писания* ево *браню* да лаю» (147); «Посем указ пришел: велено меня ис Тобольска на Лену вести за сие, что *браню от писания* и *укоряю ересь* никонову» (148).

В отношении к царю Аввакум несколько смягчает накал наставления: «паки *заворчал*, написав царю многонько-таки, чтоб он старое благочестие взыскал и мати нашу общую – святую церковь, от *ересей* оборонил и на престол бы патриаршеский пастыря православнова учинил вместо *волка* и *отступника* Никона, *злодея* и *еретика*» (92). Он отстаивает своё право ворчать на царя, потому что брань и ворчание, в отличие от лъстивости, лизания и потакания, являются следствием любви: «*Любя* я тебе, право, сие сказал, а иной тебе так не скажет, но вси *лизут* тебя, – да уже *слизали* и душу твою!» (159), «как бы то я, бедной, тебе *ворчу*, – архиереи те не помогают мне, *злодеи*, но токмо *потакают* лишю тебе: жги, государь, крестьян тех» (161). Надежда на то, что Алексей Михайлович одумается и покается перед невинными – «веть мы у тебя не отнимаем царства тово здесь, ниже иных взмущаем на тебя, но за веру свою стоим, боля о законе своем, преданием от святых отец» (160), – обуславливает отбор тех же инвектив, которыми он награждает и свою паству: «Надобно тово царя Алексея Михайловича постричь беднова, да пускай поплачет хотя небольшое время. *Накудесил* много, *горюн*, в жизни сей, *яко козёл скача по холмам, ветер гоня*»... (160). Ср., например, «Миленький дитятко, где ты гулял? ... или по *холмам* скакал? Кайся, *треглавный змей*, кайся. *Собака, дура*» [8: 220]; «Досифей, а Досифей! *Поворчи*, брате, на Олену ту старицу: за что она Ксенью ... изгоняет?» (217); «*Дурька, дурька, дурищо!* На что тебе, *вороне*, высокие хоромы! Нет, полно, меня при тебе близко, я бы *оципал* тебе волосье за граматику ту» [8: 228], «*Глупая, безумная, безобразная*, выколи глазища те свои челноком, что и Матридия» (208) и под.

Резко меняется инвективный настрой, когда дело касается не ратования с колеблющимися в вере чадами, «попами пьяными, и с крылошанами, и с прихожанами», бродящими по церкви нищими – «и плачу, и ратуюся» [8: 170], а «супротивников», «акаяного, злобесного» вероотступника, еретика и «бесчинника» – тех, кто несёт «внешнюю и римскую бл.дь, прелесть, тлю и пагубу» (140) и «самый дух святой оскорбляют и досаждают богу паче, нежели оный раззоритель-тряпезы» (232). При этом следует отметить, что многие из ныне скверных слов не имели такого статуса раньше. Например, охотно используемое сегодня для связки слов однокоренное со словом *блуд* и

нередко заменяемое *блином* слово имело значения ‘*ложь*’, ‘*обман*’, ‘*ересь*’, ‘*лжеучение*’, ‘*лжец*’, ‘*обманищик*’ и только в последнюю очередь – ‘*распутная женщина*’ [9 (2 249–251)]. При этом в текстах Аввакума сочетание с *сыном* может трактоваться по-разному: использование данного сочетания для обозначения никониан может рассматриваться как ‘сын, порождение ереси’, тогда как контекст в отношении Аввакума – «Наипаче ж попы и бабы, которых унимал от блудни, вопят: «Убить вора, бл.динасына, да и тело собакам в ров кинем!» (145) – однозначно свидетельствуют о «переоборотах» людского сознания в моменты разрушения души, сопровождающиеся «матерной лаею».

Сам Аввакум разнообразен в своих проклятиях и инвективах: «пестрообразные звери» (164), Никон – волк, отступник, злодей, адов пес, последний антихрист, шиш, плутишко, узник земли нашей (164), волчонки (*завылиши блевать стали* – 168), никониане-кровососы, угодники диявольские, венцедавы [8:209–210], «кровоядец и навадник, убийца и душегубец» [8: 156], «А власти, яко *козлы* пырскать стали на меня»... (164) и под. Однако и здесь Аввакум также многомерен в проявлении своих чувств: от безудержного гнева – «А что, государь-царь, как бы ты мне дал волю, я бы их, что Илия пророк, всех перепласталво един час. Не осквернил бы рук своих, но и освятил, чаю» (206) – до великой печали и сожаления об утраченном единстве – «никониане братия наша были и украл их тать» (211), «Потужить надобно о них, о бедных. Увы, бедные никонияня! погибаете от своего злаго и непокориваго нрава!» (103); «Сами видят, что дуруют, а отстать от дурна не хотят: омрачил дьявол, – что на них и пенять!» (95) и под.

«Заматоревый во днех злых» [8: 211] Аввакум везде – и в гнев и в печали – остерегается «матерной лаи», поскольку злословие – это «болезни душ», «не их то дело, но сатаны лукаваго», и надо придерживаться святого писания в «духови, взоре, ступании, глаголании, вопросе и ответе», а «советници же и учителя наши – святое писание» [8: 226]. Поэтому он осуждает ругательства как состояние злобесных. Описывая царю бесчинства воеводы Пашкова – «пытал, бил кнутъем, и ребра ломал, и огнем жег», – Аввакум выделяет ругань как естественную составляющую паталогической жестокости: «Прочих же ево ругательств и муки к государевым служивым людям не достанет ми повествовати лето. А иные ево, Афонасьевы, ругательства сказать странно и страшно...» (192).

Но совершенно другая оценка ругани «мужичков деревенских, миленьких»: «Умному человеку поглядеть, да лише заплакать, на них

глядя. У спаса они лутче чернцов тех, которые клабуки те рогатые ставцами теми носят. Полно. Оне, горюны, испивают до пьяна да матерны бранятся, а то бы оне и с мучениками равны были; да што же делать? и так их не покинет бог!» [7: 103]. Таким способом в нечеловеческих условия сохраняется святость души в худом житье ценою худого слова [2].

Следует внимательнее вдуматься в рассуждение Аввакума о русском языке: «Говори своим природным языком; не уничай ево и в церкви и в дому, и в пословицах». Упрекая Алексея Михайловича в «эллинском» уклоне, Аввакум считает, что «любит нас бог не меньше греков; предал нам и грамоту нашим языком Кирилом святым и братом его. Чево же нам еще хочется лучше тово? Разве языка ангельска? Да нет, ныне не дадут, до общаго воскресения. «Да аще бы и ангельски говорили, – Павел рече, –любве же не имам, бых яко медь звенящи или яко барабаны ваши! Никоея пользы в них несть» [8: 159].

И действительно, без любви порождённое слово как барабан или медь звенящая – звук пустой, поскольку не несёт того главного человеческого чувства, которым процветал человеческий дух и искусство – любви.

Список литературы

1. Бекасова, Е. Н. Просторечие как феномен церковных распрей / Е. Н. Бекасова // Русская устная речь : материалы Междунар. науч. конф. «Баранниковские чтения. Устная речь: русская диалектная и разговорно-просторечная культура общения» и межвуз. совещания «Проблемы создания и использования диалектологического корпусов» (г. Саратов, 15–17 ноября 2010 г.). – Саратов : Наука, 2011. – С. 13–15.
2. Бекасова, Е. Н. Слово, направляющее жизнь / Е. Н. Бекасова // Филологический класс. – 2015. – № 1 (39). – С. 66–71.
3. Бекасова, Е. Н. Уроки истории: «Великий раздор» как результат книжно-обрядовых исправлений в XVII в. / Е. Н. Бекасова // Российская нация: этнокультурное многообразие в гражданском единстве : сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. – Оренбург, 2011. – С. 216–223.
4. Гридина, Т. А. Приколы «Русского радио»: новые жанры медиадискурса в свете традиционной смеховой культуры / Т. А. Гридина // Политическая лингвистика. – 2014. – № 2. – С. 34–38.
5. Жельвис, В. И. Поле брани: сквернословие как социальная проблема / В. И. Жельвис. – М. : НИЦ Ладомир, 1997.
6. Живов, В. М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры / В. М. Живов. – М. : Языки славянской культуры, 2002. – (Язык. Семиотика. Культура).
7. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия ; подг. текста и ком. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева,

- А. С. Елеонской, А. И. Мазунина, В. И. Малышева, Н. С. Сарафановой. – М. : Гослитиздат, 1960.
8. Житие протопопа Аввакума им самим написанное и другие его сочинения / под ред. Н. К. Гудзия ; подг. текста и ком. Н. К. Гудзия, В. Е. Гусева, Н. С. Демковой, А. С. Елеонской, А. И. Мазунина. – Иркутск : Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1979.
 9. Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–28. – М. : Наука, 1975–2008 (издание продолжается).
 10. Стернин, И. А. Культура из трёх букв / И. А. Стернин. – URL: <http://sterninia.ru/index.php/sobytiya-i-kommentarii/item/220-kultura-na-tribukvu> (дата обращения: 02.03.2015).
 11. Федеральный закон Российской Федерации от 5 мая 2014 г. № 101-ФЗ. – URL: <http://www.rg.ru/2014/05/07/rus-yazyk-dok.html> (дата обращения: 10.03.2015).
 12. Шапошников, В. Н. Русская речь 1990-х: современная Россия в языковом отображении / В. Н. Шапошников. – М. : КомКнига, 2006.
 13. Шапошников, В. Н. Тенденции современной литературы в языковом аспекте / В. Н. Шапошников. – URL: <http://www.rospisatel.ru/konferenzija/shaposhnikov.htm> (дата обращения: 12.03.2015).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ КУЛЬТУРЫ РЕЧИ: ОТ В. В. ВИНОГРАДОВА ДО НАШИХ ДНЕЙ

Н. В. Черникова (Мичуринск, Россия)

*Надо воспитывать в себе вкус к хорошему языку,
как воспитывают вкус к гравюрам, хорошей музыке.*

А. М. Горький

В 2015 г. исполнилось 120 лет со дня рождения русского языковеда-русиста и литературоведа, академика, доктора филологических наук Виктора Владимировича Виноградова (1995–1969), широта научных взглядов которого поражает и восхищает. Труды этого крупнейшего русского ученого оставили глубокий след во многих областях филологической науки. История русского литературного языка, системное описание различных уровней современного русского языка, изучение языка художественной литературы и языка русских классиков, проблемы стилистики, история лингвистических учений – вот неполный перечень основных областей

его исследований. В центре научных интересов В. В. Виноградова – русский литературный язык и его история от Киевской эпохи до современности.

Как специалиста в области теории и истории национального языка В. В. Виноградова не могли не волновать проблемы функционирования, практического использования языка, т.е. вопросы культуры речи. В центральном лектории общества «Знание» г. Москвы в 50–60-х гг. XX в. академик прочитал немало лекций, посвященных различным вопросам употребления русского языка. Одной из самых ярких из них стала лекция-беседа «О культуре русской речи», которая в начале 60-х гг. была прочитана в лектории, а затем прозвучала на Всесоюзном радио. Адресованная самому широкому кругу слушателей, эта лекция имела важное воспитательное значение: в ней В.В. Виноградов подчеркнул величие и силу русского языка, показал роль народа в сохранении языкового богатства и охарактеризовал проблемы культуры речи, актуальные для своего времени. Обратимся к тексту лекции [1: 342–348].

Вначале ученый справедливо утверждает: «Русский язык – язык великого народа, язык великой литературы... Величие и мощь русского языка общепризнанны» [1: 342]. Гимны русскому языку, его силе, выразительности, богатству находим в сочинениях почти всех русских писателей-классиков. Будучи государственным языком в большой многонациональной стране, русский язык распространяется повсеместно, в странах Запада и Востока; интерес к его изучению возрастает на всех материках нашей планеты.

Подчеркнув силу и значимость русского языка, В. В. Виноградов показывает роль народа в языковом развитии и совершенствовании: «Народ – не только творец языка, но и двигатель его истории. Народ, вместе с тем, стоит на страже сокровищ своего родного слова, пользуясь ими и умножая их в своей речи и в словесно-поэтическом творчестве» [1: 343].

В бурном, разнообразном и сложном процессе развития русского языка закономерно и естественно, по мнению лингвиста, возникают колебания, отрицательные, болезненные явления в его употреблении, которые приводят к нарушению нормы и чистоты литературного языка. Причин таких отклонений много: «и неполное усвоение норм литературного выражения, и недостаточно бережное отношение к языковой традиции, и неумение, и нежелание разобраться в смысловых качествах разных слов, и влияние "дурной моды", разных жаргонов, и желание щегольнуть словом или фразой, которые кажутся острыми и выразительными, и многое другое, что свидетельствует о слабой культуре речи, о неразвитости "чутья языка"» [1: 343].

Подчеркивая необходимость борьбы за высокую культуру речи, В. В. Виноградов считает, что нужно вести большую разъяснительную работу, популяризировать научные сведения о законах и правилах русского языка, о его стилистических богатствах, о путях его развития, о способах образования новых слов, об огромной роли языка как орудия культуры. У всех членов общества необходимо воспитывать эстетическое чутье и глубокое сознание ответственности «за честное и чистое» обращение с языком.

Но «чтобы воспитательная работа в области культуры русской речи была действительно действенной и плодотворной, надо определить, с чем бороться, что признать ошибками и неправильностями, типичными для современности» [1: 344]. Сделав такое заявление, вторую часть своей лекции академик посвящает описанию «трудностей и неправильностей, широко распространенных в современной русской речи» [1: 344], т.е. ученый рассматривает проблемы культуры речи 50–60-х гг. XX в. Его внимание привлекли пять групп проблем, которые мы перечислим, и отметим, насколько каждая из них актуальна в настоящее время – в начале XXI в.

Первое. Самая сложная и разнообразная по составу – это группа «неправильностей и небрежностей в речи, вызванная недостаточным знанием стилистических своеобразий или смысловых оттенков разных выражений и конструкций, а также правил сочетания слов» [1: 344]. Иными словами, это неправильное употребление словосочетаний и устойчивых выражений: *львиная часть* (вместо: *львиная доля*), *играть значение* (вместо: *играть роль* или *иметь значение*), *одержать успехи* (вместо: *добиться успехов* или *одержать победу*), *разделить на две неравные половины*, *тратить нервы* (вместо: *портить нервы*), *играть главную скрипку* (вместо: *первую скрипку*), *заварился сыр-бор* (вместо: *загорелся сыр-бор*), *мемориальный памятник* и т.п.

Приходится констатировать, что такие речевые ошибки широко распространены и в современной речи. Наряду с сохранившимися по сей день *львиная часть*, *играть главную скрипку*, *тратить нервы*, *одержать успехи* употребляются так называемые гибридные сочетания, возникшие в результате контаминации двух фразеологизмов: *припереть к горлу* (вместо: *припереть к стене* или *подступить к горлу*), *списывать со счетов* (вместо: *списывать в архив* или *сбрасывать со счетов*), *носить нож за пазухой* (вместо: *носить камень за пазухой* или *точить нож на кого-либо*), *сослужить медвежью услугу* (вместо: *сослужить плохую службу* или *оказать медвежью услугу*), *влачить лямку* (вместо: *тянуть лямку* или *влачить жалкое существова-*

ние), *надоел как банный лист* (вместо: *пристал как банный лист* или *надоел хуже горький редьки*) и т.п.

Разрушение фразеологизма возникает и за счет стилистически не мотивированной замены одного из его лексических компонентов: *что греха скрывать* (вместо: *что греха таить*), *скрипя сердцем* (вместо: *скрепя сердце*), *не мудрствуя долго* (вместо: *не мудрствуя лукаво*) и т.п.

Считаем, что неправильное употребление устойчивых выражений, произвольная замена в них компонентов, наблюдаемые не только в разговорной, но и публицистической речи, объясняются неполным усвоением лексико-фразеологических норм языка, небрежным отношением к языковой традиции, незнанием русской фразеологии. Последнее особо настораживает, так как, будучи ярким стилистическим ресурсом языка, кладезем народной мысли и формы выражения, русская фразеология – это не просто часть словарного состава языка, это компонент русской народной культуры и истории. Конечно, в состав многих фразеологических единиц входят элементы, давно устаревшие по форме и / или по значению и вне устойчивого выражения не употребляющиеся (*баклуши, тормашки, сыр-бор, влачить* и т.п.), однако это не может стать причиной произвольного обращения с фразеологическими оборотами и немотивированного «обновления» их формы, структуры, значения.

Второе. «К границам разговорно-литературной речи приблизились и иногда беспорядочно врываются в сферу литературного выражения слова и обороты областного или грубого просторечия» [1: 345]: *ложить* (вместо: *класть*), *обратно* (вместо: *опять*), *крайний* (вместо: *последний*), *взади* (вместо: *сзади*), *заместо* (нужно: *вместо*) и т.п.

Как ни странно, но почти все перечисленные В.В. Виноградовым речевые ошибки, которые он относит к нелитературному просторечию, сохраняются в устной речи и в наши дни. Особую тревогу у лингвистов вызывает неоправданное употребление слова *крайний* там, где должно быть прилагательное *последний*. Кроме пресловутого вопроса к очереди «*Кто крайний?*», неправильность которого подчеркивал еще К. И. Чуковский в своей замечательной книге «Живой как жизнь» [7], появились совершенно абсурдные сочетания: *крайний танец, крайний конкурс, крайний звонок, крайний полет* и даже *крайний муж, крайняя жена* и т.п. [см. об этом: 2]. Категорический отказ от употребления единственно правильного здесь прилагательного *последний* можно объяснить только суеверием, граничащим со средневековыми предрассудками, а если быть более точным, – невежеством носителей языка, которое, к сожалению, приобретает всеохватывающий характер.

Третье. Еще одно явление в жизни языка, вызывающее у многих, по мнению В. В. Виноградова, тревогу и беспокойство, – это «широкое и усиленное употребление своеобразных вульгарных, а иногда подчеркнуто-манерных жаргонизмов» [1: 345]: *сила, что надо* (в смысле: *замечательный*), *звякнуть* (по телефону), *газует* (в смысле: *бежит*), *дико* (в смысле: *очень*), *хата* (в смысле: *квартира*) и т.п. Жаргонное словообразование как характерное качество речи советской молодежи отмечалось в некоторых зарубежных работах, посвященных русскому языку. В них приведены примеры советского студенческого сленга: *блеск* (в значении: *превосходный*), *железно*, *мешок времени*, *предки* (в значении: *родители*), *спихнуть экзамен*, *старик*, *старикан* (в значении: *профессор*), *шпаргалитэ*, *удочка* (в значении: *удовлетворительно*) и т.п.

Высокая степень жаргонизации не только устной, но и письменной речи – одна из отрицательных тенденций нашего времени. Жаргонная лексика широко представлена не только в речи молодежи, она звучит в радио- и телеэфире из уст политиков, ведущих, комментаторов. Ею переполнена газетная публицистика. Многие журналисты в погоне за эффектом, за дешевым популизмом активно вводят в свои тексты жаргонные единицы, которые огрубляют и засоряют речь, порой создают языковой барьер между адресатом и адресантом, приводят к непониманию прочитанного. «Увлечение» подобного рода словами способствует духовной девальвации как отдельного человека, так и всего общества и, как следствие, разрушают не только язык, но и всю национальную культуру [3].

Четвертое. «Не менее тяжелым препятствием для свободного развития выразительных стилей современного русского языка является чрезмерное разрастание у нас употребления шаблонной, канцелярской речи, ее штампованных формул и конструкций» [1: 346]: *зачитать, вырешить, использовать, приплюсовать, свиноматка, рыбопродукт* (вместо доброго, живого слова *рыба*) и т.п. На «обюрокрачивание» языка обращал внимание и К. И. Чуковский. Вспомним его яркий пример: «*Ты по какому вопросу плачешь?*» – обращение молодого человека в строгом деловом костюме к пятилетней девочке [7].

В наши дни штампы канцелярско-ведомственной речи (хотя и в меньшей степени, чем просторечные и жаргонные элементы) также засоряют речь: *решить вопрос, фактор времени, имеет место* и т.п. Помимо канцелярских штампов обращают на себя внимание штампы публицистические: *человеческий фактор, эксклюзивное интервью, северная столица, комфортная погода, привлекательные цены, подопечные тренера* (о спортсменах) и др. Из-за своей регулярной вос-

производимости такие обозначения постепенно десемантизируются, утрачивают первоначальную эмоционально-экспрессивную окраску, приобретают характер навязчивого словоупотребления.

Пятое. «... отсутствие прочных и точных литературных языковых навыков, влияние областного говора и просторечия обнаруживается в произношении, в воспроизведении звуковой формы слова» [1: 347]. Сюда относится нелитературное произношение и ударение: *средства* (вместо: *срЕдства*), *облЕгчить* (вместо: *облЕгчИть*), *ходатАйство-вать* (вместо: *ходАтайствовать*), *обеспЕчение* (вместо: *обеспЕче-ние*), *фанэра*, *музэй*, *кофэ* и т.п.

Расшатывание норм литературного языка, ошибки в ударении и произношении – одна из актуальных проблем современной речи. Кроме отмеченных В. В. Виноградовым в середине XX в. и употребляемых по сей день вариантов *средства*, *облЕгчить*, *ходатАйство-вать*, *обеспЕчение*, в устной речи регулярно встречаются такие отступления от нормы, как *звОнит*, *вклЮчим*, *тортЫ*, *нефтепрОвод*, *танцовщиЦа*, *свеклА*, *щАвель*, *на складАх* и др. Одна из характерных тенденций современной устной речи – произношение твердого согласного там, где, согласно литературной норме, должен быть мягкий: *прэсса*, *тэрмин*, *компетэнтный*, *коррэктно* и т.п.

Таков перечень отклонений, отступлений от литературных норм русской речи, представленный В. В. Виноградовым в его лекции-беседе. Однако академик отмечает, что, конечно, этим списком ошибки в русской речи не исчерпываются. Вместе с тем данный список дает картину «болевых точек» русского языка и имеет не только воспитательное, но и научное значение.

Все отмеченные нарушения литературных норм сохранили свою актуальность и в наше время, несмотря на то, что «каждый исторический этап в жизнедеятельности этноса характеризуется изменением социокультурной ситуации, обновлением национальной картины мира» [5: 73] и, как следствие, новыми «болевыми точками» в языке и речи. Причем смело можно утверждать, что эти отступления от литературных норм приобрели еще большую остроту в силу своего массового распространения во всех сферах речи: как в устной, разговорной, так и в книжной, письменной. И только этим списком, к сожалению, современное состояние русской речи не исчерпывается. К числу актуальных проблем современности, требующих пристального внимания и решения, лингвисты, экологи языка также относят обилие иноязычной лексики (*дефолт*, *акцидентный*, *превентивный*, *кошерный*, *мейн-стрим*, *тренд*, *диггеры*, *стритрейсеры*), которая зачастую не обогащает, а засоряет русский язык; «вольное» употребление слов без уче-

та их семантики (*стартовало перемирие, привлекательные цены, комфортная погода*); нарушение закона «семантического согласования лексем» [6: 59] (*региональный парламент, областной парламент, местный парламент, федеральный парламент, президент Татарстана, президент Калмыкии* [см. об этом: 6]); немотивированное смешение разностилевых единиц в публицистических текстах [см. об этом: 4]; стилистически не оправданное окказиональное словообразование (*телехунта, зомбоящик, брехлама, майданутый* [см. об этом: 8]); широкое распространение элементов аналитизма (*в городе Москва, пейте Кока-кола*); фонетические, грамматические и прочие искажения [см. об этом: 8] и многое другое.

Итак, лекция-беседа русского академика В. В. Виноградова «О культуре русской речи», адресованная современникам ученого, безусловно, сохраняет актуальность в наши дни. Во-первых, она знакомит нас, носителей русского языка XXI в., с теми отрицательными явлениями, которые были характерны для речевой практики середины XX в. А во-вторых, она позволяет сопоставить проблемы культуры речи на разных синхронных срезах с целью выявления в ней типичного и индивидуального, обусловленного состоянием общества и развитием национального языка.

В. В. Виноградов закончил свою лекцию-беседу о русском языке словами русского поэта В. Луговского: «Относитесь к родному языку бережно и любовно. Думайте о нем, изучайте его, страстно любите его, и вам откроется мир безграничных радостей, ибо безграничны сокровища русского языка» [1: 348].

А нам бы хотелось закончить словами самого академика В. В. Виноградова: «Высокая культура разговорной и письменной речи, хорошее знание и развитое чутье родного языка, умение пользоваться его выразительными средствами, его стилистическим многообразием – лучшая опора, верное подспорье и очень важная рекомендация для каждого человека в его общественной жизни и творческой деятельности» [1: 348].

Список литературы

1. Виноградов, В. В. О культуре русской речи / В. В. Виноградов // Культура русской речи / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. – М., 1998. – С. 342–348.
2. Головина, Э. Д. Крайний или последний? / Э. Д. Головина // Русская речь. – 2014. – № 4. – С. 59–64.
3. Грачев, М. А. В погоне за эффектом (Блатные слова на газетной полосе) / М. А. Грачев // Русская речь. – 2001. – № 5. – С. 67–72.

4. Свиридова, Е. Н. Взаимодействие книжной и разговорно-просторечной лексики в современной прессе : автореф. ... к.филол.н. / Свиридова Е. Н. – Мичуринск, 2013.
5. Черникова, Н. В. Актуальные концепты и их лексические репрезентанты / Н. В. Черникова // Филологические науки. – 2007. – № 6. – С. 71–80.
6. Черникова, Н. В. Парламент и дума в современной речи / Н. В. Черникова // Русская речь. – 2008. – № 4. – С. 55–60.
7. Чуковский, К. И. Живой как жизнь: о русском языке / К. И. Чуковский. – М., 1966.
8. Шаховский, В. И. «Золотой типун»: журналисты могли бы спасти наши уши и глаза, и души (наблюдения лингвиста за речетворчеством журналистов) / В. И. Шаховский // Журналистика и культура : сб. науч. ст. I Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. Е. Н. Сердобинцевой. – Пенза, 2014. – С. 116–122.

ЯЗЫК КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА НАЦИИ

«ГОРЕ» И «РАДОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Е. Ф. Галушко (Ульяновск, Россия)

писание сквозных мотивов русской языковой картины мира предполагает обращение к фундаментальным эмоциям, например, эмоциям «горя» и «радости». Представление данных эмоциональных концептов в диссертациях и статьях (В. Н. Базылев, Р. М. Валиева, А. А. Зализняк, А. Б. Пеньковский, В. В. Солейник, Н. Ю. Федунина) строиться на материалах картотек, составленных на основе различных лексикографических источников: семантических, идеографических, толковых словарей, словарей синонимов и других.

В силу разных причин для анализа пока не привлекались материалы «Большого академического словаря русского языка» (особенно областная лексика, далее БАС) и данные «Словаря русских народных говоров» (далее СРНГ).

На наш взгляд, использование этих источников актуально. Поскольку БАС как академический словарь описывает преимущественно прошедшие определенный тип социализации, достаточно распространенные областные слова [4: 108], то из этого лексикографического источника можно получить определенные сведения о мировосприятии окружающего мира диалектным сообществом. В ходе предыдущих специальных исследований было выявлено, что введение областного имени в академический словарь во многом связано также «с яркой внутренней формой лексической единицы, специализацией значения, наличием разветвленной системы однокоренных слов» [3: 34]. В диалектной среде существует детализация обозначаемого [2: 75], поэтому анализ диалектных слов (особенно с привлечением материалов СРНГ) будет способствовать существенному дополнению наших представлений о русской языковой картине мира.

Рассмотрим областные лексические единицы со значением 'горе', 'радость', выбранные из двадцати двух томов «Большого академического словаря русского языка» (от буквы *А* до буквы *Р* включительно) и тридцати пяти выпусков «Словаря русских народных говоров». Цель исследования – определив инвентарь областных единиц со значением 'горе', 'радость' в БАС, изучив дополнения в СРНГ, сделать выводы о месте таких слов в национальной языковой картине мира.

В литературном русском языке слова *горе* и *радость* многозначны: **го́ре** – '1. Глубокое душевное страдание, вызванное несчастьем, утратой и т. п. 2. Событие, обстоятельство, вызывающее глубокое страдание; несчастье, беда. 3. *В знач. предикатива.* Разг. Плохо, тяжело. 4. *В знач. межд.* Употребляется для выражения скорби, глубокой печали, сильного огорчения' [1 (4: 297)]; **ра́дость** – '1. Чувство большого удовольствия, удовлетворения. 2. То, что радует, доставляет удовольствие' [1 (22: 125 – 127)]. Уточнение толкований с помощью синонимов, приведенных после точки с запятой, предопределяет тщательный анализ словарных дефиниций в других словах: **несча́стье** 'горестное, трагическое событие; горе, беда' [1 (12: 298–299)], **беда́** '1. Несчастье, горе; очень большая неприятность' [1 (1: 439–440)], **невзго́да** '1. Несчастье, беда; неблагоприятные, тяжелые обстоятельства' [1 (11: 539)], **печа́ль** '1. Чувство грусти, скорби; унылое состояние (противоположное – радость)' [1 (16: 511 – 512)]; **го́ресть** '1. *Разг.* Душевное страдание, вызванное неприятностью, неудачей. 2. События, обстоятельства, вызывающие душевные страдания, переживания, огорчения; несчастья, беды' [1 (4: 302)]; **жа́лость** '2. *Устар. и разг.* Горесть, печаль' [1 (5: 569 – 570)];

Кроме того, важно учитывать, что объяснения значений слов в известных толковых словарях имеют отличия. Например, в «Словаре русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой в толкование слова **го́ре** включено словосочетание «глубокая печаль» [7 (1: 333)], слово **скорбь** интерпретировано как 'глубокая печаль, горесть' [7 (4: 116)]. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова толкование слова **скорбь** развернуто: 'крайняя печаль, горесть, страдание' [5: 711]. Страдание же предполагает физическую или нравственную боль, мучение [5: 757; 7 (4: 280)]. **Боль** есть «ощущение физического или нравственного страдания» [7 (1: 106)].

Таким образом, семантические поля слов пересекаются. Очень важным в толковании оказывается критерий интенсивности (глубокое страдание (**го́ре**), трагическое событие (**несча́стье**), очень большая неприятность (**беда́**), крайняя печаль (**скорбь**) и т.д.)

Слова *горе* и *радость* соседствуют в БАС с однокоренными устаревшими (*горевáние*) и устаревшими (*гóрестный*), разговорными (*горевáннице*) и областными словами (*горю́шка*, *ра́дошный* и др.).

Формат небольшой статьи не позволяет рассмотреть все аспекты, связанные с бытованием областных единиц с анализируемыми семами в русском языке, остановимся на некоторых важных моментах.

В «Большом академическом словаре русского языка» было обнаружено 12 областных лексических единиц с семой 'горе' и синонимичными семами 'беда, несчастье, печаль'. Например, *горевáть* (в 3 знач. *устар.* и *обл.*) 'жить в нужде, бедствовать' [1 (4: 299)]; *горевóй* (*устар.* и *обл.*) '1. Испытывающий горе. 2. Исполненный горя' [1 (4: 299 – 300)]; *горю́шница* (*обл.*) 'горюнья' [1 (4: 333)]; *горю́шка* (*обл.*) 'горюша' [1 (4: 333)]; *жалковáть* (*обл.*) 'сожалеть, печалиться о ком-, чем-л.' [1 (5: 570)]; *жури́ться* (*обл.*) 'печалиться, горевать' [1 (5: 688)]; *зажури́ться* (*обл.*) 'загрустить, опечалиться' [1 (6: 198)]; *ли-хомáнка* (*обл.*) '2. О человеке, приносящем горе, беду' [1 (10: 240 – 241)]; *1. ли́хость* (*устар.* и *трад.-нар., обл.*) 'зло, вред, несчастье' [1 (10: 242 – 243)]; *назо́ла* (*обл.*) '1. Тоска, печаль' [1 (11: 156 – 157)]; *небо́га* (*обл.*) 'бедняк, нищий; несчастный человек' [1 (11: 517)]; *1. Поги́бель* (*устар.* и *обл.*) '2. Беда, несчастье' [1 (17: 330 – 331)].

Только три областных слова в анализируемых томах БАС имеют сему 'радость': *прокла́дный* (*обл.*) 'доставляющий удовольствие, радость; приятный' [1 (20: 94 – 95)]; *ра́дошный* (*обл.*) '1. Радостный. 2. В значении сущ. любимый, милый' [1 (22: 127)]; *ра́дошно* (*обл.*) 'в 1 знач. *прил.*' [1 (22: 127)].

Явная количественная непропорциональность вполне объяснима: радость воспринимается носителями русского языка как естественное и слабо дифференцируемое понятие, горе же многолико.

Соотнесем полученные результаты с материалами СРНГ.

Факт, что количество обнаруженных в «Словаре русских народных говоров» лексических единиц с анализируемыми семами окажется большим (гораздо больше, чем в БАС), был вполне ожидаемым. Кроме выше названных областных слов, встретились междометия, выражающие печаль и горе (*агу́*, *а́ой* [6 (1: 203, 264)]), имена, глаголы, наречия.

Наибольшее количество слов в данном лексикографическом источнике было зафиксировано с корнем *гор-*, например: *горевáнный*, *горю́хнуться*, *горя́к*. Меньше было обнаружено слов с другими корнями (например, *бед-*, *рад-* и т.д.).

Проведенный анализ материалов СРНГ позволил сделать следующие выводы.

1. В говорах обнаруживается большое количество синонимов к словам *горе* (например, *жаль* ‘2. Горе, печаль, скорбь; грусть’ [6 (9: 68)], *лихо* ‘4. Горе, печаль’ [6 (17: 76)], *лихость* ‘4. Большое горе; печаль’ [6 (17: 83)]) и *беда* (например, *безгода* ‘беда, несчастье; бедствие, невзгода’ [6 (2: 184)], *бессчастье* ‘тяжелая судьба, недоля|| несчастье, горе’ [6 (1: 203, 264)]).

2. Признак предмета нередко обозначается сложными лексическими единицами с яркой внутренней формой, например, *горькобѣдный* ‘горемычный’ [6 (7: 31)], *горькоголовый* ‘горемычный’ [6 (7: 81)].

3. Большое количество существующих лексических единиц с семами ‘горе, беда, несчастье, печаль’ обусловлено необходимостью детализировать в диалектной среде обозначаемое с помощью различных ограничителей. Например, имеют место полковые ограничители (*горюшник* ‘о том, кто часто горюет, кручиниться’ [6 (7: 86)], *горюшница* ‘женск. к горюшник’ [6 (7: 86)]), возрастные – (*горюшата* ‘о детях горемыки, бедняги’ [6 (7: 85)]); стилистические – (*гóренько* ‘уменьш.-ласк. к горе (несчастье, страданье)’ [6 (7: 35)]); типично контекстуальные – (слово *горенóшница* ‘бедная, несчастная женщина’ устойчиво употребляется в фольклорных текстах (*фолк.*), как правило, так называют в причитаниях вдову [6 (7: 34)]; см. слова с аналогичным значением: *горенáшница, горѣтница, горюшница*).

4. Постоянно горюющий, унывающий человек (*горюта* [6 (7: 84)]) в диалектном сообществе имеет особое имя. Данная единица в словаре не сопровождается примерами, так что невозможно определить оценку такого человека членами коммуникативного акта. Однако имеющиеся словарные иллюстрации в большинстве случаев свидетельствуют о сочувствии говорящих к бедным людям, людям, испытывающим горе.

5. Горе связывается в сознании носителей русских диалектов чаще всего с бедностью (*горевскóе* житье – ‘бедное житье’ [6 (7: 32)]; примечательно, что в словаре областных и малопонятных слов в конце первого тома «Собрания народных песен П.В. Киреевского» лексическая единица *бедность* толкуется как ‘несчастье, беда’ [8: 310]); реже – с потерей близкого человека (родителей, мужа), безответной любовью и особенно разлукой с любимым, нахождением в солдатах, пьянством.

Радость ментально связывается с весельем, в частности, с особым «светлым» весельем, сопровождающим известный церковный праздник Радоницу.

6. Примечательно, что в областных словах, одновременно встречающихся в БАС и СРНГ, есть отличия в характере толкований. В СРНГ сема 'горе' чаще вводится в толкование и нередко занимает в нем первое место. Например, *журѣться* 'горевать, печалиться' [6 (9: 231)]; *жалковѣть* '2. Печалиться, скорбеть, горевать, сокрушаться о ком-, чем-либо' [6 (9: 65)]; *зажурѣться* 'опечалиться, загрустить, загоревать' [6 (10: 89)]; *назѡла* '1. Тоска, печаль. || Горе, неприятность; забота' [6 (19: 287)].

7. Обнаруживается известная связь между литературными словами, фразеологизмами и диалектным лексическим материалом. Например, в СРНГ есть слово *блескучий* '1. Блестящий. 2. Веселый, радостный' [6 (3: 19)], оба значения этого слова хорошо иллюстрируют литературный фразеологизм «глаза светятся, сверкают радостью; радость горит в глазах» [1 (22: 125)].

Таким образом, комплексное изучение областных слов в новых и известных, но еще не полностью проанализированных лексикографических источниках, связанное с осмыслением названий словарных статей как концептов, будет способствовать детальному исследованию психологического склада нации.

Список литературы

1. Большой академический словарь русского языка / Российская академия наук, Институт лингвистических исследований РАН. – М. ; СПб. : Наука, 2004–2013.
2. Брысина, Е. В. Особенности категоризации действительности средствами диалекта / Е. В. Брысина // Грани познания. – 2012. – № 6. – Декабрь. – С. 75–78. – URL: www.grani.vspu.ru (дата обращения: 10.03.2015).
3. Галушко, Е. Ф. Лексикографическая интерпретация областных слов в парах «имя существительное – глагол» / Е. Ф. Галушко // Русское слово : материалы Междунар. науч.-практ. конф. памяти проф. Е. И. Никитиной (25 августа 2014 г.). – Вып. 6, 1 ч. / отв. ред. Е. В. Баканова. – Ульяновск : УлГПУ, 2014. – С. 25–35.
4. Галушко, Е. Ф. Областные слова, указывающие на надоедливость лица, в «Большом академическом словаре русского языка» / Е. Ф. Галушко // Экология языка : сб. ст. VII Междунар. науч. конф. / под ред. д.ф.н. Е. Н. Сердобинцевой. – Пенза : Изд-во ПГУ, 2014. – С. 107–111.
5. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под общ. ред. проф. Л. И. Скворцова. – 24-е изд., испр. – М., 2003. – 896 с.
6. Словарь русских народных говоров / АН СССР, Ин-т рус. яз., Слов. сектор. – Вып. 1–35. – Л. ; СПб., 1965–2001. – URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html>. – Сайт «Института лингвистических исследований РАН» (дата обращения: 12.03.2015).
7. Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. / ред. А. П. Евгеньева. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Русский язык, 1981–1984.

8. Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записки Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. – Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1977. – Т. 1. – 328 с. – (Памятники русского фольклора).

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ПЕЧИ В РУССКОЙ ЗАГАДКЕ

Г. Н. ДУДЧЕНКО (Старый Оскол, Россия)

Стремление современной лингвистической науки исследовать методы и способы освоения окружающей действительности неразрывно связано с вопросом отражения мира в сознании человека. Наиболее отчетливо данное явление мы можем проследить на материале национальных концептов, где в особенности ярко проявляются специфические черты этноса, т.е. носителя конкретного языка.

В этом отношении загадка, существующая на протяжении многих веков, выступает как основной источник восполнения знаний при анализе элементов картины мира через призму народного творчества. Будучи жанром фольклора загадка отражает коллективное архаичное сознание, унаследованное от мифов. Соотнося происхождение прото-загадки с идеей первотворения, В. Н. Топоров представляет загадку как особый механизм, вырабатываемый культурой для того, чтобы гарантировать сохранность в памяти этноса информации о праистоках и обеспечить тем самым возможность возвращения к ним в случае надобности. Первой функцией загадки как механизма выступает – ритуальность [5].

Ввиду того, что в наивном мироощущении качественное всегда противопоставляется сакральному, объекты выделяются из пространства и разграничивают его, делая пространственные связи примитивными. Особенностью загадки как жанра является целенаправленное ориентирование на объекты материального, конкретного свойства, играющие важную роль в выполнении необходимых для человека функций, способствующих становлению личности в обществе.

Печь как предмет, являющийся одним из основных объектов мифологизации и отождествляющийся с символически различными предметами и явлениями народного быта, оказывает существенное

влияние на обрядовую сферу, мировоззренческую, религиозную. Обрядность, связанная с приобщением человека к дому, т.е. очагу в этом плане занимает важное место. Так, выпекание караваев, перепекания ребенка, новых домашних животных, обрядовое прикладывание рук к печи и заглядывание в нее после похорон, чтобы не бояться покойника и не тосковать по нему, являясь частью общего обряда приобщения к очагу, напрямую связано с реализацией ритуальной функции печи [8]. Печь в наивной картине мира русских выступает одним из сакральных мест дома. Ее значимость сопоставима только со значимостью красного угла.

Ритуальная и сакральная функции загадки, позволяющие передавать знания от поколения к поколению, подводят нас к еще двум функциям загадки, на которые также указывают некоторые ученые, называя их игровой и познавательной функциями. Опыт постижения реалий мира концентрируется в человеческом сознании, составляя его когнитивную основу. В психолингвистике на сегодняшний день затруднительно найти подробное описание течения когнитивных процессов, однако их необходимость мы чувствуем с давних времен. Первые необходимые знания об окружающем мирепреподносились детям в игровой форме, в виде песенок, потешек и, конечно жезагадок. Варианты игр в загадки среди детей и взрослых достаточно разнообразны: от самых простых – загадывания загадок на любую тему «по цепочке» – до более сложных, например, игры в «города», когда «неотгадавший загадку должен сдать» один из своих городов загадчику» [9;1:156].

Основной целью загадки является создание затруднения при отгадывании того или иного предмета, метафорически закодированного в ней. Интенсивность затруднения варьируется в зависимости от пространства ассоциативных связей между предметом и его метафорическим воплощением.

В истоках загадки лежит метафора, а образование «всякой истинной метафоры» связано с идущим из архаических времен запретом на слово, предмет, явление, действие, – без которого не может быть метафоры. Табу было бы невозможным, если бы не склонность архаического сознания к метафоричности. Изучение метафор проливает свет на более широкую тему: связи между языком и культурой [6:351–352].

В когнитивной лингвистике метафору обозначают как перенос из области-источника в область-мишень. Область источник (донорская зона) – это основа, признаки, свойства и значимые характеристики которой переносятся на другую область описания (реципиентную зону) [3: 83].

Для традиционной русской загадки характерен малый спектр ассоциативных связей, ограниченный рамками условий природы и быта. В этом смысле печь является не просто многофункциональным предметом быта, а служит фактически незаменимым и универсальным.

Д. Садовников в сборнике загадок дает тематическую классификацию, в которой загадки о печи представлены в разделе «Тепло и свет». Однако, несмотря на общую тематику можно выявить их неоднородность в плане реализации метафорического образа. Опираясь на классификацию способов метафоризации загадки С. Г. Лазутина (по общему внешнему сходству, по цвету, по внутренней организации, по функции в жизни народа, по особенностям подвижности, по схожести поведения), можно произвести конкретизированную детальную классификацию по данным признакам, выделяя образы печи в загадках [9].

Проведя анализ тематического раздела «Тепло и свет» сборника Д. Садовникова, в соответствии с выше сказанным, выделяем следующие подгруппы загадок:

Первая подгруппа. Печь как неизменно присутствующий элемент избы:

1. Чего из избы не вытащишь?

(Печь) [4;14]

2. Стоит терем

В тереме ящик

В ящике мучка

В мучке жучка

(Изба, печь, огонь) [4:19]

Предполагается, что печь – изначальная данность в избе (ящик – метафора-слово: предмет), содержащая необходимые составляющие: огонь и золу. Кроме того, в печи можно было спрятать что-то дорогое, о чем свидетельствует фольклор. Образ – «ящик-сейф».

Вторая подгруппа. По материальному качеству, присущему конкретному предмету:

1. Зимой нет теплей,

Летом нет холодней

(Печь) [4:14]

Данная характеристика основана на противопоставлении физических качеств (метафора-слово: признак предмета), что позволяет говорить об аксиологической функции печи, реализующейся в многообразии форм ее применения. Из чего следует «аморфный образ с признаком температуры».

Третья подгруппа. Печь как одушевленный предмет.

В русском фольклоре печь не раз выступала в роли положительного героя, проявляя признаки одушевленности (метафора-слово :

процесс). Сюжеты сказок, поговорок, загадок наделяли печь человеческими чертами. Например, способностью говорить, как в русской народной сказке «Гуси-лебеди», где печь предлагает сначала отведать пирожков девочке, а затем помогает ей укрыться с братиком от погони.

1. Зимой все жрет,
А летом спит,
Тело тепло,
А крови нет;
Сесть на него сядешь,
А с места тебя не свезет
(Печь) [4:14]

2. Великан в углу
(Печь) [4:14]

Здесь мы видим добавочную характеристику русской печи – размер (метафора-слово:предмет). В центральных районах России печь стояла в правом углу от входа. И. Георги называет ее «очень большой». Строили печь на отдельном фундаменте, чтобы печь не покосила избу. На высоте примерно двух метров или несколько ниже печь завершалась плоской поверхностью, в которую иногда встраивалась лежанка. Бывали печи, весь верх которых использовался под лежанку [2:342]. Образ—*«мифологическое существо»*.

Четвертая подгруппа. «Печь – женщина»

Представление печи в виде женщины не случайно. Например, в заговорах к ней обращаются «Как ты, матушка-печь, не боишься ни воды, ни пламени, так бы и ты (имя) не боялся, не страшился». В первую очередь это связано с процессом приготовления хлеба, выпекание которого напоминало формирование плода в материнской утробе («у печурцерадился», укр.— о счастливом человеке; «И в старой печи огонь хорошо гориць», белорус.— о людях родивших детей в преклонном возрасте)

1. Стоит баба на юру,
Кто не идет
Всяк в дыру;
Кто не вскочит,
Всяк захохочет.
(Печь) [4:14]

2. Сидит барыня в амбаре,
Не свезешь ее на паре
(Печь) [4:14]

3. Стоит баба в углу,
А рот – в боку
(Печь) [4:14]

Особое внимание при кладке печи уделялось индивидуальны параметрам хозяйки, ведь ей приходилось работать у печи ежедневно. На оптимальной для нее высоте устанавливался шесток. Поверхность, утрамбованной глины в опечке должна быть 2–3 градуса в сторону устья. Размеры печи устанавливали следующим образом: хозяйка садилась на табурет, расстояние от верхней пуговицы воротника до табуретки было равно *высоте свода внутренней части печи*, но она не должна превышать 60 см. *Устье* печи было на 10 см шире плеч хозяйки, а высота их равна ширине. Устье русской печи от слова рот (уста), в древности называли хайло. Сегодня также можно услышать выражение «чего хайло раззявил», т.е. широко раскрыл рот. Шесток в глубину должен быть равен размеру от локтя до кончиков вытянутых пальцев. Высота печи приравнивалась к росту хозяйки с добавлением 20 сантиметров [8].

Пятая подгруппа. По внешним характеристикам (цвету, форме) «аморфный образ с признаком цвета»

1. По сторону белец,

По другую белец

По середке чернец

(Печь) [4:14]

2. Два белыша

Ведут черныша

(Печь) [4:14]

Первоначально русские печи были глинобитными, труба в них отсутствовала (печь по-черному). «Битые» печи надежнее кирпичных, появившихся позже, они лучше держат тепло и с течением времени становятся прочнее. Дым в такой печи поступал сразу в избу, где отдавал тепло и остывшим покидал ее, удаляясь через специальное волоковое окно, находящимся в стене под потолком. (Метафора-слово: предмет со значением цвета).

Шестая подгруппа. Как совокупность людей.

Мать толста,

Дочь красна,

Сын синь,

Под небеса ушел

(Печь) [4:16]

Сочетая в себе разнообразные роли по внешнему признаку, подобные семейным ролям, подчеркивается многогранность облика печи и ее многофункциональность. (Метафора-слово: признак предмета) Образ – «семья».

Седьмая подгруппа. «Печь – животные»

Лежит волк

Опаленный бок

(Печь, дым) [4:16]

Хотя в нашем сознании данное животное ассоциируется с чем-то неприятным, в силу своей природы, в славянской мифологии волк – животное, обладающее даром всеведения, а в русском фольклоре выступает как защитник от злых духов.

Курица хохла,

Три года сохла (мокла)

Не пивши, не евши

(Печь) [4:15]

Курица является символом кропотливого труда, приводящего к долгожданному результату. Нередко отождествляется с женщиной «курица – не птица, а баба – не человек», подобно печи.

Восьмая подгруппа. «Женский образ с именем»

Бабушка Софья

День и ночь сохнет

Утро придет

Она вон уйдет [4:16]

(Печь, дым)

Имя Софья означает в переводе с греч. «мудрость», что подчеркивает в женском образе наибольшую степень отдачи – опыт, а в образе печи – материальная составляющая, т.е. тепло, пища, баня.

Толстая Фетинья

Сухой Матвей

Привязался к ней

И теперь с ней [4:16]

(Печь, огонь, дым)

В словаре В. И. Даля имя *Фетинья* трактуется как непроворная женщина, что вполне сопоставимо с размером печи.

Итак, образ печи как в русской культуре, так и в языке нельзя понимать однозначно. В загадке он складывается из совокупности множества его метафорических воплощений, реализуя обилие смыслов и порождая их новые вариации.

Список литературы

1. Булатов, М. Тридцать три пирога: Игры, считалки, скороговорки / М. Булатов. – М. : Дет. лит., 1988.
2. Милов, Л. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса / Л. Милов. – М. : РОССПЭН, 1998.

3. Пименова, М. В. Типология структурных элементов концептов внутреннего мира (на примере эмоциональных концептов) / М. В. Пименова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – № 1. – С. 82–90.
4. Садовников, Д. Н. Загадки русского народа / Д. Н. Садовников. – СПб., 1876.
5. Топоров, В. Н. Из наблюдений над загадкой / В. Н. Топоров // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Загадка как текст. – М., 1994.
6. Ченки, А. Семантика в когнитивной лингвистике / А. Ченки // Фундаментальные направления современной американской лингвистике. – М. : МГУ, 1997.
7. Чернышова, Л. Печь как локус жилищав русской и белорусской фразеологии / Л. Чернышова // Балтийский филологический курьер. – 2003. – № 2. – С. 106–113 .
8. Галанин, А. В. Русская печь / А. В. Галанин. – URL: http://ukhtoma.ru/history3_pech.htm
9. Лазутин, С. Г. Метафоры в загадках : учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / С. Г. Лазутин. – М. : Высш. школа, 1981. – URL: http://www.infoliolib.info/philol/lazutin/2_1.html
10. Brewer, H. Old English Riddles / H. Brewer. – URL: <http://www.chass.utoronto.ca/~cpercycourses/1001/Brewer.htm>

РУССКАЯ ПРИМЕТА В АСПЕКТЕ КОГНИТИВНОЙ ФУНКЦИИ ЯЗЫКА

О. В. Ёдинак (Старый Оскол, Россия)

дной их главных тенденций развития лингвистики XXI в. является теоретическое осмысление языка как антропоцентрического феномена, отражающего все аспекты социально-культурного и духовно-нравственного бытия личности и общества. Ведущая роль в изучении феномена человека и его духовного развития по языковым факторам принадлежит лингвокультурологии, которая рассматривает язык как уникальное явление культуры [3:8], заключающее в себе фундаментальные нравственные, мировоззренческие установки народа [5:32].

Под понятием языка как уникального явления культуры следует понимать, прежде всего, использование носителями данного языка вербализованных знаний, способных активизировать в необходимое время как индивидуальное, так и культурное, социальное сознание.

Поэтому фундаментальными компонентами этноязыкового сознания являются: собственно языковой фонд нации, особенности национальной культуры, особенности индивидуальной и национальной психологии. При изучении проблемы этноязыкового сознания многие учёные исследуют взаимосвязь вышеперечисленных компонентов, в частности, Н. Ф. Алефиренко особое внимание при изучении уделяет факту признания языка «животворным истоком всего ценностно-смыслового пространства культуры» [1:160].

Посредником между языком и внешним миром является процесс концептуализации познаваемых объектов с их ценностно-оценочным восприятием и интерпретацией. Понимание термина «концепт» в современной лингвистике достаточно обширное, но применительно к теме нашего исследования мы рассматриваем концепт как неотъемлемый элемент этноязыкового сознания, отражающий знание и опыт человечества на генетическом уровне через обработку индивидуального опыта и подведения его под определённые категории и классы.

Наиболее полно и образно процесс концептуализации реализуется в знаках косвенно-производной номинации, в которых на передний план выходят непосредственно ценностно-смысловой и оценочный компоненты. В рамках нашего исследования особенно интересным нам кажется один из видов знаков косвенно-производной номинации – паремии – в связи с их непосредственным фольклорным происхождением.

Паремии, являясь одним из предметов изучения лингвокультурологии, выполняют множество важнейших культурных и языковых функций. Главная языковая функция паремий, а именно – коммуникативная, не может существовать автономно, а получает свою полную реализацию только в процессе воздействия с главной культурной функцией – непрерывной передачей накопленного опыта всей культурной жизни нации из поколения в поколение [5:52]. В паремиях находят прямое отражение особенности развития культуры и языка на определённом историческом этапе, поэтому они, являясь выразителями этноязыкового сознания, относятся к числу общемировоззренческих текстов. Одним из малых жанров паремий являются приметы. Интерес к исследованию данного малого жанра обусловлен, прежде всего, тем, что приметы, представляющие собой неотъемлемое звено национальной культуры, на сегодняшний день продолжают входить в ряды наиболее малоизученных из всего многообразия фольклорных микрожанров [6] и не структурированных должным образом в научных трудах [2].

Как в любом тексте фольклорного происхождения, материалом для собирания примет служат явления окружающей среды. В частности, В. К. Харченко справедливо отмечает, что народное сознание отбирает только те явления, которые проверены многократными наблюдениями [7:78]. Примета является своеобразной попыткой изучения действительности через выявление закономерностей, которые носят зачастую бытовой, будничной характер. Для носителей определённой культуры данный микрожанр является одним из важных форм познания окружающей действительности, так как напрямую связан с представлениями человека о мироустройстве, заключёнными в многовековых наблюдениях и суевериях. В связи с этим приметы имеют и этнографическую, и языковедческую ценность. В свою очередь, многовековые наблюдения, подвергаясь процессу перерождения в элементы устного народного творчества и приобретающие характерные особенности данного микрожанра, утрачивают изначальное примитивное содержание и наделяются конкретными установками, направленным на улучшение жизни в будущем [6], в то время как логика примет остаётся прямолинейной и даже не мотивированной. Это отсутствие видимой связи между наблюдаемым и прогнозируемым событием составляет главную особенность и уникальность примет по сравнению с другими микрожанрами паремий.

Приметы формируют стереотипы в процессе наблюдаемых реальных фактов с типично повторяющимися событиями. Логическая связь между наблюдением и прогнозом слабеет с каждым последующим типичным повторением, а в итоге и вовсе утрачивается. Связано это, прежде всего, с тем, что главное назначение примет как мировоззренческого текста заключается в формировании нерушимой догмы, следование которой гарантирует успешную и счастливую жизнь [5]. Поэтому одной из основных функций примет является когнитивная функция, сущность которой заключается в наличии культурно-мировоззренческой догмы [5:71], которая образуется в результате получения системных знаний об окружающей среде исходя из опыта практических наблюдений.

В связи с особенностями менталитета нашей нации и географическим положением этнокультурные компоненты примет несут в себе информацию об особенностях материальной и духовной жизни русского человека. Наиболее ярко проявление когнитивной функции наблюдается в приметах, в которых находят отражение различные природные явления и стихии, так как окружающая среда – это, во-первых, обширнейшая область для непрерывного наблюдения (и

здесь главенствующее место занимают постоянно сменяющие друг друга времена года), во-вторых, это наиболее древнейшая сфера для наблюдений, берущая своё начало с первобытных времён и реализующая изначально через себя связь человека с высшими силами.

По этим причинам нами для описания и анализа когнитивной функции примет были выбраны приметы, репрезентирующие образ весны. Судить о приметах как о культурно-мировоззренческих догмах нам помогла прогностическая формула самих примет, в которой обобщается многолетний опыт наблюдения: *если есть 1, то будет и 2*. Например:

Если осенью листья начнут желтеть с верхушки (1) – весна будет ранняя (2) [4:38];

Если осенью листья берез начнут желтеть снизу (1) – весна поздняя (2) [4:39].

Если первая часть приметы (1) сосредотачивает непосредственно опыт многократного наблюдения, то вторая часть (2) – дальнейшие последствия этого наблюдения. Именно вторая часть даёт основание для деления примет на тематические группы с выделением когнитивного основания значения – концептов.

Проанализировав более 150 примет, репрезентирующих образ весны, мы пришли к выводу, что все приметы целесообразно разделить на две большие противоположные тематические группы ассоциативного характера с выделением концептов – так называемых многочисленных «оттенков» каждой ассоциативной группы.

Первая группа получила название «Тёплая весна», куда вошли приметы с одноимённым концептом:

Жаворонки рано прилетают – к тёплой весне [4:40];

Если на Дмитрия (8 ноября) оттепель – весна тёплая [4:40] и др.

Зачастую носители языка понимают под тёплой весной *раннюю весну*, что также сопровождается наличием тепла и света. Это понятие стало содержанием для второго концепта в нашей ассоциативной группе:

Дятел в январе (рано) стучит – к ранней весне [4:38];

На Сретенье (15 февраля) снег не метёт через дорогу – будет ранняя весна [4:38] и др.

Третья подгруппа с концептом *дружная весна*, помимо значения тепла, получает значение активности и быстрого изменения окружающей среды в лучшую сторону:

Если ведро на Аксинью-полузимницу (Ксения, 6 февраля) – весна красная [4:39];

Если на Татьяну (25 января) стоит ясная погода или сквозь тучи проглядывает солнце – к дружной весне и хорошему клёву по открытой воде [4:39] и др.

Менее позитивной коннотацией обладает подгруппа с концептом *сухая весна*:

Первый гром при восточном ветре – сухая и тёплая весна [4:40];

Сухой декабрь – значит, быть сухими весне и лету [4:40] и др.

Вторая ассоциативная группа называется «Холодная весна», куда так же, по аналогии с первой группой, вошли приметы с одноимённым концептом:

Дикие утки или гуси прилетают жирными – к затяжной холодной весне [4:40];

Теплый февраль предвещает холодную, с заморозками, весну [4:40];

Холода на Сретенье (15 февраля) – весна холодная [4:40] и др.

Приметы с концептом *поздняя весна* составили вторую подгруппу:

Декабрь тёплый и сырой – к поздней и холодной весне [4:39];

На Сретенье (15 февраля) снег метёт через дорогу – будет поздняя весна [4:39] и др.

Третья подгруппа с концептом *долгая весна*, помимо общего значения холода, получает значение долгого протекания и отрицательно-го влияния на окружающую весну:

Длинные сосульки в конце февраля – к долгой весне [4:39];

Если лягушки спрячутся в болоте и не слышно их весной – морозы ещё будут [4:39] и др.

Конкретное отрицательное влияние затяжной холодной весны можно наблюдать в приметах с концептом *дождливая весна*:

Оттепель на Сретенье (15 февраля) – к худой, гнилой весне [4:40];

Первый гром при западном ветре – мокрая весна [4:40];

Ненастная осень – дождливая весна [4:40] и др.

Сравнив эти две ассоциативные группы, мы увидели не просто опыт активного беспорядочного наблюдения за окружающей действительностью, но продуманную, многоуровневую, структурированную, а, главное, – всеохватывающую, в сознании носителей языка систему их знаний. Несмотря на то, что приметы (как и все знаки косвенно-производной номинации) реализуют примитивную картину знаний, по степени сложности и организованности они ничем не уступают научной картине и заслуживают пристального изучения. Данная структурированность и организованность составляют одновременно сущность и главную ценность когнитивной функции приметы как микрожанра.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Флинта: Наука, 2010.
2. Иванова, Н. Н. Структурно-семантические особенности и лингвокультурологический потенциал приметы : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Иванова Н. Н. – Псков, 2005.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001.
4. Никитина, Т. Г. Большой словарь примет : около 15000 единиц / Т. Г. Никитина. – М. : АСТ: Астрель, 2009.
5. Семененко, Н. Н. Русская пословица: функции, семантика, системность / Н. Н. Семененко, Г. М. Шипицына. – Белгород : Изд-во БелГУ, 2005.
6. Тонкова, Е. Е. Народная примета с позиций лингвокогнитивистики и лингвокультурологии : дис. ... канд филол. наук / Тонкова Е. Е. – Белгород, 2007.
7. Харченко, В. К. Язык народной приметы / В. К. Харченко // Русский язык в школе. – 1992. – № 1. – С. 82–87.

ЯЗЫКОВЫЕ МАРКЕРЫ ХРОНОТОПА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА

М. Н. Осадчая (Старый Оскол, Россия)

В процессе моделирования художественного пространства как сложной интегрированной категории одним из важнейших параметров художественного дискурса выступает временная организация художественных текстов, поскольку в условиях реализации авторской картины мира именно хронотоп, зачастую, позволяет «упорядочить» изображаемую действительность. Языковые маркеры хронотопа в дискурсивной среде позволяют выявить несоответствие авторской и общекультурной концептуализации времени в их соотношении с нюансами авторского восприятия. В конкурентном взаимодействии этих противоположно направленных тенденций упорядочивающими факторами выступают языковые маркеры хронотопа авторского произведения.

В дискурсивной деятельности конкретного автора происходит совмещение надличностной, общекультурной концептуальной осно-

вы, зафиксированной в языковой системе с её индивидуальными особенностями мировосприятия, чем и обусловлены нетривиальные образы авторского художественного дискурса и нестандартные искажения языковых системных связей при функционировании языковых единиц в среде авторского дискурса. Индивидуальное языковое сознание, реализуясь в дискурсивной среде, производит «выбор» альтернативных средств номинации при перекодировании образов авторского сознания в вербальную форму. Выбранная форма 1) передает отношение автора к именованному явлению и 2) выражает признаки денотата, существенные для языкового сознания автора. Денотативная ситуация как раз и создаётся взаимодействием пространства и времени в дискурсивном смысловом пространстве, причём вариативность выбора определяется установкой сознания и избираемой автором модальностью. Поскольку между языковым знаком и денотативной ситуацией существует её общеязыковое смысловое выражение – сигнификат, вариативность при выборе языковой единицы рассматривается как проявление авторского замысла, который и определяет различия в сигнификативном компоненте лексической семантики.

Наша трактовка авторского *художественного дискурса как особой лингвоментальной среды реализации языкового сознания* позволяет концентрировать внимание на особенностях языкового сознания автора и тем самым связать воедино не согласующиеся контексты художественного произведения как результаты «работы» авторского сознания. При этом грамматические маркеры хронотопа как относительно устойчивые параметры языковой системы при анализе авторского дискурса выступают средством, позволяющим соотнести авторскую субъективность с языковой основой использованных единиц.

Как материал данного исследования творчество О. Мандельштама представляет собой особую аксиологическую систему, в которой объективный ход времени, как правило, преломляется, и само время часто концептуализируется как «субъект» изображения. В дискурсе Мандельштама концептуализация времени не сводится к видо-временной системе использованных глагольных форм как некой объективной системе отражения реальных временных соотношений. Отражение рефлексивного осмысления Мандельштамом окружающего мира представляет собой многослойное смысловое пространство, не допускающее однозначных трактовок. Так, исследование семантики времени в ранней поэзии Мандельштама показало, что в его произведениях «преобладают неоднозначные трактовки темпоральной семантики, допускающие в ряде случаев одновременное существование двух, и даже трёх интерпретаций» [2: 232]. При этом частое отсут-

ствие логических связей предлагает «интеллектуальную загадку» для потенциального читателя. Поскольку многообразие субъективных образов в сознании человека упорядочивается за счет категориальной структуры сознания, продуктивен анализ языковых средств, обеспечивающих реализацию в авторском дискурсе категории времени, определяющей особенности хронотопа.

В подробном исследовании Л. Г. Пановой выявлено несколько «вневременных» моделей противопоставлений времени в творчестве О. Мандельштама: «вечность, вневременность, довременность или обратное течение времени, синхронизация событий, панхронизм» [6: 357]. При этом время как объект авторского осмысления выступает в поэтическом мире Мандельштама и в качестве персонажа лирики. Наше исследование показывает, что в художественном дискурсе Мандельштама концептуализация «Времени» реализована в интеграции с концептами «Поэт» и «Творчество». Концепт как «форма, в которой осуществляется дискурсивная переплавка эмоционального и интеллектуального отражения действительности» [1: 81] включает и аксиологические смыслы, и ментальное содержание, которое остаётся не выраженным непосредственно в дискурсивных знаках. Соответственно, анализ дискурсивных приращений в именовании времени может подтвердить тот факт, что в концептосфере творчества Мандельштама феномен времени выступает как экзистенциальное измерение поэтического дара истинного Поэта.

Когнитивные основания аспектов авторских номинаций сложного феномена «Время» выявляются посредством установления взаимосвязи системной и дискурсивной составляющих семантики лексических и грамматических маркеров временных показателей. При этом, с одной стороны, эстетическая реальность художественного пространства коррелирует с системой видо-временных форм в языке. С другой стороны, маркеры временной соотносённости следует рассматривать как знаки особой семиотической системы, центром которой является автор, поскольку «хронотоп в произведении всегда включает в себя ценностный момент», так как «временно-пространственные определения в искусстве и литературе неотделимы друг от друга и всегда эмоционально-ценностно окрашены» [4: 391].

Языковые маркеры хронотопа нагляднее реализуются посредством использования видо-временных форм глаголов, использованием лексических единиц с темпоральной семантикой. Однако, имплицитно «распределяет» авторские именовании во времени и лексика, косвенно указывающая на включение исторического прошлого (именования исторических событий, деятелей и героев). Например, в сле-

дующем контексте отчётливо видно, как использование одной лексемы *глазницы* раздвигает временные рамки художественного пространства, поскольку в пресуппозитивной части контекста появляется семантика времени, выходящего за пределы человеческой жизни:

«...Чтобы в уши, в глаза и в глазницы

Флорентийская была тоска» [5 (III: 129)]. Значение слова *глазница* как 'костная впадина в лицевой части черепа' актуализирует представление о смерти. При этом тема смерти поддерживается и аллюзивной отсылкой к прецедентному тексту Данте, деятелю упомянутого города *Флоренция*. Таким образом, лексическая семантика как языковое средство взаимодействует с внеязыковым смысловым пространством, включаемым в хронотоп текста Мандельштама посредством аллюзивного связывания со средневековым интертекстуальным источником.

Уникально-авторское употребление языковых средств проявляется в неизбежной трансформации при соотнесении временной системы языковых единиц с их индивидуально-авторским использованием. Например, исследователями отмечена характерная для творчества Мандельштама «разновременность» [6; 412], когда древние реалии даны с точки зрения современной, или изображено взаимопроникновение пространств современного и прошлого мира. Как основа сюжетного построения такой приём позволяет реализовать фантастический хронотоп «возможного мира» [3]:

«Словно гуляка с волшебною тростью

Батюшков нежный со мною живёт <...>

Кажется я поклонился ему.

В светлой перчатке холодную руку

Я с лихорадочной завистью жму» [5 (III: 65)]. В подобных примерах маркеры, традиционно рассматриваемые как средства, конкретизирующие время, в смысловом пространстве напротив создают диссонанс. В данном примере репрезентирован концепт «Поэзия», ценностно значимый для Мандельштама. Важно то, что когнитивная интеграция концептов «Поэзия» и «Вечность» репрезентирована посредством использования форм актуального настоящего времени глаголов, организующих нарративное развёртывание сюжета текста. Подобные примеры намеренных анахронизмов можно рассматривать как дискурсивную репрезентацию автором собственной концепции времени, протекающего в ином измерении для Поэта.

Дискурсивному построению и лирических, и прозаических текстов Мандельштама свойственен так называемый «именной стиль», распространённый в русской поэзии начала и середины XX в. Для номинативных или бытийных синтаксических структур характерна

явная связь с прагматикой, поскольку предикация осуществляется путём фиксации внимания на объекте или явлении. Бытийные (без локализации во времени) предложения исследователями рассматриваются как «безразличие к тому, каким временем обозначить действие» [6: 475]. В этом случае существеннее другая особенность бытийных предложений: они помещают в фокус внимания именованную мысль:

«Бессонница. Гомер. Тугие паруса.

Я список кораблей прочёл до середины:

Сей длинный выводок, сей поезд журавлиный,

Что над Элладю когда-то поднялся» [5 (I: 115)]. Не локализованная во времени конкретизированная, такая мысль обретает статус вневременной ценности, позволяя в ценностном ракурсе трактовать особенности соотношения авторских номинаций с использованными средствами видо-временной организации языковой системы. Безвременное оформление пропозиции высказывания позволяет автору сосредоточить смысловое содержание дискурса на передаче своих впечатлений и своего восприятия мира.

Наиболее эксплицитным ориентиром временного пространства традиционно рассматриваются хронологические именованья века, года. Имеющиеся в произведениях Мандельштама примеры такого точного указания на даты встречаются не часто. При этом использование Мандельштамом темпоральных средств, обеспечивающих в языковой системе однозначную временную конкретизацию, в авторском дискурсе предельно искажается при рассмотрении их семантики в синтагматическом ряду микроконтекста. Отчётливо видны авторские намеренные искажения в следующем примере:

«...И в кулак зажимая истёртый

Год рожденья – с гурьбой и гуртом

Я шепчу обескровленным ртом:

– Я рождён в ночь с второго на третье

Января в девяносто одном

Ненадёжном году – и столетья

Окружают меня огнём» [5 (III: 126)]. Следует согласиться с мнением Л. Г. Пановой о поэзии Мандельштама, который «очень последовательно придерживается принципа локализма: <...> читатель всегда знает, где находится вещь или где происходит событие, но при этом редко получает ответ на вопрос «когда?»» [6: 299]. Такая смысловая многозначность контекстов художественного дискурса Мандельштама рассматривается нами как намеренный авторский приём, в создании которого участвуют даже временные конкретизаторы. Таким образом, в художественном пространстве Мандельштама время предстаёт компонентом психологической жизни автора. Предлагая

интеллектуальную загадку читателю, Мандельштам намеренно нарушает системные отношения в языке. Однако при максимальной фрагментарности изложения грамматика выступает средством, «вписывающим» нестандартные авторские замыслы в пределы языковой системы.

Дискурсивная деятельность как семиотический процесс «кодирования» образно выраженной рефлексии на значимую для автора ситуацию обуславливает функционирование в его художественном дискурсе относительно устойчивых авторских именовании. В отношении параметров времени, репрезентированных посредством синтаксических моделей, также видны повторы явно устойчивых моделей построения фраз. Например:

За то, что я руки твои не сумел удержать <...>

Я должен рассвета в дремучем акрополе ждать [5 (I: 150)].

Видно, что в разных текстах повторяется репрезентация концептуальной интеграции «Проступок» – «Наказание»:

За гремучую доблесть грядущих веков,

За высокое племя людей, –

Я лишился и чаши на пире отцов,

И веселья, и чести своей [5 (III: 46)]. При фрагментарном изложении событий именно временная организация текста позволяет «очертить» предполагаемое событие:

И за это, отец мой, мой друг и товарищ мой грубый,

Я – непризнанный брат, отщепенец в народной семье, –

Обещаю построить такие дремучие срубы... [5 (III: 51)]. Репрезентированный концепт «Кара» изначально включает соотнесённость во времени минимум двух событий – «Проступок / Поступок» и «Наказание / Расплата». Тем самым репрезентация прагматического смысла ‘вина, которую необходимо искупить’ неизбежно размещает дискурсивную ситуацию между двумя точками во времени – ‘предшествующее время проступка’ и ‘ожидаемое будущее время наказания’ или искупления. Как раз в языковой системе наиболее репрезентативный глагол для именовании данной денотативной ситуации (*наказать*) имеет актанты, фиксирующие релятивные отношения субъекта с временными «ограничителями» дискурсивного события. Таким образом, в подобных контекстах временные маркеры проецируются в дискурсивное пространство за счёт пресуппозитивной информации.

Таким образом, хронотоп как основа структурирования пространства художественного дискурса соотносит денотативные ситуации. Время и пространство, изображённые в художественном мире произведения, обусловлены особенностями авторского мировоззрения.

ния, а способ объективации этой вторичной субъективной реальности определяется возможностями альтернативного именования.

Рассмотренная нами категория времени как грамматическая категория языковой системы характеризует признак «отнесённость» к моменту речи, однако в дискурсивной реализации формы слов не всегда соответствуют контекстуально обусловленному содержанию глагольных форм. Вербализованные в художественном тексте категории времени и пространства при объективации авторской идеи выступают своеобразной «координатной системой» для авторского языкового сознания при поиске репрезентативных именований концептуальной идеи. А для языкового сознания читателя категория времени функционирует в дискурсе как языковое средство объединения в единый текст мозаичных и трудно объяснимых микроконтекстов художественного дискурса.

Список литературы

1. Алефиренко, Н. Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н. Ф. Алефиренко. – М., 2009.
2. Ахапкина, Я. Э. Семантика времени в поэтическом тексте (на материале лирики Анны Ахматовой и Осипа Мандельштама акмеистического периода творчества) / Я. Э. Ахапкина. – СПб., 2010.
3. Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж, 2001.
4. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М., 1975. – С. 237–407.
5. Мандельштам, О. Э. Собрание сочинений : в 4 т. / О. Э. Мандельштам. – М., 1993–1999.
6. Панова, Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама / Л. Г. Панова. – М., 2003.

СТЕРЕОТИП «ДЕНЬГИ К ДЕНЬГАМ» И ЕГО ПАРЕМИЧЕСКИЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

М. К. Попкова (Старый Оскол, Россия)

Современная лингвокультурология характеризуется достаточно широким предметом исследования, к области которого относятся различные единицы, процессы и механиз-

мы языка и культуры, в том числе, мифологизированные языковые единицы, как например, стереотип.

Понятие стереотипа было введено впервые еще в 1922 г. У. Липпманом. Он утверждал, «что это упорядоченные, схематичные детерминированные культурой «картинки мира» в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира». Так выделяются две важные черты стереотипа – «детерминированность культурой и быть средством экономии трудовых усилий, и соответственно, языковых средств». Можно считать, что «стереотипы «экономят» саму личность», как алгоритмы решения каких-либо задач помогают сэкономить мышление людей. «В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры, т.е. понимается как ментальный (мыслительный) стереотип, который коррелирует с «наивной картиной мира». Такое понимание стереотипа встречаем в работах Е. Бартминского и его школы» [3:109].

Можно смело утверждать, что нас окружает мир стереотипов, которые навязаны нам культурой. «Совокупность ментальных стереотипов этноса известна каждому его представителю. Причем доминирующим в стереотипе может стать практически любой, а не только логически главный признак» [3:111].

Сегодня в науке считается, что языковой стереотип – это не только суждение или несколько суждений, но и любое устойчивое выражение, состоящее из нескольких слов, например, устойчивое сравнение, клише и др.: *седой как лунь, новый русский, деньги к деньгам*. Их употребление упрощает процесс общения [3:109].

Таким образом, стереотип – «это устойчивое культурно-национальное представление (по Ю. Е. Прохорову, «суперустойчивое» и «суперфиксированное») о предмете или ситуации. Он являет собой некоторое культурно-детерминированное представление о предмете, явлении, ситуации. Принадлежность к конкретной культуре определяется именно наличием базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации личности в данном обществе, поэтому стереотипы считаются преценетными (важными, представительными) именами в культуре. Стереотип – это такое явление языка и речи, такой стабилизирующий фактор, который позволяет, с одной стороны, хранить и трансформировать некоторые доминантные составляющие данной культуры, а с другой – проявить себя среди «своих» и одновременно опознать «своего» [3: 110].

Явление стереотипа встречается в пословицах. Никто не знает, когда именно появились пословицы. Мы знаем только одно, что они,

как произведения устного народного творчества, идут с отдаленной древности и теперь»сопутствуют народу на всем протяжении его истории. Особые свойства сделали пословицы столь стойкими и необходимыми в быту» [1:6]. Необходимо сказать и о том, что стереотип национален, «а если встречаются аналоги в других культурах, то это квазистереотипы, ибо, совпадая в целом, они различаются нюансами, деталями, имеющими принципиальное значение» [3:110]. И данная национальность ярко отражается не только в пословицах, но и в целом в устном народном творчестве. Вообще национальный стереотип – это устойчивые образы-представления одного народа о себе самом и о других [6:51].

К сожалению, в науке о языке еще не существует общепринятого мнения о пословицах. «Чаще всего под пословицей понимают меткое образное изречение (обычно назидательного характера), типизирующее самые различные явления жизни и имеющие форму законченного предложения (простого или сложного). Пословица выражает законченное суждение» [1:10]. Но нельзя сказать, что пословица является простым изречением. Она отражает оценку жизни народа, итоги народного ума, его опыт.»Не всякое изречение становилось пословицей, а только такое, которое согласовывалось с образом жизни и мыслями множества людей – такое изречение могло существовать тысячелетия, переходя из века в век. За каждой из пословиц стоит авторитет поколений, их создавших. Поэтому пословицы не спорят, не доказывают – они просто утверждают или отрицают что-либо в уверенности, что все ими сказанное – твердая истина» [1:6]. Поэтому недаром говорят, что *пословица – всем делам помощница*.

В широком смысле пословицы для нас являются народными изречениями, которые имеют буквальное и переносное содержание или «только переносный план и составляющие в грамматическом отношении законченное предложение»[1:11]. «Пословица как высказывание о типичном, временном и пространственно четко не локализованном, обладает «гибкой» семантической структурой, позволяющей ей употребляться в самых различных дискурсах и контекстах и выражать помимо собственно обобщенного значения целый комплекс прагматических смыслов, возникающих в определенных коммуникативных условиях [5:21].

Для иллюстрации особенностей выражения стереотипа в пословицах рассмотрим следующий пример:*Не было гроша, да вдруг алтын*. *Грош* соответствовал в XIX веке половине копейке, а *алтын* - трем копейкам. Концептуальная основа пословицы образуется взаимодействием концептов»Удача» и «Неожиданность», опосредованно выражен-

ными в синтаксической модели высказывания. Стереотипная ситуация, репрезентированная в пословице, может быть сформулирована так: 'порой то, в чем так нуждаешься, неожиданно может появиться в избытке', а стереотипная рекомендация как следствие реализации пословицей её прагматической функции может быть сформулирована следующим образом: 'не нужно отчаиваться, потому что иногда неожиданно может улыбнуться удача'. При этом следует заметить, что данная пословица репрезентирует фрейм «Деньги» в его тесных интегративных связях с другими когнитивными единицами.

Вообще, концепт «Деньги» в настоящее время достаточно подробно описан в лингвистике, но в силу его ключевого характера в народной культуре интерес к нему не ослабевает» [2:380]. Если обратиться к этимологическому словарю Т. Федорова, то выяснится, что слово «деньги» появилось в XIV в., от древнерусского *деньга* из татарского *танге*: буквально «серебряная монета» [7:91].» В силу активного функционирования самой реалии данное заимствование приобретает ключевой характер и номинирует значимый и значительный по объему фрагмент национальной концептосферы. Свидетельством чему является лексическая разработанность соответствующей области. Включение слова *деньги* в системные отношения обусловило то, что в языке (в том числе в его нелитературных формах) данная номинанта входит в достаточно большую группу синонимов: *деньги, капитал, богатство, источник, достаток ...*» [2:380].

Активно слово *деньги* используется и как компонент в единицах косвенно-производной номинации, в которых происходит именно ценностная репрезентация одноимённого концепта. В монографии Н. Н. Семененко явление ценностной репрезентации характеризуется как «вербализация когнитивных единиц: концептов, категорий, понятий, фреймов и т.д., – содержательно соотносимых с ценностями культуры, бытия социума и человека» [5:274].

Рассмотрим примеры пословиц, в которых имеет место именно ценностная репрезентация указанного концепта: а) *Деньги к деньгам льнут*; в) *Деньги к деньгам, кошельки к кошелькам* [4]. В данных пословицах компонент *деньги* характеризуется как объект обобщенного характера, так как не указаны его индивидуальные характеристики, позволяющие восстановить детали исходной ситуации (не указано количество, т.е. главное – это их наличие денег). Вместе с тем, индивидуализация образа *деньги* противоречила бы основному принципу пословицы – обобщать и стереотипизировать ситуацию. Стереотипическая рекомендация в данном случае может быть сформулирована следующим образом: 'имей деньги, и у тебя их будет еще больше'.

В народных изречениях стереотип *деньги к деньгам* соотносим с множеством понятий: «Богатство», «Удача» и др., т.е. 'тот, у кого есть деньги, всегда выпутается из любой ситуации, ему сопутствует удача, но главное – это то, что денег у него станет еще больше' (тому свидетельствуют сказанные выше примеры пословиц).

Интересно и то, что в ряде пословиц наблюдается соотнесение этого концепта со злом, негативно влияющим на нравственные качества человека. Вот наиболее яркие примеры проявления такой оценки:

*За деньги славы не дают;
Богатство – скор путь во зло;
Богат – да крив, беден – да прям;
Умом туп, да кошель туг;
Почет дороже денег;
Ел бы богач деньги, кабы убогий его хлебом не кормил;
Денег много, да разума мало;
Денег палата, да ума-то маловато;
Денег нет, зато сами золото;
Богатому черти деньги куют;
Через золото слезы льются;
Люди – все, а деньги – сор;
Без денег сон крепче и т.д. [4].*

Негативная оценка в приведённые пословицах выражается через соотнесение концепта «Деньги» с такими концептами, как «Жадность», «Глупость», «Эгоизм». В прагматических рекомендациях, выраженных в данных пословицах, *деньги* приносят беды, проблемы, также отмечается, что за *деньги* невозможно приобрести что-либо нематериальное, например, славу или ум, подчёркивается приоритет духовной составляющей человека.

В народном сознании особое место занимает отношение к труду. Это отражается и в изречениях, связанных с концептом «Деньги». Так, можно встретить довольно большое количество паремий, где стереотипной рекомендацией является то, что для достижения богатства необходимо трудиться, работать:

*Кто до денег охоч, тот не спит и ночь;
Кто долго спит, тот денег не скопит;*

Деньги не щепки, с пола не поднимешь и др. [4]. Хотя и встречаются пословицы и поговорки, где речь идет о богатстве без приложения усилий:

Деньги не грибы, можно и зимой найти [4].

Но все же необходимо уделить внимания и тем паремиям, в которых подчеркивается главенство, первостепенность, могущество денег в жизни. Любовь к деньгам – естественная черта народной прагматики:

*Злато не говорит, да много творит;
 Денежка дорожку прокладывает;
 Деньги всему голова;
 Богатство ум рождает;
 Денег наживешь – без нужды проживешь;
 Как деньги при бедре, так помогут при беде;
 Золото и на воде плавает; Бедность плачет, богатство скачет;
 Пес космат – ему тепло;
 Мужик богат – ему добро и др. [4].*

Есть случаи, где наблюдается взаимосвязь денег и религии. При этом отмечается, что ценность данного концепта выше:

*Святые денежки умолят;
 Денежка – молитва, что острая бритва;
 Деньга попа купит и бога обманет и др. [4].*

Получается, «амбивалентность ценностей характеристики денег обратно обусловлена, в силу чего они традиционно оцениваются неоднозначно по шкале «хороший – плохой» [2:386].

Особенность семантики пословицы как единицы косвенно-производной номинации, прежде всего, в том, что она является не просто реалией национальной культуры, а средством материального выражения стереотипов мышления народа, способом оценки какого-либо явления, наглядно демонстрирующим характер и образ мыслей носителей языка.

Список литературы

1. Жуков, В. П. Словарь русских пословиц и поговорок / В. П. Жуков. – 11-е изд., стереотип. – М. : Рус. Яз. ; Медиа, 2004.
2. Кошарная, С. Концепт «деньги» в русском языковом сознании / С. Кошарная // Слово. Текст. Время X: фразеология в традиционных, так и новых научных парадигмах / под ред. М. Алексеенко, И. Х. Вальтера. – Щецин ; Грейфсвальд, 2010. – С. 380–387.
3. Маслова, В. А. Лингвокультурология : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В. А. Маслова. – М. : Академия, 2001.
4. Даль, В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа : сб. : в 2 т. / В. И. Даль. – СПб.: Литера, ВИАИ, 1997. – Т. 1.
5. Семененко, Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика : моногр. / Н. Н. Семененко. – Старый Оскол : Изд-во РОСА, 2011.
6. Сорокина, Н. В. Национальный стереотип как междисциплинарная проблема / Н. В. Сорокина // Гуманитарный вектор. Серия «Педагогика, психология». – 2011. – № 1. – С. 51–59.
7. Федорова, Т. Л. Этимологический словарь русского языка / Т. Л. Федорова. – М. : Лад-Ком, 2012.

ЦЕННОСТНОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ПАРЕМИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В СВЕТЕ КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОДХОДА

Н. Н. СЕМЕНЕНКО (Старый Оскол, Россия)

Паремии как афоризмы фольклорного происхождения характеризуются рядом когнитивно-прагматических функций, обуславливающих их исключительную силу убеждения. Ведущая когнитивно-прагматическая функция пословиц – дидактическая – заключается в формировании стереотипных оценок, суждений и алгоритмов осознания действительности. Пословицы не просто метко характеризуют ситуацию – они моделируют реальность в её вербально-оценочной плоскости, увлекая сознание носителя языка в сеть мнений и суждений по любому поводу.

Для пословиц, как правило, нет однозначного толкования, которое ограничивало бы их использование тем или иным контекстом, – даже при максимально прозрачно выраженной внутренней форме пословица реализует объемное представление о жизни как явлении, нуждающемся в многополярной оценке. Например, пословицы тематической группы «Родина – Чужбина», приведённые в сборнике В.И. Даля [1: 206–208], при всей очевидности ценности понятия «Родина» для национального менталитета в своих прагматических оценках дают весьма объёмную характеристику такому явлению, как «Преданность месту рождения», не редко при этом допуская определённые смысловые антиномии, обнаруживающиеся при группировке пословиц по прагматическому признаку:

1. *Чего не знаешь, туда и не тянет* – ‘Родине предан тот, кто другой страны не знает’,

но *На чужой стороне и весна не красна* – ‘красоты и удобства на чужбине человека не радуют, так как на Родине’;

2. *Худая та птица, которой гнездо своё немило* – ‘не достоин уважения тот, кто не ценит Родину’,

но *Чужая сторона прибавит ума* – ‘чтобы ценить своё, надо изведать чужое’;

3. *На чужбине и собака тоскует* – ‘любящий Родину страдает вдалеке от неё’,

но И за рекой люди живут ‘нет на чужбине ничего, к чему нельзя было бы приспособиться’;

4. *Степного коня на конюшне не удержишь* – ‘чувствуешь себя свободным, когда ты на Родине’;

но И сам обернись, и кругом оглянись – ‘на чужбине можно сравнить свою жизнь с другой и получить новый опыт’;

5. *Прилетел гусь на Русь – погостит да улетит* – ‘предпочёл Родине тёплые края/удобную жизнь’;

но На чужой стороне и сокола зовут вороною – ‘на чужбине хорошо только своим’;

6. *Где ни жить, только бы сыту быть* – ‘главное – достойная жизнь, всё-равно где’;

но Чужбинка не по шерсти гладит – ‘на чужбине достойной жизни добиться трудно/невозможно’;

7. *Одиному – где хлеб, там и угол* – ‘Родина дорога, когда есть родные люди, семья’;

но На чужой стороне и ребёнок враг – ‘на чужбине семейного счастья не видать’.

Вообще, ценностная составляющая паремической семантики – это важнейший ориентир для раскодировки её этнокультурной значимости, поскольку, выступая в качестве традиционного ретранслятора норм и основ общественной морали, народные афоризмы не просто внедряют в сознание каждого нового поколения стереотипные представления о важных для культуры нравственных доминантах, но и позволяют удостовериться в практической значимости той или иной ценности, раскрывая её утилитарную, философскую, религиозную и иные составляющие в пространстве паремического дискурса. ***Под паремическим дискурсом при этом мы понимаем паремический тезаурус в его дискурсивной (речепорождающей) ипостаси.***

Действительно, значение пословицы как текстымы (***паремическая текстема – инвариантная модель текста пословицы, план содержания которой представляет собой унифицированное – отвлечённое от дискурсивно обусловленных смыслов – афористическое значение***) характеризуется рядом признаков, позволяющих значению реализовываться и вне речевого контекста. Это, прежде всего, (1) выраженная событийная основа, (2) «свёрнутый» по ведущим дейктическим признакам сюжет, (3) композиционность внутренней формы и (4) статус прецедентного текста культуры. Соответственно, пословица исходно, с опорой на своё обобщенное значение, репрезентирует ту или иную ценность как некий «идейно-мировоззренческий» конгломерат – следствие когнитивной интеграции концептов культуры:

1. *Где сосна выросла, там она и красна* – ‘по настоящему дорожат человеком / искренне рады человеку на Родине’: «Родина» + «Самореализация» + «Искренняя оценка людьми»;

2. *Без корня и полынь не растёт* – ‘любой человек, независимо от статуса, должен дорожить предками’: «Предки» + «Социальный статус» + «Традиция уважения»;

3. *За морем теплее, а у нас светлее (веселее)* – ‘счастье, обретенное на Родине, измеряется не материальными благами, а радостью души’: «Родина» + «Материальное благополучие» + «Чужбина» + «Счастье»;

4. *На родной стороне и камешек знаком* – ‘человеку мило то, что знакомо от рождения’: «Малая родина» + «Душевный комфорт» + «Свое-Чужое».

Как мы видим, ценностная составляющая семантики вполне отчётливо прочитывается при рассмотрении семантики пословицы даже без привлечения внешнего по отношению к её тексту дискурса. Вместе с тем, собственно *оценочная семантика паремий – явление дискурсивно обусловленное, находящееся в прямой зависимости от дискурсивной интенции как важнейшего когнитивно-дискурсивного фактора, корректирующего прагматические условия смыслообразования*. Например, пословица *За морем веселье, да чужое, а у нас и горе, да своё* [1: 206] в контексте произведения А. Ф. Суздальцева интерпретируется в условиях прямой мотивации внутренней формой. В ходе авторских размышлений значение пословицы, обрастая референциальными признаками, порождает прагматически обусловленный оценочный смысл ‘эмиграция счастья не приносит’, а счастье на Родине оценивается как ‘выстраданное’ и ‘не радостное’:

...Пусть в стране той сытное житьё,

Что в ней делать с русскою душою?

За морем веселье – да чужое,

А у нас и горе – да своё.

Мне твоя чужбина не нужна.

Каждому дарованы Всевышним

Мать одна и родина одна.

Воздухом ли,

родиной ли дышим?

Выстрадал за сотни лет народ

Поговорку о чужом веселье...

Я хочу, чтобы из года в год

Те же звёзды надо мной висели.

*Чтобы, как река, заря текла
И алела над моей Россией.
Не было и нет её красивей,
Жаль, не часто радостной была.*

[<http://ognikuzbassa.ru/category-poetry/394-a-u-nas-i-gore-da-svojo>].

Следует отметить, что у приведённой выше пословицы отмечена чёткая и лишь частично переосмысленная по типу фразеологизации значения одного из компонентов текста пословицы (*за морем* как 'на чужбине') внутренняя форма. Пословицы же с более выраженной метафоризацией образующих паремческое высказывание лексических компонентов характеризуются заметными дискурсивными смысловыми приращениями.

Например, пословица *Вся кулик своё болото хвалит* [1: 207] в контексте диалога персонажей художественного произведения О. Смирнова «Взрослые дети» обретает несколько иное значение: *Ты Иван Григорьевич, вижу, неплохой человек...*

И специальность у тебя хорошая, благородная. Хирург! Но, – Полюнов поднял узловатый, слабо гнущийся палец, – скажу тебе: с шахтером не сравнишься!

Иван Григорьевич с улыбкой развел руками, а Феоктистов сказал:

– Чего, Дмитрий, расхваливаешься? Ты прямо по пословице: всяк кулик свое болото хвалит.

[http://poslovic.net/news/vsjak_kulik_svoe_boloto_khvalit/2011-10-12-80].

Афористическое обобщённое значение 'каждый человек хвалит место своего рождения другим людям' под влияние прагматического фона дискурса обретает референциальные признаки 'профессионал', 'специалист', отчего смысловое контекстуальное приращение и прочитывается как 'человек ставит свою профессию выше других в общей профессиональной иерархии'. Следует отметить, что смысловой переход «Родина» – «Профессия», родившийся в условиях контекста произведения, иного свойства, чем метафорический перенос в его традиционном понимании. Это переосмысление, происходящее под направленным влиянием дискурсивной интенции – исходной прагматической потребности дискурсивной среды, использующей прецедентный потенциал народного афоризма. В ходе данного переосмысления формируется оценочный смысл, – 'хвастаться профессией нехорошо', – весьма далёкий от исходной ценности «Родина».

Следует отметить, что ценностная ориентация паремического значения, порождающая широкий спектр оценочных смыслов, – признак семантики не только пословиц, но и поговорок, которые характеризуются афористическим значением иного свойства, нежели у по-

словиц. Причина тому – номинативный потенциал поговорки, которая включается в структуру высказывания как развёрнутая характеризующая номинация косвенно-производного свойства. Например,

«Да, – говаривал, бывало, Алексей Сергееч, – прошла моя пора; был конь, да изъездился. Вот я и стихотворцев на своем иждивенье содержал, и картины и книги скупал у евреев... До всего-то я был охоч! ...И конский завод имел на славу. И шли те кони... откуда ты думаешь, сударик? От самых тех знаменитейших заводов царя Ивана Алексеича... верно тебе говорю! ...И всё то было – да быльем поросло. ...А впрочем – чего жалеть! Всякому человеку свой предел положён. Выше неба не взлетишь, в воде не проживеешь, от земли уйдешь... поживем еще, как-никак!» (И. С. Тургенев «Старые портреты») [http://rvb.ru/turgenev/01text/vol_10/01stories/0211.htm].

В приведённом фрагменте контекста стереотипная номинация человека, лучшие дни которого давно миновали, в условиях художественного дискурса реализует ценность «Смирение» посредством прагматически обусловленного оценочного смысла ‘цени, что было, – не плачь о том, что минуло’.

Как мы видим из приведённых примеров, модели ценностной репрезентации посредством паремии зависят от характера реализации её многоуровневой семантической структуры в условиях доминирования той или иной дискурсивной интенции, или, в условиях внутреннего паремического дискурса – от смысловой доминанты тематической парадигмы, включающей в себя паремию. При этом систематизация паремий по принципу репрезентируемых ценностей этнокультуры напрямую не связана с тематической организацией текста пословицы или поговорки, а основывается на когнитивно-прагматическом анализе паремической семантики.

Таким образом, ценностное моделирование есть не что иное, как ***процесс кристаллизации содержания ценностного концепта в условиях мотивированности афористического значения исходной внутренней формой высказывания и актуализации обобщённого значения паремии под влиянием дискурсивной интенции.*** Уникальность же паремии как теста культуры при этом заключается не только в её способности сохранять и транслировать этнокультурные стереотипы в качестве доминант культурной памяти, но и в функции порождения ценностных смыслов в условиях дискурса различной функционально-стилевой окрашенности и коммуникативной организации.

Список литературы

1. Даль, В. И. Пословицы русского народа / В. И. Даль. – М. : Эксмо ; Изд-во ННН, 2005.

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА СМИ

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ ЯЗЫКА ДЕЛОВЫХ ИЗДАНИЙ (на примере «Пензенского Бизнес-журнала»)

Т. Н. Зотова (Пенза, Россия)

Культура речи – понятие многозначное. Одна из основных задач культуры речи – это охрана литературного языка и его норм. Ведущую роль в этом процессе играют средства массовой информации. Язык СМИ занимает значимое место в распространении русского языка, повышение уровня грамотности населения.

«Деловая журналистика – одна из наиболее социально значимых областей функционирования языка СМИ» [3]. На журналистах подобных изданий лежит ответственность за популяризацию русского языка среди предпринимателей, руководителей и топ-менеджеров.

Специфические характеристики деловой прессы формируют собственное, весьма обширное поле для исследований.

Данный вид СМИ является малоизученным. Пока еще не сложилось целостного представления о деловом журнале, его лингвостилистических особенностях. Это приводит к недостаточной обеспеченности журналистов теоретическими положениями и разработками, необходимыми в условиях быстрого развития российской деловой прессы. Кроме того, увеличение количества журналистов, не имеющих высшего профессионального журналистского образования, является причиной общего снижения культурно-речевого уровня использования языка СМИ. Как следствие – снижение культуры речи читателей.

В связи с этим исследование стилистических особенностей такого типа издания представляется **актуальным**.

Данной проблемой занимались многие ученые лингвисты, такие как: Солганик Г. Я., Голуб И. Б., Максимов В. И. и многие другие. Их работы послужили теоретической базой исследования.

Объектом изучения являются материалы «Пензенского Бизнес-журнала» за 2013–2015 года.

Цель исследования заключается в проведении анализа текстов публицистического стиля центрального и региональных изданий и выявлении их соответствия лексико-стилистическим нормам данного стиля.

В результате стилистического анализа нам удалось выявить общие тенденции характерные для центральной и региональной вкладки «Пензенского Бизнес-журнала».

Было выявлено, что деловая тематика, адресная аудитория и практически-деловая специфика предопределяют широкое функционирование в текстах терминологии из различных областей, особенно из области менеджмента и финансов. В публицистических текстах обнаруживается проникновение лексических элементов разговорного, научного и художественного стилей. Также широкое применение находит система средств выразительности: тропы и фигуры, использование которых традиционно в текстах художественного стиля. В некоторых статьях наблюдается существенный перегруз специальной лексики. Что говорит о пробелах в практике литературного редактирования в издании.

Использование морфологических приемов позволяет журналисту повысить информативность текста. На морфологическом уровне в текстах «Пензенского Бизнес-журнала» преобладают в зависимости от цели глаголы в форме настоящего и прошедшего времени. Для обобщения понятий используется единственное число существительных в значении множественного. Канцелярную окраску текстам придает нанизывание родительных падежей существительных.

Журналисты используют синтаксические приемы воздействия на читателя, среди которых мы описали наиболее часто употребляемые. Это инверсия, вопросительные предложения, безличные и безлично-инфинитивные конструкции.

Фонетические приемы способствуют не только экспрессивности речи, но и способствуют выделению информации на определенном отрезке речи. Для выражения главной функции заголовка – привлечения внимания читателя используются такие фонетические средства: аллитерация и ассонанс. Деловой характер большинства материалов обуславливает наличие в текстах аббревиатур, которые затрудняют восприятие текста.

В ходе анализа были выявлены особенности, характеризующие каждую вкладку. В жанровой концепции центральной части преобладают аналитические статьи, новости, рекламные статьи, в региональной – интервью и рекламные статьи. Преобладание материалов определенного жанра во вкладке определяет соотношение в них в большей

или меньшей степени определенных стилистических черт. Например, в текстах московской части было выявлено активное использование статистических данных, что характерно для аналитики. В материалах региональной части активно используется экспрессивная и оценочная лексика. В особенности данная лексика употребляется в ответах интервьюированного для создания его речевой характеристики.

Таким образом, проведя полномасштабное исследование стилистических особенностей «Пензенского Бизнес-журнала», мы пришли к выводу, что тексты в издание создаются на грани разных функциональных стилей, преимущественно публицистическом и деловом. В целом, журналисты центрального и регионального издания умело используют стилистические свойства каждого стиля и создают востребованный информационный продукт.

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ РЕЦЕНЗИИ В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВОЭКОЛОГИИ

Д. А. Канакина (Пенза, Россия)

Лингвоэкологический мониторинг позволяет судить о некоторых нездоровых явлениях и тенденциях массовой речи. Среди наиболее распространенных: чрезмерное использование жаргонизмов, варваризмов, общая неграмотность, вульгарность или скудность речи.

В первую очередь эти проблемы касаются журналистского текста. Его влияние на носителей языка наиболее значимо и повсеместно. С этой точки зрения интересны публикации на тему культуры. Учитывая характер тем материалов, а также аудитории, на которую они рассчитаны, мы предполагаем, что они претендуют на роль «эталона» с точки зрения лингвоэкологии, в том числе и в категории жанра. Поэтому важно определить степень соответствия данных текстов и заданному жанру и параметрам экологичности языка. Эти условия определяют актуальность данного исследования. Объект анализа – рецензии, (как квинтэссенция художественного анализа, созданная для читателя) опубликованные в неспециализированных («Новая газета», «Коммерсант») и специализированных изданиях («Литературная газета»).

Основные задачи нашей работы заключаются в:

- 1) поиске в публикациях нарушений с точки зрения экологии языка;
- 2) анализа и сопоставления материалов с точки зрения их соответствия жанру.

Опираясь на материалы А. А. Тертычного и Л. Е. Кройчик мы определили, что рецензия – это аргументированное мнение, в идеале – с опорой на методологический инструментарий, с отсылкой к историческим, социальным, психологическим и иным сферам. Соответствует ли рецензия критериям жанра и стандартам языковой экологичности? Постараемся выяснить в ходе анализа публикаций.

В «Литературной газете» нами была выбрана рецензия на кинопремьеру «Дурак». Автор – Арина Абросимова – старший редактор отдела «Искусство» ЛГ. Отметим в лексике материала разговорные слова (*смакующий, никчемный, чернуха*), просторечия (*нынешний, междусобойчики, мерша*), лексические повторы (*краской красили*). Рецензия соответствует жанровым критериям – автор четко аргументирует свою позицию – *«Герой отбивает всякую охоту делать добро и жить вообще»*, обращается к примерам (*«Как Губанов в исполнении Евгения Урбанского в фильме «Коммунист» Ю. Райзмана»*), подробно описывает сюжет.

Иное впечатление производит рецензия на киноленту «Батальон», принадлежащая перу Лидии Масловой («Коммерсантъ»). Отметим широкое использование автором жаргонизмов (*теплый сексатил*); просторечий (*офицерши, толстуха, бой-баба*); разговорных выражений (*метелить мужичонка*). Автор заостряет внимание на ключевых, с его точки зрения моментах, опуская пересказ сюжета, констатирует: *«будь ты хоть трижды суперженищиной, мужик все равно главнее и имеет право»*. Автор экспрессивен в оценках: *«массовый зритель-то идет в кинотеатр не за тем, чтобы его просвещали, а получить удовольствие от разглядывания красивых девушек»*.

Рецензия Ларисы Малюковой на фильм «Duhless 2» («Новая газета») наполнена заимствованиями и варваризмами типа: *бестселлер, сиквел, драйвовый режим, даунишфтер, вернуться на лайн-ап, хеппи-энд*; просторечиями: *на полную мощь врубилось, клипмейкерское прошлое, менты, шестерки*. Возможно, такой стиль связан с характером рассматриваемой киноленты.

Рассмотрев ряд рецензий в современных печатных изданиях, мы пришли к следующим выводам. В целом, все материалы имеют в языковой основе ряд нарушений с точки зрения экологии языка, что говорит о существующей тенденции к «загрязнению» речи словами ти-

па «чернуха, секспил,лайн-ап». Авторы стараются следовать потребностям аудитории, отсюда и приоритет к иностранным или грубым выражениям. В том числе это касается и жанровых характеристик – структура материала сокращается, рецензии приобретают черты отзыва, причем, отзыва, насыщенного «крепким словом».

ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА СОБЫТИЙНОГО РЕПОРТАЖА В ТЕЛЕНОВОСТЯХ НА КАНАЛЕ «ЭКСПРЕСС»

Е. А. Моисеева (Пенза, Россия)

Нельзя не согласиться с Валерием Цвик, учёным в области теории и практики телевидения, что сила его «в зримости, конкретности, практической невозможности трактовать увиденное как-то иначе». Действительно, любой телеканал оперирует визуальными образами. Однако успех теленовости зависит и от выбранной подачи в языковой сфере.

Мы проанализировали новостные материалы одного из пензенских телеканалов – «Экспресс». В новостной программе «События» регулярно освещаются текущие местные явления, ситуации, происшествия, посредством различных информационных жанров. Ведущий из них – репортаж. Словарь русского языка определяет его, как «журналистский материал о событии». Александр Князев пишет, что «именно репортажи информационных и информационно-аналитических программ определяют лицо того или иного телеканала». Существует множество подвидов репортажного жанра. Чаще всего в информационных программах встречается событийный репортаж – моментальный отклик на происходящее. К основным признакам такого репортажа относят оперативность и актуальность.

Журналисты, пишущие в жанре событийного репортажа, ставят перед собой определенные цели и задачи: своевременно и объективно освещать главные события в политической, экономической, социальной сферах жизни; отражать главные события, происходящие в регионе, находить их взаимосвязь с интересами людей; информировать население о самых важных решениях, принятых органами власти,

общественными организациями, народными движениями и т.д.; отражать жизнь различных слоёв общества. Отсюда и основные темы выпуска: политика, экономика, криминал, социальная сфера, здравоохранение и культура.

Чтобы выявить языковые особенности событийного репортажа на телеканале «Экспресс», мы проанализировали материал Евгения Иналдиева за 19.01.2015, который отвечает всем требованиям данного жанра.

Информационный повод и центральное событие сюжета – «троллейбусы вновь приступили к перевозке горожан». Журналист начинает с того, что «вынужденный простой для самого экологичного вида общественного транспорта Пензы закончился. Утром 19 января весь подвижной состав – 60 троллейбусов – вышел на свои маршруты».

Ознакомимся с самим материалом:

«Водитель троллейбуса Галина Дерянова сейчас в отпуске, в депо пришла, чтобы своими глазами увидеть враз опустевшую площадку для машин. Все в рейсе – значит, предприятие живо и умирать не собирается.

«Само собой, мы переживаем. Я здесь работала столько лет, хочу работать и дальше. Мне нужна эта работа», – призналась водитель троллейбуса Галина Дерянова.

В конце 2014 года МУП «Пассажирские перевозки города Пензы» за 22-миллионный долг перед энергетиками признали банкротом. Начались ограничения поставки энергии на отдельные маршруты. Говорили о прекращении работы троллейбусов с 1 февраля. Коллектив депо долгое время находился в полном неведении: а что дальше?

Дело в итоге дошло до того, что троллейбусный парк на время празднеств отправили на каникулы. Но вот и торжества кончились, а на маршрутах по-прежнему было пусто.

Stand-up: «Рогатый автобус, троллейвоз и, наконец, трали-вали – каких только прозвищ не давали этому виду транспорта. И сейчас уже невозможно представить Пензу вот без этих машин».

67-й год существования в Пензе троллейбусного движения, к счастью, не стал для него последним.

Губернатор Василий Бочкарев в минувшую субботу потребовал, чтобы проблема задолженности транспортников была решена в короткие сроки.

«Самое главное, чтобы троллейбусный парк сохранился, чтобы мы нашли решение по переходу из банкротства в собственность города. Варианты могут быть разные, мы должны их обсуждать и найти самые рациональные, но троллейбусный парк мы потерять не должны», – подчеркнул Василий Бочкарев.

Выход из сложной финансовой ситуации был в итоге найден. Энергетики получили гарантии погашения недоимки и подали ток на все троллейбусные линии. Появление привычного вида транспорта горожан обрадовало.

Что дальше, ни водителям, ни кондукторам неизвестно. Но случившиеся перемены уже прибавили им оптимизма. Они нужны, они еще послужат землякам!

«Такой город, вообще весь расстроился – и вдруг троллейбусы не ходят, ну так же нельзя», – сказала кондуктор Антонина Болеева.

Здесь мы видим событие с собственной предысторией. Авторское «Я» в тексте присутствует, журналист общается с кондукторами, сам не раз появляется в кадре и выражает собственное мнение через stand-up: *«И сейчас уже невозможно представить Пензу вот без этих машин».*

На жанр событийного репортажа так же указывает то, что имеются временные рамки: конец 2014 г., когда предприятие обанкротилось, 1 февраля – прекращение работы троллейбусов и 19 января – их выход в рейс. Таким образом, в тексте есть несколько этапов: предыстория, завязка, развитие сюжета, кульминация, исход. Событие раскрывается в репортаже через разные съемочные планы – на общих показывается место действия (депо), крупные планы показывают эмоции участников (работники, пассажиры, чиновники).

Если говорить о языковых средствах, то все они указывают на публицистичность текста. Основу составляет нейтральная лексика: *журналист, закончился, водитель, троллейбус, отпуск, депо, умирать, каникулы, движение, ток, перемены, транспорт* и т.д.

Из общекишечной лексики встречаются такие слова: *предприятие, неведении, празднеств, торжества, горожан, послужат*. К типично публицистическим относим: *вынужденный простой, вид общественного транспорта, предприятие живо, признали банкротом, прекращение работы троллейбусов, троллейбусное движение, решена в короткие сроки* и т.д. Есть в тексте и иностильные элементы: *энергетики* (проф.), *рогатый автобус* (разг.), *троллейвоз* (разг.), *трали-вали* (разг.), *недоимки* (разг.). Итак, в тексте используются разнообразные языковые средства.

Эффект присутствия автора, о котором мы писали ранее, влечет за собой эмоциональное включение зрителя в ситуацию, то есть он ощущает себя частью происходящего. Работая в жанре событийного репортажа, корреспонденты не ограничивают себя: они часто используют экспрессивную лексику, озвучивают известные ассоциации (*враз, самый экологичный вид общественного транспорта*). Кроме

того, авторы прибегают к комментариям компетентных лиц, чтобы сделать новостной текст более весомым. Но одна из главных особенностей всех выпусков программы «События» на телеканале «Экспресс» – говорить о сложных вещах простым и доступным языком, поэтому можно заметить частое использование разговорной лексики.

Итак, анализ событийного репортажа показал полное соответствие жанра и его языкового наполнения, поэтому можно говорить об экологичности материалов программы «События» на телеканале «Экспресс».

ИНОЯЗЫЧНАЯ ЛЕКСИКА НА СТРАНИЦАХ СМИ

Е. А. Проценко (Воронеж, Россия)

Сегодня можно сказать, что эколингвистика – одно из молодых и перспективных направлений современного языкознания, объединяющее такие разнонаправленные исследования, как экологическая лингвистика и лингвистическая экология. Сформированная на стыке дисциплин, эколингвистика изучает роль языка во взаимоотношениях между человеком, обществом и окружающей средой, включая также исследование процессов взаимодействия между конкурирующими языками в определённом пространстве и временном интервале, их вытеснение или условия выживания. В рамках транслингвальной экологии изучаются, в частности, процессы заимствования, как в плане засорения языка-реципиента, так и в плане искажения языка-донора.

Действительно, на современном этапе число иноязычных слов в русском языке значительно, что вызывает непонимание, а порою и негодование обывателей, нарекания филологов, а главное – опасения за чистоту русского языка, засоряемого «иностранным словесным мусором». Учитывая, что волна широкомасштабного нашествия англоамериканизмов, которая прокатилась в последние десятилетия по всему миру, затронула практически все языки, лингвисты предложили ввести термин «глобализмы» для наименования этой новой группы заимствований. В этой связи наивно полагать, что русский язык мо-

жет остаться в стороне от глобальных тенденций изменения языковой ситуации в мире.

Очевидно, что английский язык намеренно выдвигается на роль «глобального языка» или языка межнационального общения. Доказано, что языковая экспансия является одним из методов внедрения в этническое сознание другого народа, причем манипуляция индивидуальным и общественным сознанием осуществляется посредством заимствования. Действительно, вместе со словами заимствуются чужие понятия и ценности, которые внедряются в языковое сознание носителей другого языка. Язык используется в данной ситуации как средство подчинения целых народов, а средства массовой информации становятся одним из инструментов реализации мирового господства [1: 4–5].

Сегодня многие исследователи сходятся на том, что именно средства массовой информации являются не только индикатором происходящих в мире изменений, но и оказывают наибольшее влияние на формирование массового, в том числе и языкового, сознания. Средства массовой информации формируют единое информационное пространство, своего рода единую символическую среду, которая используется как проводник новой массовой культуры. Интернет, реклама, телевизионные каналы, электронные и печатные издания транслируют и навязывают определенные стереотипы и нормы поведения, ценности и модели жизни. Кроме того, последние исследования показали, что именно язык средств массовой информации «служит своего рода «перевалочным пунктом» для иноязычной лексики при ее переходе в литературный язык» [2: 17].

Исходя из вышеизложенного, мы попытались проследить функционирование лексики иноязычного происхождения на страницах газеты «Комсомольская правда». Объектом анализа послужили примеры употребления иноязычных слов, выявленные методом сплошной выборки во всех изданиях газеты, вышедших за 2013 год. В ходе исследования лексика иноязычного происхождения классифицировалась по двум основным критериям: хронологии заимствования и языка-источника. В соответствие с хронологическим подходом, все иноязычные единицы были разделены на две группы: лексика, заимствованная русским языком до 90-х годов, и заимствованная с конца XX в., соответственно. За основу второй классификации был взят язык-источник заимствования.

Проведенный анализ позволил установить, что объем и состав языков-источников заимствования в рамках анализируемого хронологического периода изменился незначительно. Однако очевидно пере-

распределение доли заимствований из французского, английского и латинского языков. Так, число французских и латинских заимствований сократилось более, чем в 3 раза, а доля заимствований из английского языка возросла на 10 %.

Интересные результаты были получены в результате сравнительного анализа данных словарей иностранных слов, изданных в разные годы. Для некоторых лексических единиц были выявлены различия в языке-источнике или изменение значений заимствованных слов с течением времени. Например, такие слова как *тендер*, *топ*, *тюбинг*, *чартер* и *хэндотмечены* в СИС [4] как английские заимствования в специальных значениях, отличных от тех, в которых они употребляются сегодня. Так, в НСИС [3] слово *топ* имеет четыре значения, из которых лишь одно – морской термин – представлен в СИС.

Более того, в ряде случаев СИС ссылается на латинские этимоны (например, *акцент*, *бонус*, *кредит*, *конфуз*, *клиент* и т.п.) в тех случаях, когда слова вероятнее всего были заимствованы русским из других языков, чем и объясняется значительная доля латинского как языка-источника в первой группе заимствований (Ср. лат. – около 30 %, франц. – 30 %, англ. – 24 % от общего числа анализируемых единиц). В данном случае мы сталкиваемся с проблемой разграничения языка-посредника и языка-источника. Действительно, многие иноязычные слова восходят, в конечном счете, к латинским или греческим этимонам, хотя воспринимаются в разные исторические периоды как заимствования из разных языков. Так, слова *логистика* и *эконом*, по данным СИС, восходят к греческому языку, а *флер* и *ролл* относятся к немецкому. В НСИС для слов *логистика* и *эконом* представлены другие значения, заимствованные из английского языка (Ср. *логистика* – греч. «математическая логика» и англ. «теория и практика управления материально-техническим обеспечением»; *эконом* – греч. «бережливый, хозяйственный человек» и англ. «сравнительно недорогой»). Вряд ли случаев мы имеем дело с межъязыковой омонимией: в СИС *ролл* (отнем. Rolle) определяется как «машина для скручивания чайного листа»; а *лот* (от гол. lood) – как прибор для определения глубины моря, хотя сегодня они воспринимаются как заимствованные из английского языка в других значениях.

Показательно, что более трети слов иноязычного происхождения, выявленных на страницах газеты «Комсомольская правда», не зафиксированы в НСИС. В ситуации, когда межъязыковые контакты представляют собой активный, открытый для взаимопроникновения процесс, появляется возможность создать на базе иноязычного прототипа то или иное слово путем транскрипции (например, *фэнтези* от англ. fantasy, *лавстори* от англ. lovestory, *гринрум* от англ. greenroom) или

транслитерации (*афтерпати* от англ. *afterparty*, *гаджет* от англ. *gadget*, *девелопер* от англ. *developer*). Другими словами, учитывая определенную моду на употребление иноязычных слов, журналисты нередко прибегают к формальному перекодированию означаемого, т.е. транслитерируют английские слова или выражения, например, *бигэйр*, *мейк ап*, *лав-стори*, *гринрумили нувориш*, *мундиаль*.

В новой языковой среде иностранные слова приобретают новую языковую реальность: изменяется не только их внешний, т.е. звуковой или графический, облик, трансформируется, иногда до неузнаваемости, их значение, меняется сфера употребления. Если в английском языке слово *manager* обозначает руководителя крупного или среднего звена, т.е. человека, отвечающего за организацию и управление целым предприятием или, как минимум, его отделом (*manager (n) – a person who is in charge of running a business, a shop/store or a similar organization or part of one*), то в России менеджерами называют специалистов совершенно разного профиля (Ср. продавец и менеджер по товарам, товаровед и менеджер по закупкам, кадровик и менеджер по кадрам, секретарь и офис-менеджер, уборщица и клининг-менеджер).

Другим примером преобразования иноязычных слов являются наименования жилых помещений, заимствованные из английского языка, например, *таунхаус*, *пентхаус*, *студия*, *коттедж* и т.д. Если в Великобритании *town-house* – это узкий ряд домов, находящихся в городе (*town-house (n) – a townhouse in a town that is part of a row of similar houses*), то в России *таунхаус* – это отдельный дом в коттеджном поселке, как правило, на окраине города или в ближайшем пригороде. Если в английском языке *cottage* обозначает небольшой деревенский домик (иногда крытый соломой), в противоположность городскому дому (*cottage (n) – a small house, especially in the country*), то в русском языковом сознании *коттедж* воспринимается как большой многоэтажный дом в престижном районе города и ассоциируется с богатством и роскошью. Показательно в этой связи, что британская пресса пишет о том, что русские коттеджи не имеют ничего общего с английскими коттеджами, которые послужили источником заимствования. Коттеджи новорусских, огромные кирпичные здания с высоким забором, плавательным бассейном, баней и круглосуточной охраной, скорее напоминают крепость: «*Today, wealthy «New Russians» are building «kottedzhi», which are more like fortresses than the English cottage from which the word derives: vast stone and brick structures with high fencing, a swimming-pool, a bath house and a 24-hour armed guard, in the depths of the birch forest*» [Independent, 17.07.1999].

В заключение хотелось бы отметить, что в ситуации, когда межязыковые контакты представляют собой постоянный, активный, от-

крытый для взаимопроникновения процесс, практически каждый говорящий (особенно билингв) может создать то или иное слово путем транскрипции или транслитерации иноязычного прототипа. Однако, в данном случае речь идет не столько о новых заимствованиях, сколько о своего рода моде на употребление иноязычной лексики в средствах массовой информации.

С другой стороны, лексическая подсистема русского языка открыта иноязычным заимствованиям и вполне вероятно, что такие слова, как *пентхаус*, *смартфон*, *блендер*, *блютуз*, ставшие сегодня известными и понятными многим монолингвам, останутся в русском языке. На сегодняшний день мы становимся свидетелями таких процессов, как активизация вторичного заимствования, увеличение частотности употребления или изменение значений ранее заимствованных слов. Однако есть все основания полагать, что язык как саморегулирующаяся система ограничивает поток иноязычных слов, помогая лингвистам в борьбе за экологию языка.

Список литературы

1. Большеева, Н. Н. Развитие языка в условиях глобализации (социально-философский аспект) : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Большеева Н. Н. – Красноярск, 2006.
2. Камалетдинова, А. Б. Иноязычная лексика в современных средствах массовой коммуникации: 1996–2001 гг. : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Камалетдинова А. Б. – Уфа, 2002.
3. Захаренко, Е. Н. Новый словарь иностранных слов : 25 000 слов и словосочетаний / Е. Н. Захаренко, Л. Н. Комарова, И. В. Нечаева – М. : Азбуковник, 2003.

ЭКОЛОГИЧНОСТЬ ЖУРНАЛИСТСКОГО ТЕКСТА СОВРЕМЕННОЙ ПРЕСС-СЛУЖБЫ

Е. Н. Сердобинцева, Я. А. Киселева (Пенза, Россия)

Пресс служба как разновидность журналистики имеет свои особенности, которые в отечественной науке изучены недостаточно глубоко. Возможно, это связано с тем, что деятельность данного вида журналистики ориентирована не на столь масштабную аудиторию, как, например, телевидение, пресса, радио.

Пресс-служба – это отдел информации, занимающийся контактами со СМИ для освещения деятельности конкретной организации. Отличительная особенность материалов пресс-службы заключается в том, что к типичной функции информирования присоединяется функциональный элемент рекламы. Однако тексты пресс-службы – это не реклама деятельности организации, это скорее PR-информация о ее характере и деятельности. Но и PR-деятельностью в чистом виде нельзя назвать работу пресс-службы. Определение специфики работы пресс-службы представляется важным, чтобы эффективно организовать службу в ней, найти необходимый инструментарий.

Основными инструментами представителя пресс-службы являются язык в богатстве его стилистических возможностей и система журналистских жанров. К этому добавляется целевая аудитория и цель материала, тема информации и среда ее бытования. Когда все эти элементы занимают отведенное им место, текст получается гармоничным и эффективным. Определение специфики текста современной пресс-службы представляет собой актуальную задачу, к решению которой мы только приступим в данной работе.

Рассмотрим материалы пресс-службы администрации города Пензы. Администрация Пензы являет собой власть города. Перефразируя выражение Г. Лассвелла, получим формулу: язык власти – язык политики [Г. Лассвелла, Язык власти (Политическая лингвистика. – Вып. 20. – Екатеринбург, 2006. – С. 264–279)]. Это в свою очередь определяет стилистические особенности языка представителей власти – официально-деловой. Таким образом, публицистический стиль в текстах пресс-службы обязательно будет содержать большое количество характерных элементов официально-делового.

Для анализа мы выбрали небольшой текст.

В Пензе прошла ярмарка управляющих компаний

В субботу, 14 марта 2015 года, в ДК «Заря» состоялась ярмарка управляющих компаний.

В настоящее время в Пензе собственники помещений порядка 900 домов еще не провели голосование и не определили новую форму управления. Ярмарка управляющих компаний призвана помочь пензенцам в выборе управляющей компании. Мероприятие организовано администрацией города Пензы и Управлением ЖКХ города.

На ярмарке свои услуги представила 21 управляющая компания различных форм собственности. Старшие по домам, председатели Советов домов и другие жители могли пообщаться с представителями данных управляющих организаций, задать все интересующие

вопросы, уточнить тарифы предлагаемых услуг, узнать о материально-технической базе той или иной компании.

Также в рамках ярмарки прошла презентация пяти управляющих компаний, в том числе, участникам мероприятия рассказали о муниципальных УК.

Открывая мероприятие, заместитель главы администрации города Пензы Юрий Ильин поздравил всех работников сферы жилищно-коммунального хозяйства с предстоящим праздником, а также отметил интерес пензенцев к данному мероприятию.

«Сегодня большое количество людей пришли на ярмарку, очень радует, что в Пензе есть неравнодушные граждане, и есть большое количество частных независимых управляющих компаний, готовых предлагать свои услуги и конкурировать между собой, – отметил Юрий Олегович. – Мы хотели бы показать этим мероприятием, что рынок управления МКД – конкурентная среда». Следствием конкуренции в этой сфере, по его словам, должно стать создание благоприятных условий для управления многоквартирными домами в Пензе и повышение качества оказания услуг населению – жители получают возможность широкого выбора и сами определяют, кто и как будет содержать их дом.

«Хотелось бы, чтобы люди сами определились с выбором компании. Наша помощь должна заключаться в проведении такого рода мероприятий – показать и рассказать, а выбор уже за вами», – подчеркнул заместитель главы администрации города.

Также в мероприятии приняла участие Главный государственный жилищный инспектор Пензенской области Ирина Ширина, которая рассказала присутствующим о процедуре проведения лицензирования УК и ответила на вопросы представителей компаний и жителей.

Ярмарка управляющих компаний работала до 15.00. По словам Юрия Ильина, это первое мероприятие, цикл которых только набирает обороты.

Как было отмечено, голосование по определению способа управления оставшимися домами планируется завершить до 1 апреля 2015 года.

Перед нами событийная заметка, т.к. это небольшое произведение, информирующее о событии. Здесь представлено последовательное изложение произошедшего путем ответа на вопросы Что? Где? Когда? Почему? Как? Материал излагается четко и кратко. Заметка рассказывает о мероприятии, которое провела администрация города:

Мероприятие организовано администрацией города Пензы и Управлением ЖКХ города.

Заголовок отражает актуальность материала, привлекая внимание информативностью.

Интерес представляет язык заметки. Из языковых особенностей публицистического стиля здесь можно отметить только наличие общественно-политической лексики. Экспрессивность и оценочность, характерные публицистическому стилю, проявляются в тексте в столь незначительной степени, что сразу заметить их практически невозможно: *интересующие, равнодушные, благоприятных*. Остальное языковое пространство занимает лексика делового стиля: *собственники помещений, не провели голосование и не определили новую форму управления, в рамках ярмарки прошла презентация, создание благоприятных условий для управления многоквартирными домами* и далее по тексту.

Структура синтаксиса рассматриваемой заметки соответствует публицистическому стилю. Из четырнадцати предложений чуть меньше половины сложных, причем два из них входят в прямую речь героя. Сложные предложения представлены разными видами: сложноподчиненными, бессоюзными, сложносочиненными.

Простые предложения часто осложнены однородными сказуемыми: *могли пообщаться..., задать ... вопросы, уточнить тарифы..., узнать...;* вводными словами, указывающими на источник информации: *по его словам, по словам Юрия Ильина;* обособленным обстоятельством: *открывая мероприятие*. В тексте нет средств экспрессивного синтаксиса.

Итак, заметка – информационный жанр, в задачу которого входит краткая информация о событии без приукрашивания и оценки. В заметке экспрессивный фонд языка выражен незначительно, незаметно. Эти качества ярко представлены в анализируемом материале. Обращает на себя внимание перегрузка текста лексикой официально-делового стиля. Однако мы рассматривали материал, рассказывающий о работе администрации, материал, представленный ее пресс-службой, поэтому можно говорить о том, что нарушения баланса нет. Законы лингвоэкологии соблюдены. В тексте соединены элементы публицистического и официально-делового стиля, представляющего организацию власти города. Таким образом, в текстах пресс-службы должны соединяться две составляющие: публицистичность и тот стиль, который отражает деятельность организации (официально-деловой, научный).

«GRAMY DOŚĆ CZYTELNA GRĘ» I «SKĄCZEMY UDANE SKOKI» – UWAGI O RZĄDZIE WYBRANYCH CZASOWNIKÓW NA PRZYKŁADZIE SPRAWOZDAWCZOŚCI SPORTOWEJ

G. Filip (Rzeszów, Polska)

Prowadzone w tym artykule rozważania natury językoznawczej mają motywację pozajęzykową. Powstały bowiem jako efekt kolejnej próby zrozumienia powszechnego zjawiska społecznego, jakim jest kibicowanie. W obu przypadkach (dwa teksty o leksyce sportowej mojego autorstwa) podjęta próba została sprowadzona do językowych obserwacji na temat specyfiki odmiany stylu publicystycznego, jaką jest język dziennikarzy sportowych. Warto zatem w tym miejscu przytoczyć leksykalną definicję rzeczownika odczasownikowego *kibicowanie*. W oficjalnej odmianie współczesnej polszczyzny oznacza on ‘przyglądanie się rozgrywkom sportowym, szachowym, karcianym; dopingowanie swojej drużyny; bycie kibicem’, czyli widzom ‘przyglądającym się sportowym rozgrywkom’ [14: 911]. Z kolei rzeczownik *kibic*, będący słowotwórczą podstawą wspomnianego derywatu, ma etymologię niemiecką (*Kiebitz*) i funkcjonuje w języku polskim od wieku XIX w znaczeniu ‘obserwujący grę’, wcześniej także ‘elegant, facet’. Znaczenie obserwatora ma charakter metaforyczny, ponieważ podstawowym aspektem semantycznym przytoczonego germanizmu było ‘ptak czajka’. Wiesław Boryś podaje również niemieckie znaczenie dialektyczne, zgodnie z którym *kibic* to ‘człowiek wścibski, wtrącający się do nie swoich spraw’ [2: 228]. Trudno dopatrywać się analogii między polskim leksem *kibic* a niemieckim dialektyzmem, nie sposób jednak uniknąć skojarzeń z niepozytywnym wydźwiękiem tego wyrazu i negatywnie nacechowanym złożeniem *pseudokibic*, coraz częściej stosowanym w polskich mediach na określenie osoby, która obserwowanie rozgrywek i dopingowanie wybranej drużyny sportowej (głównie piłkarskiej) traktuje jako pretekst do wyładowania agresji i sprowokowania chuligańskich wybryków. Leksem ten wszedł już na stałe do zasobu współczesnej polszczyzny, a w *Wielkim słowniku wyrazów obcych* PWN został opatrzony kwalifikatorem *pejoratywny* i zdefiniowany

jako ‘kibic prowokujący bójkę na stadionach lub uczestniczący w nich’ [Bańko: 1036]. Na marginesie czynionych tu uwag można zaznaczyć, że drogą regularnej derywacji można by tworzyć obszerną kategorię nieodnotowanych w słowniku derywatów czynnościowych, atrybutywnych lub abstrakcyjnych, w których człon *pseudo* (od greckiego *pseûdos*, czyli ‘kłamstwo’ sygnalizowałby, że osoba lub zjawisko nie są tym, co udają lub naśladową [1: 1036]. W potocznej odmianie polszczyzny współczesnej funkcjonuje także ekspresywna/augmentatywna konstrukcja słowotwórcza *kibol*, utworzona od rzeczownika *kibic* za pomocą pejoratywnie nacechowanego sufiksu *-ol*, obecnego w negatywnych określeniach nazw mieszkańców państw np. *Angol* lub obraźliwych nazwach atrybutywnych typu *głupol* ‘ten, który jest głupi’, *łysol* ‘ten, który jest łysy’¹. Z obserwacji zarówno komunikacyjnej, jak i ekspresywnej funkcji języka komentatorów wynika, że jest to grupa zawodowa, której reprezentanci łączą profesję dziennikarza z zainteresowaniami sportowymi i pozytywnie rozumianym kibicowaniem.

Leksykalno-stylistyczny aspekt telewizyjnej sprawozdawczości sportowej stanowi jedno z zagadnień analizowanych przeze mnie w publikacji z 2014 r. na temat rozbieżności między regułami gramatycznymi współczesnej polszczyzny a tendencjami społecznego uzusu. W tekście tym odnotowałam m.in. spostrzeżenia dotyczące transsemantyzacji czasowników *czytać* i *przeczytać*. Ze względu na zakres semantyczny przytoczona para aspektowa zaliczana jest do klasy czasowników czynnościowych oznaczających zamierzone działania odbywające się z udziałem woli subiekta. *Czytać* jest leksemem aktywności psychicznej, podgrupy czasowników czynnościowych, do której należą również wyrazy: *patrzyć*, *słuchać*, *obserwować* [6: 1998: 155], a jego podstawowe znaczenie to ‘przebiegając wzrokiem po napisanych lub wydrukowanych literach albo innych symbolach, formułować w umyśle lub na głos odpowiadające im dźwięki językowe; zapoznawać się z treścią tego, co jest napisane albo wydrukowane’ [14: 352]. W wypowiedziach sportowców oraz dziennikarzy komentujących różnego rodzaju rozgrywki sportowe można zauważyć nowe użycie tych leksemów w znaczeniach: ‘wyczuć czyjeś zamiary, zapobiec czemuś’, ‘zrozumieć’ lub ‘umieć coś, czuć coś’. Należy zauważyć, że moda na stosowanie czasownika *czytać* dotyczy nie tylko dziennikarstwa sportowego, ale także wypowiedzi radiowych lub telewizyjnych o innej niż sport tematyce [3: 47–49].

¹ Należy zaznaczyć, że funkcjonujące w polszczyźnie oficjalnej leksemy atrybutywne np. *głupiec* mają już wydźwięk pejoratywny. Derywacja wymieniająca (morfem *-ol* zamiast *-ec*) służy więc w tym przypadku intensyfikacji wartościowania negatywnego.

W polskiej bibliografii poświęconej problematyce słownictwa sportowego istotną pozycję zajmują fundamentalne publikacje Jana Ożdżyńskiego [np.: Ożdżyński 1970, 1977, 1978, 1979]. Porównując komentarze radiowe i telewizyjne, autor zanalizował ich funkcje językowe, zawartość informacyjną tekstu, zasób leksykalny wypowiedzi, a także ukształtowanie syntaktyczne i spójnościowe. Mimo upływu lat i zmian w regulaminach sportowych, charakterze uprawianych dyscyplin, a także zachowaniach kibiców, aktualne pozostaje stwierdzenie Jana Ożdżyńskiego, że: «Podobieństwo sytuacji komunikatywnej sprawozdawcy (relacjonującego w radiu) i komentatora TV związane z jednostronnym przekazywaniem informacji do odbiorcy masowego typu audytorium prowadzi do wytworzenia odrębnej formy monologu sprawozdawczego o różnym nasileniu partii komentujących i oceniających [...]. Odrębność transmisji sportowej znajduje odbicie w szczególnym nasyceniu elementami składni emocjonalnej, znamionnymi dla spontanicznego, improwizowanego reportażu. Zasadnicze podobieństwa tekstów relacji i komentarza dotyczą zintensyfikowanego użycia wypowiedzi niewerbalnych (zawiadomień, wykrzyknień, równoważników zdań), znamionnych dla stylu dysjunktywnego oraz zmniejszonego udziału wypowiedzi złożonych» [11: 99]. Aktualność przytoczonej opinii pozostaje w ścisłym powiązaniu z ludzkimi emocjami, generowanymi przez określone sytuacje komunikacyjne, do których z pewnością należy obserwowanie i komentowanie sportowych rozgrywek. Na tę cechę języka dziennikarzy sportowych zwracają uwagę także inni językoznawcy. Według Jerzego Podrackiego konsekwencją ekspresywnego charakteru wypowiedzi jest jej częste metaforyzowanie, powodowane doбором szczególnie sugestywnych i efektownych środków językowego wyrazu. Prowadzone na żywo transmisje charakteryzują się nierównością przekazu będącego odzwierciedleniem tego, co dzieje się na boisku – szybka i skondensowana treściowo relacja w sytuacji podbramkowej lub wypełnianie luk w przerwie akcji na boisku [12: 64].

Przedmiotem analizy językowej czynię materiał przykładowy zapisany podczas oglądania transmisji sportowych emitowanych przez polskie kanały telewizyjne w roku 2014. Są to głównie trzy dyscypliny sportowe: skoki narciarskie (Puchar Świata w Willingen), kolarstwo (Tour de Pologne) oraz piłka siatkowa (Plus Liga), uważane obecnie za sporty narodowe. Poza wymienioną wyżej ekspresywnością i metaforyzowaniem w wypowiedziach dziennikarzy komentujących wymienione transmisje zwracają uwagę zwroty z rekcją odbiegającą od norm poprawnościowych obowiązujących w oficjalnej odmianie języka polskiego.

Składnia rządu jest jednym z trzech podstawowych związków syntaktycznych opartych na relacji podrzędności. W związku składniowym związanym rządem wyróżnia się składnik regujący i podporządkowany mu syntaktycznie składnik regowany. Istotą tego typu konstrukcji jest to, że składnik rządzący ma samodzielną zdolność łączenia się z drugim, natomiast forma składnika rządzonego jest zdeterminowana przez składnik rządzący. W polskiej składni wyróżnia się rekcję bezpośrednią, czyli biernikową oraz pośrednią, niebiernikową. Stanisław Karolak przypomina także o rozróżnieniu na rząd słaby i mocny, zastrzegając jednocześnie niedostateczną ostrość tego kryterium odnośnie do polszczyzny. Dla prowadzonych tu analiz istotna jest także kolejna uwaga dotycząca zakresu wyrażen objętych rekcją. Składnikiem rządzącym może być bowiem dowolny leksem autosemantyczny, natomiast funkcję składnika rządzonego mogą pełnić przede wszystkim rzeczowniki (w przypadkach zależnych), sporadycznie przymiotniki i wyrażenia przyimkowe. Jako niedoskonałość relacji rządu Stanisław Karolak wymienia fakt, że zaliczane są do niej jedynie wypadki, w których składniki akomodacji syntaktycznej są wbudowane w wyrazy, stanowiąc ich nieodłączalne części wewnątrzwyrazowe. Do rekcji nie są natomiast zaliczane połączenia, w których akomodacja zachodzi, ale jej wskaźnikami są (z wyjątkiem przyimków) np. spójniki [5: 503–504].

Obserwacje czynione odnośnie do wybranego przeze mnie materiału egemplifikacyjnego dotyczą syntaktyki składników regowanych, które w przypadku, nie tylko czasowników wymienionych w tytule niniejszych rozważań, wykazują niezgodność z rządem zalecanym przez polskie źródła poprawnościowe. Oto zwracające uwagę fragmenty telewizyjnych komentarzy wypowiedzianych w trakcie meczu siatkarskiego Polska – Iran z 13.09.2014 r. (Plus Liga):

«Gramy dość czytelną grę».

«Grajmy piłkę».

«Zawodnik kupił piłkę»

«Polacy weszli w mecz».

W przywołanym tu znaczeniu *grać*, czyli ‘brać udział w grach’, można ‘w coś, czymś’ lub ‘o coś’, ale nie ‘coś’ [7: 300]. Piłkę natomiast można kupić, ale nie zwykło się tego czynić na boisku podczas gry. Zatem trzecie w powyższej serii zdanie jest przykładem komentatorskiego metaforyzowania, *kupił piłkę*, czyli odebrał ją przeciwnikom. Wreszcie *wejść w mecz* oznacza w przytoczonym zdaniu ożywienie/podjęcie akcji. *Wejść* można w, ale np. w *las*, w *tłum ludzi*, w *obręb*, w *skład* lub w *granice*. Wchodzenie w mecz jest zwrotem z nieodpowiednim składnikiem rządzonym.

W sprawozdawczości sportowej potwierdzeniem popularności tego rodzaju konstrukcji mogą być przykłady dotyczące innych dyscyplin sportowych np. komentarz z meczu piłki ręcznej Polska-Rosja rozegranego 17 stycznia 2014 r. podczas Mistrzostw Europy: «Biegamy każdą piłkę». Czasownik *biegać* w oficjalnej odmianie języka polskiego otwiera następujące miejsca argumentowe: ‘ktoś, gdzieś, skądś – dokądś, za czymś, za kimś’. W słowniku odnotowano zwrot *biegać coś* dopuszczalny w środowisku sportowym np. *sprinty* czy *maratony* (nie *piłkę*), a także pośrednią rekcję ze składnikiem w narzędniku *biegać za piłką* [13: 64]. Analogiczną tendencję do rozszerzenia akomodacji można zauważyć w wypowiedziach komentatorów kolarskiego wyścigu Tour de Pologne (3-9.08. 2014 r.). Materiał przykładowy dotyczy etapu przebiegającego przez Rzeszów, a wydarzenie to było komentowane przez Sebastiana Szczęsnego, dziennikarza sportowego. Oto reprezentatywne cytaty:

«Peleton jechał rundy».

«Zawodnik wziął się w odjazd».

«Zawodnicy łapią się do ucieczki».

Według norm poprawnościowych *jechać* – w użytym tu aspekcie semantycznym – można ‘czymś, na czymś, w czymś, skądś – dokądś, po kogoś, po coś, w jakimś celu’, brak jednak w *Wielkim słowniku poprawnej polszczyzny* zwrotu *jechać coś*, np. *rundy* [7: 362]. Błędnie też skonstruowana została następna wypowiedź, ponieważ *wziąć się* ewokuje skojarzenia z frazeologizmem potocznym *wziąć się w garść* o znaczeniu ‘opanować się, przezwyciężyć, zebrać siły; otrząsnąć się z przygnębienia, apatii itp.’ [14: 634]. Przytoczony przykład można więc uznać za błąd frazeologiczny powstały w wyniku modyfikacji wymieniającej. Ostatni z powyższej serii czasowników *łapać się* także ma zakłóconą akomodację, ponieważ nie można *łapać się* ‘do czegoś’, lecz przede wszystkim ‘za coś, na coś’ lub ‘na czymś’ [7: 496].

Kolejną ilustrację charakteryzowanej predylekcji w języku dziennikarzy sportowych stanowi cytat z komentarza Marka Borowczyka wypowiedziany podczas wyścigów Formuły I z 30 marca 2014 r.: «Alonso pojechał wyścig». W przytoczonym zdaniu zwraca uwagę konstrukcja składniowa *pojechał wyścig*, w której składnikiem regującym jest czasownik *pojechać* oznaczający w polszczyźnie ‘udać się dokądś jakimś środkiem komunikacji lub odbyć podróż dokądś’ [15: 767]. Zgodnie z polskimi normami poprawnościowymi *ktoś* może więc *pojechać czymś* ‘skądś dokądś’, ale nie ‘coś’ [7: 806].

Swoistą kreatywność syntaktyczną wykazał w swoich wypowiedziach były trener reprezentacji polskich skoczków narciarskich, a obecny prezes Polskiego Związku Narciarskiego, Apoloniusz Tajner. Z jego komentarza

wspomnianych zawodów w Willingen (17.02.2014 r.) wynotowałam następujące konstrukcje syntaktyczne:

«Kamil Stoch troszeczkę przypóźnił skok».

«Skoczek wylądował skok».

Czasownik *przypóźnić* nie jest odnotowany w słownikach polszczyzny ogólnej, chociaż jest używany w środowisku skoczków narciarskich. Można go więc uznać za, niezgodny z polskimi normami gramatycznymi, leksykalny wyznacznik tego profesjolektu. Zastosowany w tym przykładzie prefiks *przy-* wnosi konkretną informację odnośnie do techniki skakania, oznacza bowiem ‘częściową, niepełną, realizację tego, co oznacza wyraz podstawowy’ analogicznie do derywatów *przyszyć* czy *przykleić* [15: 1029]. Należy zwrócić także uwagę na inną nieprawidłowość użycia tego czasownika, podobną jak w wypowiedzeniu mistrza olimpijskiego w skokach narciarskich, Kamila Stocha: «Ja spóźniłem pierwszą serię». Konstrukcja ta jest następną ilustracją omawianych tu tendencji akomodacyjnych. W języku polskim czasownik *spóźnić* nie występuje bowiem bez morfemu *się*.

W komentarzach skoków narciarskich reprezentatywnym wyrazem jest czasownik *skoczyć*, zdefiniowany w leksykonach języka polskiego jako ‘poruszać się, odbijając się nogami od ziemi, wykonać skok’ [12: 754]. Odnośnie do tego wyrazu nie odnotowano sportowego kontekstu użycia takiego, jak w przypadku czasownika *biegać coś*. Zatem zgodnie z regułami języka polskiego *skoczyć* można ‘gdzieś’ lub ‘w jakiś sposób’, a nie ‘coś’, czyli *skok* albo całą *serię*, jak w poniższych fragmentach komentarzy z 17 lutego 2014 r., przy czym zwroty te są charakterystyczne przede wszystkim dla wypowiedzi zawodników oraz trenerów narciarskich:

«Mamy nadzieję, że nasi zawodnicy będą *skakać to*, co potrafią najlepiej».

«Každy mógł *skoczyć* lepiej *serię*».

«*Skaczemy* udane *skoki*».

Na marginesie prowadzonych rozważań dotyczących rekcji sytuuje się spostrzeżenie natury składniowej, dotyczące rozpowszechniającej się w języku sportu tendencji do używania strony biernej. Przytoczone poniżej przykłady pochodzą przede wszystkim z komentarzy na temat skoków narciarskich, chociaż odnotowałam także sporadyczne poświadczenia odnośnie do innych dyscyplin sportowych. Oto seria konstrukcji z zastosowaniem form strony biernej tworzonych od czasowników nieprzechodnich:

«Skok wylądowany».

«Ładnie wylądowany skok».

«Gdzieś tuż przed 137 metrem wylądowany skok».

«Długi bezpieczny skok wylądowany gdzieś w okolicy 135 metra».

«Nie był to zły skok Czecha, wylądowany około 135 metra».

«Etapy będą przejechane».

W ostatnim przykładzie występuje co prawda poprawna forma imiesłowu przymiotnikowego biernego *przejechane*, zastosowana jednak niezgodnie ze znaczeniem. W polszczyźnie funkcjonuje bowiem zwrot *ktoś przejechał, coś przejechało kogoś*, ale w potocznym znaczeniu ‘najeżdżając na kogoś, coś, zranić lub zabić’ [7: 891]. Nie ten aspekt semantyczny został tu zaktualizowany.

Dokonując analizy składniowej, nie sposób uniknąć także obserwacji o charakterze semantycznym. W zebranym materiale egzemplifikacyjnym dotyczą one na przykład leksykalnego znaczenia stosunkowo często pojawiających się w analizowanej podstawie materiałowej różnych form morfologicznych czasownika *udać się*, a więc zgodnie z rozumieniem tego leksemu ‘odbyć się pomyślnie, dobrze pójść, powieść się, stać się takim, jak należy, jak ktoś oczekiwał’ [7: 1223]. Ilustracją mogą być następujące fragmenty:

«Korygował, ale nieudany skok».

«Nie wiem, czy udało się osiągnąć punkt kulminacyjny».

Czasownik *udać się* nie cieszy się popularnością wśród sportowców, o czym może świadczyć wypowiedź srebrnej medalistki, łyżwiarki Katarzyny Czerwonki: «Dziennikarze mówią, że nam się udało. Nie udało, to efekt ciężkiej pracy». Przywołany cytat jest przykładem nieodnotowanego w polskich leksykonach aspektu znaczeniowego, a zatem neosemantyzacji, zgodnie z którą czasownik *udać się* zostaje uzupełniony o znaczenie ‘bez wysiłku, bez należytego nakładu pracy’. Stąd zapewne swoista niechęć sportowców – odbywających wielogodzinne i forsowne treningi – do tego wyrazu. W kontekście udawania się (lub nie) skoków narciarskich stosunkowo często pojawia się rzeczownik *próba*:

«Ale tym razem zdecydowanie nieudana próba. Słabiutki skok».

«Zaraz zobaczymy, jaki wiatr był w tej próbie»

«Znakomita próba reprezentanta Polski. Znakomite noty».

Widzowi wyczulonemu na kwestie językowe nasuwają się w takich sytuacjach komunikacyjnych asocjacje kwestionujące sportowy profesjonalizm. Leksem ten ewokuje bowiem przede wszystkim konstrukcje składniowe *próba generalna, próba zawodników przed np. olimpiadą, zrobić coś na próbę*. Konotacje leksykalne dotyczą więc pierwszego ze znaczeń odnotowanych w słowniku ogólnej polszczyzny *próba*, czyli ‘badanie mające na celu sprawdzenie jakości, sprawności działania kogoś lub czegoś’ [15: 947]. Być może tego rodzaju skojarzenia

mogą być rekompensatą dla kibiców zawiedzionych osiągnięciami sportowców?

Na podstawie przeprowadzonych obserwacji można mówić o swoistej kreatywności komunikacyjnej osób komentujących, którymi często są zapraszani do studia byli lub aktualni zawodnicy. Nie pozostaje to bez wpływu zarówno na bezpośredniość zaangażowania, jak również intensywność przeżywania tego, co dzieje się na skoczni narciarskiej, na etapach trasy kolarskiej lub boisku. Na zakończenie należy zwrócić uwagę także na ekspansywność konstrukcji syntaktycznych o proveniencji sportowej. Ze względu na powszechne zainteresowanie sportem (publicznie przyznają się do niego także wybitni polscy językoznawcy, jak np. Jan Miodek) takie jednostki leksykalne przechodzą do potocznej odmiany polszczyzny. W tym miejscu przypominają się słowa Zygmunta Kałużyńskiego z recenzji serii filmów o tematyce bokserskiej *Rocky*: «Mit robienia kariery sportowej jest ludowy na całym świecie i w Ameryce również. I właśnie proletariatus amerykański nagle zrobił swojego faworyta z Rocky'ego» [4: 262]. Moda na sport wpływa na zachowania językowe Polaków i jak każda moda, czyli 'popularność czegoś nowego w jakiejś dziedzinie, zwykle krótkotrwała' [1: 466], jest ściśle zależna od zwycięstw naszych sportowców. Polskim sportem narodowym staje się ten, którego reprezentanci aktualnie odnoszą sukcesy, przy czym nie bez znaczenia jest również komercyjny wymiar sportu mierzony oglądalnością, a także kompensacyjny, wyrównujący indywidualne niedoskonałości kibica. Należy również podkreślić, że współcześnie duma z sukcesów sportowców bywa uważana za wyraz patriotyzmu.

Literatura

1. Bańko M. Wielki słownik wyrazów obcych PWN. 2014.
2. Boryś. W. Słownik etymologiczny języka polskiego. 2010.
3. Filip G. Reguły gramatyczne a uzus społeczny, czyli «co zeście osiągnęli w przeciągu półtorej roku dwutysięcznego jedenastego i dwutysięcznego dwunastego?» // Kultura mówienia dawniej i dziś. 2014. – S. 40–50.
4. Kałużyński Z., T. Raczek. Perły kina. Leksykon filmowy na XXI wiek. Komedie, przygody i animacje. 2005.
5. Karolak S. Rząd (składnia rządu, rekcja) // Encyklopedia językoznawstwa ogólnego. 1999. – S. 503–505.
6. Laskowski R. Uwagi o znaczeniu czasowników // Gramatyka współczesnego języka polskiego. Morfologia. 1998. – cz. 1. – S. 152–157.
7. Markowski A. Wielki słownik poprawnej polszczyzny PWN. 2014.
8. Ożdżyński J. Polskie współczesne słownictwo sportowe // TMJP. 1970.
9. Ożdżyński J. Cechy kategoriale stylu prasowych wiadomości sportowych // Język Polski. 1977. – Nr LI. – S. 336–347.

10. Ożdżyński J. Organizacja kategoryjna praktycznego tekstu fachowego // Język Polski. 1978. – Nr LVIII. – S. 34–42.
11. Ożdżyński J. Mówione warianty wypowiedzi w środowisku sportowym. 1979.
12. Podracki J. Czy to naprawdę po polsku? 1993.
13. Polański E., red., Wielki słownik języka polskiego. 2012.
14. Szymczak M., red., Słownik języka polskiego. 1988. – t. 1.
15. Szymczak M., red., Słownik języka polskiego. 1988. – t. 2.

ЖАНР РЕЦЕНЗИИ В ГРАЖДАНСКОЙ ЖУРНАЛИСТИКЕ (на примере интернет-портала «Кинопоиск»)

Ю. А. Фролова (Пенза, Россия)

Сегодня гражданская журналистика уже не просто один из прогнозов американского исследователя Олвина Тоффлера, выдвинутым им в конце прошлого века. Гражданская журналистика, как нам трактует данное понятие Википедия (к слову, Википедия – «детище» этой же гражданской журналистики) – это разновидность журналистики, получившая широкое распространение с развитием Интернета и новых цифровых технологий. Одной из особенностей такого журнализма является то, что данный вид деятельности не является профессиональным. Многие исследователи под гражданской журналистикой подразумевают творчество любителей, развернувшееся в интернете. Однако следует помнить, что не все, что пишется в блогах и других интернет-платформах можно отнести к такому виду журналистики.

Страна, в которой зародилась гражданская журналистика – Америка, где данное понятие делится на 2 значения:

1) *civic journalism* – направление, появившееся еще в доинтернетовскую эпоху и подразумевает деятельность профессиональных журналистов, направленную на развитие гражданской активности читателей и вовлечение их в публичную жизнь;

2) *citizen journalism* – деятельность непрофессиональных авторов, осуществляемая в интернете – в блогах, социальных сетях, посредством микроблогинга, а также на сервисах традиционных СМИ.

Гражданский журналист Антон Лазарев пишет, что блоггер от гражданского журналиста отличается тем же, что и «девочка, ведущая личный дневник от профессионального журналиста. Освещение значимых для общества событий, а не заметки о том, как ты провел(а) лето или как выбирал(а) имя для кота». Однако он тут же подмечает, что часть блогосферы все-таки представляет интересы одного из подвидов ГЖ – направления citizen.

Если взять критерии российской типологии, то оба направления гражданской журналистики будут существенно различаться начиная с целей и заканчивая языком материалов.

Русскоязычный интернет-проект «Кинопоиск», посвященный кинематографу, действует в обоих направлениях гражданской журналистики. Сайт не только предоставляет информацию о фильмах, актерах, режиссерах, мероприятиях и т.д., здесь также имеется информационное наполнение в жанрах традиционной журналистики (заметки, анонсы, интервью, репортажи), предоставленные самими журналистами. Одной из особенностей портала является также возможность зарегистрированным пользователям добавлять свои рецензии на кинокартины, которые перед публикацией проверяются модераторами сайта. Эта возможность делает обычных пользователей представителями деления citizen journalism.

Рецензия – жанр, в основе которого всегда в первую очередь лежит отзыв на предмет разбора. В нашем случае предметами исследования являются две рецензии на фильм-мюзикл «Отверженные» 2012 г., экранизацию одноименного романа Виктора Гюго. Одна рецензия написана пользователем интернет-портала «Кинопоиск», вторая – «Униженные и оскорбленные» журналисткой Ниной Цыркун, обозревателем журнала «Искусство кино». В ходе сопоставительного анализа данных материалов нам важно проследить особенности проявления жанра рецензии в гражданских и традиционных средствах массовой информации.

Аудиторией обоих источников являются любители кино. Однако аудитория «Искусства кино» – это в первую очередь люди, интересующиеся актуальными проблемами теории и истории русского и мирового кинематографа. В свою очередь «Кинопоиск», где ежедневная посещаемость превышает 1,3 млн человек, привлекает любого пользователя, ищущего информацию по конкретному фильму, актеру и т.д.

Отличие рецензии от других газетных жанров заключается, прежде всего, в том, что предметом рецензии выступают не непосредственные факты действительности, а информационные явления – кни-

ги, спектакли, кинофильмы и др. Информационный повод обеих рецензий – выход в мировой прокат фильма «Отверженные», что мы сразу можем наблюдать в материале Нины Цыркун: *«7 февраля в прокат выходит мюзикл «Отверженные» по одноименному роману Виктора Гюго»* (Нина Цыркун. Униженные и оскорбленные // Искусство кино. – 2013). Здесь мы можем видеть привычный штамп, характерный для традиционных СМИ, который указывает на актуальность данного события. И если в «Искусстве кино» акцент делается на *выход* фильма на киноконвейер, то в рецензии с «Кинопоиска» на *просмотр* фильма автором: *«И, конечно, я с нетерпением ждала мюзикла «Отверженные». С нетерпением и страхом»*.

Основу рецензии составляет анализ, выявляющий как положительные стороны произведения, так и возможная критика. В рецензии «Кинопоиска» мы видим повышенную эмоциональность автора, которая проявляется в использовании имен прилагательных *эмоциональный, зрелищный, потрясающий, великолепный, непростительный*. Прилагательные *красивая, кроткая, отважный, грязнее* указывают на качества и признаки, а глаголы *произвели, понравилась, справился* не выражают активного действия. Эти признаки свидетельствуют о наличии типа описания с качественной ремой, где логические ударения выделяют качества и признаки предметов, а так же указывают на отношение автора к предмету исследования и его оценку. Более отстранены эмоции у рецензии «Искусства кино». Тип изложения – повествование, на это указывают наличие глаголов настоящего времени: *придает, играют, передает, отстаивает* и др. Практически вся пользовательская рецензия состоит из простых предложений: *«Но он неплохо справился», «И эту яркость Гаврошу придали и в фильме», «Было передано главное – это чувства, эмоции, страдания и любовь»*.

Отметим, что преобладание сложных предложений над простыми характерно как раз для рецензии, написанной журналисткой: *«Том Хупер экранизировал как раз мюзикл (музыка Клод-Мишеля Шёнберга, стихи Герберта Крецмера), а не роман, так что сравнения с первым первоисточником неправомерны, забудьте», «Это режиссерское решение придает фильму ту интимность, которая помогает актерам передать внутреннее состояние персонажей, а зрителей – заставляет поверить в сентиментальную историю»*. За счет наличия таких предложений автор объективнее выстраивает свою аргументацию, текст становится не простой эмоциональной передачей, а превращается в полноценный анализ увиденного.

Еще одной важной особенностью жанра рецензии является умение не пересказать в рецензии сюжет, что не совсем достигается на «Кинопоиске»: *«Хью Джекман великолепно справился с ролью Жана Вальжана – человека с непростой судьбой, но с огромным сердцем. Я бы даже сказала это «сверхчеловек», потому что удивительно вынести все жизненные тяготы и остаться при этом бесконечно благодарным и счастливым», «Фантина отлично получилась у Энн Хэтэуэй. И как надрывно прозвучала песня «I Dreamed A Dream» ! В ней всё – скорбь по утрате бывшего счастья, любовь к дочери, стыд за свою нынешнюю жизнь, разочарование в своих мечтах и надеждах».*

О том же персонаже, Фантине, «Искусство кино» пишет так: *«В результате, вопреки сюжету, драматической кульминацией фильма стала песня Фантины «У меня была мечта» в исполнении Энн Хэтэуэй, уже удостоившейся за эту роль «Золотого глобуса» и номинированной на «Оскар» (не считая множества других наград, уже полученных и тех, что ей предстоит получить). В кадре только ее голова, взятая почти в том же ракурсе, что у «Кающейся Марии Магдалины» (во всех канонических изображениях; Фантина как-никак падшая женщина) и Марии (Рене) Фальконетти в финале фильма Дрейера «Страсти Жанны д'Арк»» (Нина Цыркун. Униженные и оскорбленные // Искусство кино. – 2013). Мы также практически не наблюдаем здесь никакой оценки автора, только передачу определенного факта, подкрепленного полученными знаниями из других областей.*

Важно отметить, что оба автора подходят к написанию рецензии с разным уровнем компетенции. Автор «Кинопоиска» уже с первого абзаца постоянно делает акцент на экранизацию книги: *«Никто лучше бы не сыграл Козетту, чем эта актриса. Она такая же, как и в книге, – красивая, кроткая, добрая, милая, настоящий ангел!»*. В то время как Нина Цыркун сразу обращает внимание: *«Том Хупер экранизировал как раз мюзикл (музыка Клод-Мишеля Шёнберга, стихи Герберта Креймера), а не роман, так что сравнения с первым первоисточником неправомерны, забудьте».*

Таким образом, можно сделать вывод, что направление гражданской журналистики citizen journalism, которое активно проявляется у рецензентов интернет-портала «Кинопоиск» в большинстве носит любительский характер, за счет частого проявления излишних эмоций, огромного преобладания авторского «Я» в тексте и недостаточного уровня компетенции.

«ИГРОВОЙ» ЗАГОЛОВОК НА СТРАНИЦАХ ГАЗЕТ

И. Ф. Шувалов (Пенза, Россия)

Это заголовки, построенные на игре слов. Языковая игра предполагает такую организацию речи, при которой наблюдается значительное нарушение языковых правил и традиций для реализации определенного замысла автора. Некоторые лингвисты считают, что «любой устойчивый элемент языка может стать объектом языковой игры» [1: 113]. Наиболее ярко языковая игра проявляется в каламбуре, когда происходит намеренное соединение в одном контексте двух значений одного и того же слова или когда с целью создания комического эффекта используется сходство в звучании разных слов [2: 174].

В «игровых» заголовках происходит намеренное нарушение лексических правил как стилистический прием, повышающий их выразительность. Игра слов в заголовке усиливает эмоциональное воздействие на читателя, заставляет его настроиться на особое восприятие информации, обратить внимание на звуковую форму слова, его семантику, этимологию и некоторые другие моменты. Такие заголовки обогащают языковой материал, стимулируют речемыслительную деятельность читателя, способствуют развитию его логического мышления [3: 151].

Рассмотрим это на примере «игровых» заголовков, взятых нами из центральных газет «Аргументы и Факты» (далее – «АИФ»), «Комсомольская правда»-«толстушка» (далее – «КП») и некоторых региональных изданий – «Пензенская правда» (далее – «ПП»), «Улица Московская» («УМ») и др.

Основной формой словесной игры выступает каламбур. Способы образования каламбурных заголовков разные. Рассмотрим только два из них.

1. Повторение одного и того же слова (или его части – корня) с прямым значением, или с прямым и косвенным, свободным и фразеологически связанным. Например: *Дума-2002: кто не **сдрейфил**, тот **дрейфует*** («АИФ», 4-2002: первая цифра обозначает номер издания, вторая – год); ***ПРО**тив кого **ПРО*** («АИФ», 27-2011); ***Щит** для **заЩИТ**ника* («АИФ», 18-2011); *На **выборы** возвращается **выбор***

(«АИФ», 44-2006); *Как продинамить «Динамо»* («АИФ», 44-2006); *По пути Путина* («АИФ», 40-2010); *Черный день черной икры* («АИФ», 21-2006); *Сильный ход сильной компании* («АИФ», 29-2007).

2. Замена одного слова другим, созвучным тому, которое должно быть в широко употребляемом и потому известном сочетании. Подобные слова могут отличаться одним или несколькими звуками. Например: 1. *Гаремыки* султана Брунеи («КП», 210-1997). Материал о девушках из гарема. «Гаремыки» созвучно русскому слову «горемыки». 2. *Под Грефом секретно* («УМ», 4-2015). Материал о пребывании Г. Грефа, бывшего главы Сбербанка, в Пензе. «Под Грефом» созвучно «под грифом». 3. *Как таран на новые ворота* («КП», 25-2014). Слово «таран» созвучно слову «баран». 4. *Мэр вашему дому* («АИФ», 51-2014). Материал о том, есть ли в стране хорошие начальники. «Мэр» созвучно слову «мир» в широко известном выражении «Мир вашему дому».

Кроме каламбура, языковая игра в заголовках может проявляться как двусмысленность, при которой одно из слов заглавия приобретает двойное значение и может иметь нескромный и даже неприличный налет. Например: *С кем спелся Билан* («АИФ», 54-2014). Здесь глагол «спеться» можно понимать в двух значениях: 1. Достичь согласованности в совместном пении. 2. Достичь полного согласия в чем-нибудь. Второе значение является разговорным, неодобрительным [4: 754].

Другие примеры: *На Ксюшу Собчак наехали* («АИФ», 43-2004); *К приезду президента Кидекша офонарела* («АИФ», 3-2004); *С концерта Пугачеву увели под руки* («КП», 12 ноября 2004); *Собачья работа* («АИФ», 11-2003); *Мобильный вор* («АИФ», 18-2004); *Классная прибавка* («АИФ», 51-2005); *Подкоп под Белый Дом* («АИФ», 18-2006).

Языковая игра в заголовках может создаваться за счет повтора слов, в которых корни имеют одинаковое значение, а повтор таких слов выступает как стилистический прием; типа *двухпартийная многопартийность* («АИФ», 6-2007). Выразительные возможности таких заголовков усиливает тот факт, что подобные парные образования очень часто выступают с противоположным значением, создавая иногда антонимы (общезыковые или контекстуальные).

Например: *Память и беспамятство* («АИФ», 20-2007); *Прибыло или убыло* («АИФ», 23-2003); *Не преемник, а преемственность* («АИФ», 6-2007); *Свободная несвободная любовь* («УМ», 41-2006); *Отчего открыли «закрытые» казино* («АИФ», 44-2006); *Недоступ-*

ная доступность («АИФ», 8-2015); *Давайте не давать* («АИФ», 51-2008); *Справедливая несправедливость* («АИФ», 51-2005).

Особую группу составляют «игровые» заголовки, построенные по принципу паронимии. Это «стилистический прием, предполагающий нарочитое сближение слов, в чем-либо сходных в своем звуковом составе [2: 327]. Сближаться могут родственные слова, звуковое сходство которых обусловлено их словообразовательными связями: *Взять хrap нахраном* («АИФ», 5-2009); *Сыпи пора всыпать* («АИФ», 10-2006); или неродственные, звуковое подобие которых случайно.

Например: *Порази паразита!* («АИФ», 22-2006); *Не вина невинных* («АИФ», 30-2006); *Косово косит от Сербии* («АИФ», 8-2008); *Как «Ока» окочурилась* («АИФ», 46-2005).

Большие возможности для создания словесной игры в заголовках представляют фразеологизмы, особенно когда они «преобразуются». В них могут добавляться, заменяться или опускаться слова или составные части, меняться смысл, структура, грамматические формы, происходит контаминация и т.д. [5: 129-137].

Все это может стать средством усиления экспрессивной окраски речи, увеличением ее выразительной силы, использоваться для выражения оригинальных мыслей в необычной, остроумной формулировке [подробнее см. 6: 234-236].

Например: *Сума от тюрьмы не спасет* («АИФ», 51-2007); *Свекор мой – враг мой* («КП», 21-28 сентября 2006); *От любви до ненависти ...* («ПП», 46-47-2009); *Волк в собачьей шкуре* («КП», 11-18 февраля 2004); *Ни хлеба, ни зрелищ* («АИФ», 47-2008); *Вкусно жить не запретишь* («АИФ», 32-2006).

Словесную игру можно увидеть и в заголовках, в которых посредством мены шрифта (выделением отдельных букв) «рождается» новое слово, связанное с основной темой текста. Оно акцентирует на ней внимание читателя, вызывая более яркие ассоциации [7: 164]. Например: *КаНАДские загОтовки* («АИФ», 1-2010) – материал о том, как *надо бы* выступить на Олимпиаде в Ванкувере. *В России все хОк-Кей* («АИФ», 22-2008) – материал о победе сборной по хоккею. *Ни фЕГЭ себе* («АИФ», 4-2008) – материал о результатах экзамена в 9 классах. *НеуДАЧНАЯ амнистия* («АИФ», 33-2006); *Без ВВП не ДУ-Мается* («АИФ», 20-2008); *Как я наМУПился* («КП», 15 июня 2010).

Таковы некоторые способы появления «игровых» заголовков на газетной полосе. Использование их требует от журналиста больших знаний, культурной и языковой компетенции. Не все газеты в должной мере пользуются этой возможностью эффективного воздействия

на читателя. И если, например, в «Аргументах и фактах» или в «Комсомольской правде» они часто встречаются, особенно в «АИФ», то в пензенских газетах «игровые» заголовки – редкое явление. Поэтому пензенским журналистам целесообразно обратить на это пристальное внимание как на средство создания яркого, сразу бросающегося в глаза языкового оформления текста.

Список литературы

1. Захарова, М. В. Языковая игра в современном русском языке как отражение эволюции языкового сознания носителей русского языка / М. В. Захарова // Экология русского языка : материалы I Всерос. науч. конф. – Пенза, 2008. – С. 113–118.
2. Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. – М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа, 1997. – 703 с.
3. Хаистова, И. А. Языковые особенности заголовка (на материале пензенских печатных СМИ) / И. А. Хаистова // Язык и культура современного города. – Пенза, 2012.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1997. – 944 с.
5. Голуб, И. Б. Стилистика современного русского языка (Лексика. Фоника) : учеб. пособие для студентов фак-тов журналистики и полиграфических институтов / И. Б. Голуб. – М. : Высшая школа, 1976. – 208 с.
6. Шувалов, И. Ф. Заголовки с использованием цитат и фразеологизмов на газетной полосе / И. Ф. Шувалов // Экология русского языка : материалы V Междунар. науч. конф. – Пенза, 2012. – С. 233–236.
7. Шувалов, И. Ф. Некоторые особенности оформления заголовка на газетной полосе / И. Ф. Шувалов // Экология русского языка : материалы I Междунар. науч. конф. – Пенза, 2010. – С. 164–167.

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

ЯЗЫКОВОЕ ВЫРАЖЕНИЕ МОТИВА «МОЛИТВА» (на материале стихотворения М. Ю. Лермонтова «Молитва» «Я, мать Божья, ныне с молитвою...»)

И. А. Алешина (Пенза, Россия)

М. Ю. Лермонтов – лирик психологического склада, для которого важен внутренний мир человека, поэтому особую роль в творчестве поэта играют исповедальные молитвенные мотивы. Стихотворение «Молитва» («Я, мать Божья, ныне с молитвою...») (1837), как настоящая молитва, при чтении вызывает волнение и чувство просветленности.

1. Я, мать божия, ныне с молитвою
2. Пред твоим образом, ярким сиянием,
3. Не о спасении, не перед битвою,
4. Не с благодарностью иль покаянием,
5. Не за свою молю душу пустынную,
6. За душу странника в свете безродного;
7. Но я вручить хочу деву невинную
8. Теплой заступнице мира холодного.
9. Окружи счастьем душу достойную;
10. Дай ей спутников, полных внимания,
11. Молодость светлую, старость покойную,
12. Сердцу незлобному мир упования.
13. Срок ли приблизится часу прощальному
14. В утро ли шумное, в ночь ли безгласную –
15. Ты воспрять пошли к ложу печальному
16. Лучшего ангела душу прекрасную.

Это произведение обращено к Варваре Александровне Лопухиной – одной из самых глубоких привязанностей поэта. М. Ю. Лермонтов данное стихотворение ввел в текст письма М. А. Лопухиной от 15 февраля 1838 г. под название «Молитва странника»: «В завершении моего письма я посылаю вам стихотворение, которое я нашел случайно в ворохе своих путевых бумаг и которое мне в какой-то степени понравилось, потому что я его забыл – но это вовсе ничего не доказывает» [2].

Тема этого стихотворения – любовь, которая наполняет глубоким, по настоящему христианским смыслом: желание блага, гармонии, счастья и покоя. Стихотворение «строится как монолог лирического героя – мольба о счастье любимой женщины, о её душе... В ходе монолога вырисовываются три образа: Божьей Матери, лирического героя и той, о которой он молится... Мольба за неё освещается с новой стороны образ самого героя: трагедия духовного одиночества не разрушила его глубокого участия и заинтересованности в судьбе другого человека» [2].

Раскрыть христианского понимания любви помогает **жанр** – **молитва**. В «Словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой» такие значения слова молитва: 1) религии: установленный канонический текст, произносимый при обращении у Богу, к святым; 2) моление, обращённое к Богу, к святым [3: 683].

Ключевые слова поэтического текста («с молитвою», «душа», «молю», «вручить хочу», «окружи», «воспринять пошли») помогают выразить душевный порыв лирического героя, его просьбу о счастье для любимой женщины.

Композиция стихотворения отражает особенности построения церковной молитвы, в которой можно выделить части: обращение к всевышним силам; указание, за кого молишься; суть просьбы. Первая часть стихотворения – две первые строфы, соединенные анафорой, из которых узнаём, к кому обращается (1–6) строки и за кого просит (7–8 строки) лирический герой – за «деву невинную». Идущие подряд отрицания показывают, за что мог бы молиться он, если бы не чистое чувство любви. Уже в первой части раскрывается замысел произведения – пожелание счастья любимой на земле, покоя – в загробном мире, а не жажда ответного чувства для себя. Во второй части (3, 4 строфы) автор поясняет суть «заступничества» Богородицы «души прекрасной» в «мире холодном» (отсюда – закономерное употребление глаголов повелительного наклонения: дай, окружи, воспринять пошли).

Приёмы и средства создания образности помогают раскрыть идею стихотворения. Подчёркивая заботу лирического героя о внутреннем содержании человека как настоящей красоте, автор использует **лексический повтор** – четыре раза упоминается слово «душа». С одной стороны, для характеристики любимой: «душа достойная», «душа прекрасная»; с другой стороны, для характеристик лирического героя: «душа пустынная», «душа странника».

Первая часть организованна с помощью **антитезы** образов: противопоставляется «душа пустынная» и «душа прекрасная». «Душа пустынная» ближе к несчастной, больной, «душа прекрасная» – к здоровой, то есть не заражённой ничем плохим, грязным. И, казалось бы, надо просить спасения своей души, а он молит за душу невинную. Так, используя повтор и антитезу, автор раскрывает христианский смысл любви.

Эпитеты, используемые автором, также связаны с антитезой: их смысл зависит от того, какое понятие они определяют. Эпитеты, во-первых, помогают увидеть нравственную чистоту лирической героини: прекрасная душа, незлобное сердце, невинная дева. Определение этих качеств завершается словами «достойная душа», которая имеет полное право на самое радостное как в жизни, так и после неё.

Во-вторых, эпитеты раскрывают, чего именно заслуживает «душа достойная»: настоящих (друзей) – так лирический герой просит избавить любимую от одиночества, боль которого сам испытывает; светлую молодость – не омраченную какими-либо бедами, поступками, которые будут мучить в дальнейшем; и как итог – старость покойную. В качестве доказательства силы любви, логического финала чистой жизни Лермонтов выбирает эпитет лучший ангел.

Эпитеты помогают лучше понять душу лирического героя: пустынная душа, то есть одинокая душа странника; в свете безродного – «бесприютный человек в мире, где нет у него родственной души».

Несмотря на горькую судьбу, лирический герой сумел сохранить огромное чувство любви, и это поднимает его над светом безродным, дает право уповать на «лучшего ангела» в свой последний час.

В кульминационной строке: «**Теплой** заступнице мира **холодного**» – антонимичные эпитеты, отражающие противопоставленные друг другу качества, создают поразительную антитезу. Не всем удастся сохранить внутреннюю чистоту в мире, где леденеют сердце от зла, одиночества, обмана, неверия ни себе, ни другим.

Лермонтов придаёт большое значение звуковой организации поэтической речи. В стихотворении представлена **аллитерация** шипящих и свистящих звуков, которая заставляет читать стихотворение почти шепотом, как произносят церковную молитву.

Окружи счастием душу достойную;
Дай ей сопутников, полных внимания,
Молодость светлую, старость покойную,
Сердцу незлобному мир упования.

Срок ли приблизится часу прощальному
В утро ли шумное, в ночь ли безгласную –
Ты восприять пошли к ложу печальному
Лучшего ангела душу прекрасную.

Перефраз, характерная для поэтики Лермонтова средство создания художественной образности, помогает раскрыть глубину чувств: «ложе печальное» – гроб, «час прощальный» – смерть. С помощью перефразы автор достигает того, что у читателей не возникает образ отчаявшегося героя из-за смерти любимой, ощущения остроты страдания. «Прощальный час» не страшит героя, так как он уверен, что душа умершей попадает в вечной теплый мир Матери Божьей. Как истинный христианин, он не ставит свою любовь выше любви Богородицы как всем людям.

Нейтральная лексика в сочетании с книжной создаёт стилевое единство произведения. Книжный стиль стихотворения тесно связан с идейно-тематическим содержанием произведения и с его жанром. В связи с этим автор использует: церковную лексику (молитва, Матерь Божья, образ (икона), покаяние, ангел, заступница, молю), старославянизмы (безгласную, благодарность, воспринять, пред, упование), устаревшие слова (дева, покойный, ныне, ложе), абстрактную лексику (спасение, молодость, счастье, старость, сияние) и др.

Книжный характер речи вместе с лексикой придает и **синтаксис**. В стихотворении 3 предложения, которые осложнены обращением, однородными дополнениями, обстоятельствами, обособленными определениями, приложением. В первом предложении подлежащее находится на дистанции от сказуемого, отделено четырьмя строками текста с обращением и однородными членами.

Для логического и эмоционального выделения наиболее важного Лермонтов использует инверсию: душу пустынную, дева невинная, молодость светлая, старость покойная, душа достойная, утро шумное, ночь безгласная, ложе печальное, душа прекрасная.

Четырехстопный дактиль с сверхсхемными ударениями в сочетании с пропусками ударений придает стихотворению своеобразный мелодический рисунок и живость разговорной интонации.

Для выражения христианского смысла любви М. Ю. Лермонтов использует энергетику единиц всех ярусов языка. Это позволило В. Г. Белинскому назвать произведение Лермонтова «чудной молитвой».

Список литературы

1. Лермонтов, М. Ю. Собрание сочинений : в 4 т. / М. Ю. Лермонтов. – М. : Художественная литература, 1983.
2. Лермонтовская энциклопедия / гл. ред. В. А. Мануйлов. – М. : Советская энциклопедия, 1999.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 1999.

ДИАЛОГ КАК СПОСОБ ХАРАКТЕРИСТИКИ ТРАГИЧЕСКОГО МИРООЩУЩЕНИЯ ИНЖЕНЕРА БОБРОВА (по повести А. И. Куприна «Молох»)

М. А. Дубова (Коломна, Россия)

Повесть А. И. Куприна «Молох» посвящена изображению капиталистического миропорядка. Написанная в порубежную эпоху (рубеж XIX–XX вв.), она осмысливает судьбу отдельного человека в условиях капиталистического мироустройства.

Яркими, точными мазками здесь предначертана драматическая судьба человека рубежа XIX–XX вв. «Железный», «жестокий» век противостоит «безвольному» человеку. Именно таким предстаёт главный герой повести – инженер Андрей Ильич Бобров.

Композиционно произведение состоит из 11 глав. С позиций тематического содержания и их роли в общем развитии сюжета все они чётко, логично и последовательно служат раскрытию авторского замысла – показать трагическую судьбу инженера Андрея Ильича Боброва.

Первая глава вводит нас в повествование. Жизнь и быт заводского посёлка, однообразные и монотонные, как мутный, тусклый пейзаж «дождливого августовского дня» [1:19], придававший «суровый от-

тенок тоски и угрозы» [1:19], необычайно точно соответствуют внутреннему состоянию Андрея Ильича, мрачному, безрадостному настроению главного героя повести. Здесь же автор раскрывает причину столь плохого физического состояния героя: «Причиной этому, без сомнения, было нравственное и физическое переутомление, а также давняя привычка к подкожным впрыскиваниям морфия, – привычка, с которой Бобров на днях начал упорную борьбу» [1:19]. Однако, как становится известно из этой же главы, физическая немощь Боброва имеет более глубокие причины, а именно – душевный разлад: «Но всего большее действовал на него тот внутренний душевный разлад, который он примечал в себе с недавнего времени... С каждым днём в нём всё больше и больше нарастало отвращение, почти ужас к службе на заводе» [1:20].

Заданные в этой главе лейтмотивные направления характеристики образа героя будут семантически углубляться по мере развития сюжета произведения. Кроме того, намеченное здесь противостояние *«тайных страданий» [1:20]* Боброва *«товарищам инженерам»*, глядевшим *«на жизнь с самой несложной, весёлой и практической точки зрения» [1:20]* также получит в повести дальнейшее развитие в плане осмысления темы непонятости и одиночества героя.

Основная мысль – *«Его нежная, почти женственная натура жестоко страдала от грубых прикосновений действительности» [1:20]* – получит статус доминантной в дальнейших главах произведения.

Определяющими характеристиками Боброва становятся следующие: *«совсем разбитый, обессиленный и раздражённый» [1:19], «нравственное и физическое переутомление» [1:19], «внутренний душевный разлад» [1:20], «отвращение, почти ужас к службе на заводе» [1:20].*

Каждая из последующих глав вносит что-то новое в раскрытие художественного образа Боброва, но наиболее значимыми, на наш взгляд, являются 1, 4, 5, 6, 10 и 11 главы, ключевое место в композиции которых принадлежит диалогам, играющим, на наш взгляд, важнейшую роль в раскрытии образа центрального героя повести. Диалог в силу своего композиционного строения позволяет понять позицию героя по тому или иному вопросу не только из его слов, но и из ответных реплик собеседника, а также авторских комментариев поведения героя во время диалога.

Наиболее значимыми в тексте являются диалоги Андрея Ильича с доктором Гольдбергом и Ниной, девушкой, в которую Бобров влюблён.

Попытаемся проанализировать их с позиций характеристики мироощущения инженера Боброва.

Итак, остановимся на анализе одной из центральных сюжетных линий повести: Бобров – Нина Зиненко: *«Любил ли он [Бобров] Нину? На это он сам не мог бы ответить»*. Нерешительность, скромность, абсолютное неумение побороться за своё счастье – ключевые черты личности героя – отчётливо проступают в его общении с Ниной: *«Зачем же, – растроганно думал он, – утомляю я себя бесплодными мечтами о каком-то неведомом, возвышенном счастье, когда здесь, около меня, простое, но глубокое счастье?.. Мы, бедные, нервные, больные люди, не умеем брать просто от жизни её радостей, мы их нарочно отравляем ядом нашей неутомимой потребности копаться в каждом чувстве...»* [1:37]. Искренний и честный, Бобров даже не допускает мысли о том, что Нина может играть с ним, хотя в одном из диалогов с ней у него и проскальзывает мысль *«и эта сумеет себя выгодно продать»* [1:38], что в итоге и происходит.

Авторские характеристики поведения и мыслей Боброва, когда он думает о Нине или говорит с ней, подчёркивают его жажду тихого семейного счастья, покоя, которые, может быть, и примирили бы внутренний разлад в его душе: *«В его больной, издёрганной душе вдруг зажглось нестерпимое желание нежной, благоухающей, девической любви, жажда привычной и успокоительной женской ласки...»* [1:49–50].

Однако, как оказывается, Нина всего лишь играет с Бобровым, что неоднократно подчёркивается автором: *«Нина ждала ответа, наслаждаясь остротой затеянной ею игры»* [1:53]; *«Ей казалось, что она говорит искренно... всё это наэлектризовало её до того состояния, в котором истеричные натуры лгут так вдохновенно, так пленительно и так незаметно...»* [1:54]. Нине, возможно, и симпатичен Бобров, но, в отличие от героя, понимая, насколько они различны, она не питает никаких надежд и иллюзий на счёт будущего их отношений. А та надежда, которую, как показалось Боброву, она ему дала, лишь простое женское кокетство. Нина в этом вопросе оказывается умнее и мудрее Боброва: *«–Вы не хотели никогда меня понять, Андрей Ильич, – сказала она с упрёком. – Вы нервны и нетерпеливы. Вы преувеличиваете всё, что во мне есть хорошего, но зато не прощаете мне того, что я не могу же быть иной в той среде, где я живу... Я слишком слаба и, надо правду сказать, слишком ничтожна для борьбы и для самостоятельности... Я иду туда, куда идут все, гляжу на вещи и сужу о них, как все. – И вы не думайте, чтобы я не сознавала*

своей обыденности... Но я с другими не чувствую её тяжести а с вами...» [1:54].

В главе 10 наступает кульминация во взаимоотношениях героев, когда Нина признаётся в том, что они должны расстаться по решению её семьи. Бобров окончательно повергается в пучину трагедии: *«Прежняя, давно знакомая, тупая и равнодушная тоска овладела Бобровым. Все лица стали казаться ему пошлыми, жалкими, почти комичными. Размеренные звуки музыки непрерывными глухими ударами отзывались в его голове, причиняя раздражающую боль. Но он ещё не потерял надежды и старался утешить себя разными предположениями»* [1:81].

Что касается диапазона мыслей Боброва, он не отличается разнообразием. По сути, все его мысли о том, что *«тяжело»* и *«гадко жить»*. Эта мысль задаётся уже с первой главы повести, где мы впервые встречаемся с инженером Бобровым, она же и заканчивает повествование. Между первой и последней главами автор объясняет причины «тяжести» жизни для Боброва: во-первых, это капиталистический миропорядок, во-вторых, непонимание окружающими «нежной души» Боброва, в-третьих, несчастная любовь к Нине.

Важное место в 5, 10 и 11 главах занимают диалоги инженера Боброва с Гольдбергом – героем, близким ему по мировоззрению и убеждениям. Гольдбергу Бобров доверяет свои самые сокровенные мысли: о терзающей его внутренней борьбе, о неумении и нежелании вписаться в современную жизнь, наконец, о несчастной любви.

Ключевая реплика этих диалогов: *«... скверно на свете жить, вообще... всё скверно...»* [1:39]. Она лейтмотивом проходит через все диалоги героя, наполняясь конкретным содержанием: *«–Всё мне тяжело и гадко, Осип Осипович, – отозвался тихо Бобров. – Первое, мне гадко то, что я служу на заводе и получаю за это большие деньги, а мне это заводское дело противно и противно!»* [1:40–41]. Таким образом, краткие прилагательные в предикативной функции, принадлежащие к одному семантическому ряду со значением душевного состояния, располагаются по принципу градации, усиливая негативное отношение героя к жизни: *скверно – тяжело – гадко – противно*. Важное значение в раскрытии образа Боброва играет авторская характеристика его поведения во время диалога. *Сказал устало* [1:39] – *ходил взад и вперед* [1:40] – *щёлкал хлыстом по голенищам* [1:39] – *горечь не могла успокоиться* – *досадливо поморщился* [1:41] – *возразил мрачным тоном* [1:43] – эти характеристики сопровождают реплики Боброва в начале диалога. Здесь преобладают глаголы-сказуемые (простые глагольные сказуемые) со значением речемыслительной де-

тельности, что вполне соответствует жанру диалога, а также обстоятельства образа действия, дающие дополнительные характеристики действия героя в продолжение диалога. В их роли выступают определительные и обстоятельственные наречия, а также имена существительные.

Далее автор показывает, как стремительно нарастает в герое внутренне напряжение: *Боброва точно подбросило на кровати [1:43] – закричал он исступлённо [1:43] – продолжал с ещё большей горячностью [1:44] – совсем вскочил с постели и босой забежал по комнате [1:44] – воскликнул Бобров [1:45] – крикнул Андрей Ильич [1:46] – голос его звучал пронзительно и злобно – кричал Бобров [1:47].*

Так же, как нарастает нервное напряжение Борова, нарастает накал страстей, когда он затрагивает в диалогах с Гольдбергом больные для себя вопросы:

1) о Молохе: – *Вот он – Молох, требующий тёплой человеческой крови! – кричал Бобров, простирая в окно свою тонкую руку... Двадцать лет человеческой жизни в сутки!.. Клянусь вам, – бывают минуты, когда я чувствую себя убийцей!.. [1:47];*

2) о своей службе: *«Всё мне тяжело и гадко, Осип Осипович, – отозвался тихо Бобров. Я считаю себя честным человеком и поэтому прямо себя спрашиваю: «Что ты делаешь? Кому ты приносишь пользу?»» [1:40];*

3) о развитии современной цивилизации: *«...Хороша, нечего сказать, ваша цивилизация, если её плоды исчисляются цифрами, где в виде единиц стоит железная машина, а в виде нулей – целый ряд человеческих существований» [1:44];*

4) о предательстве Нины: *«Бобров покачнулся, точно его толкнули в грудь. Даже в темноте было заметно, как его лицо побледнело.*

– Проститься... – проговорил он, задыхаясь. – Нина Григорьевна!.. Слово прощальное – тяжёлое, горькое слово... Не говорите его...» [1:83].

Автор постоянно подчёркивает впечатлительность Боброва как одну из определяющих характеристик его личности. Вспышки ярости героя пугают Гольдберга, который, несмотря на всё своё расположение к Боброву, практически в конце каждого диалога называет его «сумасшедшим» и «маньяком»: *«Господи! Да ведь он – сумасшедший, – подумал доктор, у которого по спине забежали мурашки, и он принялся успокаивать Боброва...*

–... «Маниак, совершенный маниак», – думал он, охваченный одновременно жалостью и страхом [1:47].

Находясь в окружении преимущественно не понимающих героя и враждебно к нему настроенных людей, «*впечатлительная, нежная натура Боброва*» не выдерживает такого нервного напряжения, и мучительная душевная борьба Андрея Ильича в 11 главе повести достигает своего апогея. Эта глава является развязкой сюжета. Здесь Бобров предстаёт перед нами в состоянии крайнего нервного потрясения, которое выражается «*в необычайном подъёме энергии, в нетерпеливой и болезненной жажде движения*» [1:94], в том, что его «*мысль работала быстро, ярко и беспорядочно, как в горячке. Андрей Ильич, незаметно для самого себя, то разговаривал вслух, то стонал, то громко и отрывисто смеялся...*» [1:94].

Дальнейшее состояние героя А. И. Куприн описывает как бред, где явь перемежается с галлюцинациями: «*Временами Боброву **начинало казаться**, что он мчится по какому-то крутому косогору и вот-вот... полетит с отвесной кручи в глубокую пропасть. Он совершенно **потерял способность опознаваться**... Тогда Бобров... опять повернулся и побежал, как ему казалось, в прежнюю сторону*» [1:96].

Не случайно в этой главе в многочисленных описаниях самочувствия и поведения Боброва автор активно использует глагол «казаться» в его знаменательном и вводном значении. Он словно подчёркивает нереальность, кажимость, иллюзорность происходящего с героем; как бы очерчивает грань между действительностью и забвением: «*Ему **казалось**, что подъём бесконечен, и тупое отчаяние овладевало его душой... Временами ему **представлялось**, что он спит и видит один из своих лихорадочных болезненных снов... всё было так же тяжело, нелепо, неожиданно и ужасно, как эти кошмары...*» [1:96].

Состояние небывалого нервного напряжения заканчивается для Боброва обмороком, после которого герой очнулся словно другим человеком. Если в предыдущих главах он лишь робко признавался доктору в том, как тяжело и гадко ему жить, то теперь «*Острая и отчаянная, беспредметная злоба переполняли его душу...*», злоба, которая толкала его на решительные действия: «*Бобров, как это случается иногда при особенно сильных душевных потрясениях, говорил сам с собою вслух.*

– Ну, скажи же, скажи, что мне делать? Скажи, ради Бога, – страстно шептал он, обращаясь к кому-то другому, постороннему, как будто сидевшему внутри его. – Ах, как мне тяжело! Ах, как мне больно!.. Невыносимо больно!.. Мне кажется, я убью себя... Я не выдержу этой муки...

А другой, посторонний, возражал из глубины души, также вслух, но насмешливо-грубо:

– Нет, ты не убьешь себя. Зачем перед собой притворяться? Ты слишком любишь ощущение жизни, для того чтобы убить себя, ты слишком немогуч духом для этого. Ты слишком боишься физической боли. Ты слишком много размышляешь... Не ломайся, не ломайся...» [1:98].

Однако и этот вызов заканчивается для Боброва поражением. Оказавшись вновь стоящим над кочегарной ямой (здесь происходил его диалог с Гольдбергом в 7 главе), Бобров думает о самоубийстве: *«... Безумная мысль вдруг, как молния, мелькнула в мозгу Андрея Ильича... Болезненная, мстительная и страшная мысль, мелькнувшая ещё там, на дороге, овладевала им всё более... Безумная вспышка энергии прошла, а внутренний, посторонний, голос заговорил громко и насмешливо:*

– Ну; что же, остаётся сделать одно ещё движение! Но ты его не сделаешь... Basta...» [1:99].

«Душевный разлад», о котором мы узнаём уже с первого знакомства с героем, к концу произведения окончательно губит его, возвращая к болезненной зависимости от впрыскиваний морфия: *«– Ах, это всё пустяки... – простонал Бобров. – Ради бога, доктор, дайте морфия... Скорее морфия, или я сойду с ума!.. Я невыразимо страдаю!..*

Через пять минут Бобров уже лежал на клеенчатом диване в глубоком сне. Сладкая улыбка играла на его бледном, исхудавшем за ночь лице» [1:99–100].

Список литературы

1. Куприн А. И. Повести. Рассказы / А. И. Куприн. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ООО «Агентство Олимп», 2002. – 681 с.

ЛИРИЧЕСКИЙ И ПРОЗАИЧЕСКИЙ ЦИКЛЫ

А. И. Ёмельянова (Армавир, Россия)

Понятие «цикл» («литературный факт» по Ю. Н. Тынянову) в качестве термина вошел в употребление в 60-е годы 20 века. Исследователи видят цикл как художественное произведение с типичными для него особенностями построения тек-

ста, при этом полагая, что цикл способен входить в большее структурное единство.

В современной научной литературе термином «цикл» часто называют все собрания рассказов как одного автора, так и коллективов авторов [5, 8, 9].

Циклу присущи характеристики художественного произведения, но кроме этого он является и герменевтической структурой текстово-контекстной природы, обладающей системой связей и отношений между составляющими цикл произведениями [6]. В. А. Сапогов понимает цикл как «группу произведений, сознательно объединенных автором по жанровому, тематическому, идейному принципу или общностью персонажей» [10].

Исследователи разделяют циклы на лирические и прозаические.

Структурные принципы лирического цикла впервые были представлены в статье И. Мюллера «Das Zyklische Prinzip in der Lyrik» (1932 г.) на примерах циклов Рильке, Гете, Новалиса и Шекспира. Значительное время спустя американец Х. М. Мастэрд выпустил монографию, посвятив ее истории немецких лирических циклов XV–XX вв. Позднее В. Фридрих в своей диссертации исследовал циклы американской прозы.

В 1970–80-х гг. появились исследования, посвященные русским прозаическим циклам 1820–30-х гг. (А. С. Янушкевич), 1840–60-х гг. (Ю. В. Лебедев); лирическим циклам пушкинской эпохи (М. Н. Дарвин), поэтике лирического цикла (И. В. Фоменко), циклам Блока (Ф. Инграш), стихотворным циклам (Р. Вроон).

И. В. Фоменко «лирический цикл» определяет как образование жанрового характера, авторский союз стихотворений, чьим отличительным признаком являются особого рода отношения между стихотворением и контекстом, благодаря которым становится возможным воплотить в системе стихотворений «целостную и как угодно сложную систему авторских взглядов» [11: 1].

Большое количество ученых, исследующие лирические циклы, говорят о возможности его рассмотрения как самостоятельного жанрового образования [3: 19–27], обладающего следующими признаками: авторская заданность композиции; самостоятельность входящих в лирический цикл стихотворений; «одноцентричность», центростремительность композиции лирического цикла; лирический характер сцепления стихотворений в лирическом цикле; лирический принцип изображения [6: 165].

Прозаический цикл известен истории давно. Первыми циклами были циклы сказок, саг, легенд. Понятие «прозаический цикл» вос-

принимается как вторичное по отношению к понятию «цикл лирический» [7: 4].

Прозаический цикл сохраняет многие признаки лирического цикла. К образующим цикл факторам в прозаическом цикле относятся единство проблематики, общность сюжетных конфликтов и коллизий, образно-стилистическое решение, единый образ автора. К жанровым признакам – общая атмосфера произведения, сквозной образ читателя, сквозные мотивы и образы, вариативное развитие тем, особая пространственно-временная организация, обрамляющие новеллы и очерки, лейтмотивность повествования и т.д. [3: 81–82].

В первую очередь при изучении прозаических циклов анализу подвергаются такие циклообразующие связи как общее заглавие, монтажная композиция, единство мотивов и тем, концептуальность, сюжет.

Прозаический цикл постепенно «романизируется, приобретая признаки романной формы» и формирует с ним «межжанровые единства разных типов» [7: 9].

Отличие авторского прозаического цикла состоит в том, что он есть «система особым образом организованных текстов» [1]. Каждый текст цикла с одной стороны является самостоятельным и самодостаточным (в каждом имеется собственный сюжет и герои), а с другой становится частью единой системы (последовательность следования текстов друг за другом обеспечивает наличие между ними ассоциативных связей). Отношения внутри этой системы действуют на предметно-образном, сюжетном, персонажном, повествовательном, мотивном и других уровнях, где формируются метаобразы, метамотивы, метасюжет цикла. В цикле каждый текст выражает лишь часть художественного мира и взаимодействует с другими текстами при помощи механизмов комплиментарности и концентричности, являющихся метасмыслообразующими [1].

Австрийский поэт Райнер Мария Рильке (1875–1926) занимает одно из первых мест в немецкой поэзии. Анализ творчества Р.М. Рильке позволяет говорить о закрепившейся в его творчестве тенденции к цикличности.

Творческое наследие Рильке представлено, в первую очередь, поэтической книгой «Часослов», в которой нашли отражение впечатления поэта от его поездок в Россию, знакомства с ее религиозными и культурными традициями.

«Часослов» явился своего рода фундаментом для появления таких лирических циклов Рильке как «Новые стихотворения», «Дуинские элегии», «Сонеты к Орфею».

«Новые стихотворения», написанные Рильке в 1907–1908 гг., носят отпечаток творческого общения Рильке с Огюстом Роденом. Во главу угла в «Новых стихотворениях» ставится уже не лирический герой, как это было в «Часослове», а напротив его изъятие из текста и «безличное» изображение окружающего мира.

Циклы «Дуинские элегии» и «Сонеты к Орфею» можно отнести к следующему этапу творчества Рильке, когда у поэта рождается мысль духовного усовершенствования бытия. В обоих циклах прослеживается идея единства жизни и смерти; неразделенной любви, являющейся неперенным условием внутреннего совершенствования и приобретения духовного опыта; одиночества, позволяющего окунуться в свой внутренний мир, найти и осмыслить все его скрытые возможности.

В Дуинских элегиях (*Duineser Elegies*, 1912–1923) и Сонетах к Орфею (*Die Sonette an Orpheus*, 1923) Рильке «поднимается к новым метафизическим высотам, ищет примирения диссонансов и противоречий, которые мучили его всю жизнь. Это заставляет его выработать формулу передачи внутренней реальности вещей» [2: 23].

Поэзия и проза у Рильке предстают «в своеобразном сплетении, образуя множество точек соприкосновения и пересечения», и вместе с тем являются самодостаточными явлениями.

Прозаическим наследием Рильке стали роман «Записки Мальте Лауридса Бригге», повествующий о духовном упадке, внутреннем разладе героя с самим собой, о неприглядности бытия и о смерти; новеллы «Пьер Дюмон»; «Победивший дракона», где ведутся извечные размышления о связи жизни и смерти, ужасного и прекрасного; «Песнь о любви и смерти корнета Кристофа Рильке», где красной нитью проходит мысль о хрупкости человеческой жизни; цикл рассказов «Истории о Господе Боге», пронизанных независимостью и свободой, отразивших впечатления Рильке о России; книги об искусстве «Ворпсведе», «Огюст Роден» и др.

Список литературы

1. Афонина, Е. Ю. Поэтика авторского прозаического цикла : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Афонина Е. Ю. – Тверь, 2005.
2. Витковский, Е. Вступительная статья / Е. Витковский // Рильке Р. М. Избранные сочинения. – М. : РИПОЛ классик, 1998. – С. 5–28.
3. Гареева, В. Н. Вопросы теории цикла (лирического и прозаического) / В. Н. Гареева // Стихотворения в прозе И. С. Тургенева: вопросы поэтики. – Ижевск : УдГУ, 2004. – С. 19–27, 81–82.
4. Дарвин, М. Н. Циклизация в лирике: Исторические пути и художественные формы : дис. ... д-ра филол. наук / Дарвин М. Н. – Кемерово, 1995. – 180 с.

5. Егорова, О. Г. Проблема циклизации в русской прозе первой половины XX века : дис. ... д-ра филол. наук : 10.01.01. / О. Г. Егорова. – Астрахань, 2004. – 529 с.
6. Ляпина, Л. Е. Циклизация в русской литературе 19 века / Л. Е. Ляпина. – СПб., 1999. – С. 132–144.
7. Нестерова, С. В. Циклическое текстопостроение в малой эпической прозе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Нестерова С. В. – Тверь, 2012. 22с.
8. Носовец, С. Г. Цветовая картина мира Владимира Набокова в когнитивно-прагматическом аспекте: Цикл рассказов «Весна в Фиальте» : автореф. дис. ... канд. фил. наук / Носовец С. Г. – Тверь, 2006. – 18 с.
9. Поттосина, В. Г. Синтез искусств в теории и раннем творчестве Андрея Белого: Цикл «Симфонии» : дис. ... канд. фил. наук : 10.01.01 / Поттосина В. Г. – М., 2001. – 181 с.
10. Сапогов, В. А. Цикл / В. А. Сапогов // Краткая литературная энциклопедия : в 8 т. / под ред. А. Суркова. – М. : Сов. энциклопедия, 1975. – Т. 8. – С. 398–399.
11. Фоменко, И. В. Поэтика лирического цикла : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Фоменко И. В. – М., 1990. – 32 с.

МОДЕЛЬ ВРЕМЕНИ В МИРЕ РАННЕГО ДЕТСТВА (по повести Андрея Белого «Котик Летаев»)

В. А. Ермачихина (Коломна, Россия)

Проблема художественного времени и пространства в повести Андрея Белого «Котик Летаев» интересовала многих исследователей. В их ряду особое место занимают работы Н. Л. Быстрова, Л. К. Долгополова, Д. П. Замятина, В. М. Пискунова, З. О. Юрьева и др. Однако, несмотря на это, в поэтике хронотопа повести А. Белого ещё много белых пятен. Н. А. Бердяев в своих работах справедливо подчёркивал присущее писателю «художественное ощущение космического распыления, декристаллизации всех вещей мира, нарушения и исчезновения твёрдо установившихся границ между предметами» [5:127]. Соглашаясь с ним, З. О. Юрьева отмечала, что писатель «создавал свои творимые космосы постоянно» и источником их было как Священное Писание, так и «безграничное воображение» самого Андрея Белого. Следовательно, при изучении по-

этики хронотопа в повести «Котик Летаев» нужно учитывать, как это ни парадоксально, так называемые «законы» фантазии, которые во многом определили самобытность художественного мира романа.

Особый акцент писатель делает на воссоздание пространственно-временных рамок самого первого периода человеческой жизни – детства: *«Мне – тридцать пять лет: самосознание разорвало мне мозг и кинулось в детство; и я с разорванным мозгом смотрю, как дымятся мне клубы событий, как бегут они вспять...»* [1:24].

Человеческая личность, её самосознание раздвигаются Андреем Белым до космических пределов, помещаются писателем в центр «перекрученных кругов» бытового и бытийного, сакрального, мифологического и реального пространства – времени.

Первая глава произведения – это некий образ мира раннего детства и личный космос Котика, который передаётся не точной последовательностью событий и происшествий, а через впечатления о них, включающие в себя взрослое и детское восприятие настоящего и будущего:

«Так бы я сгустил словом неизреченность восстания моей младенческой жизни: –

– боль сидения в органах;

ощущения были ужасны; и – беспредметны; тем не менее – стародавни:

исконно знакомы: –

– не было разделения на «Я» и «не-Я», не было ни пространства, ни времени...» [1:27];

«В то далёкое время «Я» – не был... –

–Было

Хилое тело...» [1:28];

«Моё детское тело есть бред «материй»...» [1:29];

«Ощущения отделялись от кожи: она стала навислостью; в ней я полз как в трубе...–таково вхождение в жизнь» [1:32].

В повести присутствует модель личного пространства и времени, а также космология Котика, которая раскрывается в путешествии героя к своим собственным истокам:

«Невыразимости, небывалости лежания сознания в теле, ощущение, что ты – и ты, и не ты...»[1:31];

«Продолжаю обкладывать словом первейшие события жизни: – ощущение мне–

Змея: в нём – желание, чувство и мысль убегают о одно змееногое, громадное тело: Титана, Титан – душит меня; и сознание моё вырывается: вырвалось – нет его... –

– за исключением какого-то пункта... вот – первое событие бытия» [1:30].

Обращает на себя внимание авторское употребление окказиональных абстрактных существительных «невыразимость» и «небывалость», семантика которых раскрывается в дальнейших описаниях в плане осознания героем себя в младенческие годы. Нужно отметить, что таким образом воплощается возврат в своё личное «до-время».

Первый момент существования А. Белый характеризует как «... ощущение математически точное, что ты –и ты и не ты, а какое-то набухание вникуда и ничто» [1:36].

В этот момент нет «ни пространства, ни времени», но есть»... состояние натяжений ощущений; будто всё-всё-всё ширилось, расширялось, душило и начинало носиться в себе крылорогими тучами» [1:37].

С одной стороны, троекратное «всё – всё-всё» представляет собой предельное умножение объектов. С другой стороны, это модель расширяющейся Вселенной Котика, возникшая из взрыва сверхплотного сгустка вещества, в котором «не было ни пространства, ни времени». Перед нами радикальная концепция пространства и времени, согласно которой эти компоненты входят в структуру самих объектов и в случае отсутствия последних и сами не существуют. Для ребёнка «ничего внутри: всё – во вне» [1:26]. Возможно по этим причинам создаётся впечатление, что и времени внутри него нет, поскольку с одной стороны, сознания ещё нет, а с другой – оно есть и занято: «Сознанием необъятного, обниманием необъятного; неодолимые дали пространств ощущались ужасно» [1:29];

«Самосознание, как младенец во мне, широко открыло глаза и сломало всё – до первой вспышки сознания; сломан лёд: слов, понятий и смыслов;

многообразие рассудочных истин проросло и охвачено ритмами; архитектоника ритмов осмыслилась и отряхнула бывшие мне смыслы, как мёртвые листья; смысл есть жизнь: м_о_я_ж_и_з_н_ь; она – в ритме годин: в жестикующих, в мимикемимолетящих событий; слово – мимика, танец, улыбка» [1:27].

Таким образом автор наглядно представляет, как «невыразимость» и «небывалость» окружающего Котика мира переходят в «сознание необъятного, обнимание необъятного», то есть в постепенное постижение ребёнком своего микрокосма. Необыкновенно ярко и красочно рисует писатель этот процесс постепенного «осознания» себя в масштабах Вселенной: самосознание широко открыло глаза –

сломан лёд слов, понятий и смыслов –многообразие рассудочных истин проросло–архитектоникаритмов осмыслилась.

На протяжении всего повествования А. Белый говорит нам о «постоянной» памяти (подсознании), где хранится информация прошлых жизнях, необходимая индивиду в данном воплощении. Герой способен извлекать эти знания из подсознания, расширять внутреннее пространство за счёт осмысления новых понятий и принятия жизненно важных решений в настоящий момент времени. Человеческий мир способен вместить бесконечно превосходящие его дали пространства и времени, сохранить «память о памяти»:

«Вы

представьте: –

–вы–маленький –маленький–маленький, беззащитно низвергнутый

в нуллионы эонов – преодолевать их, осиливать – схвачены чёрным свистом

пустот и стремительным пунктом несётесь (это первая прорезь сознания:

воспоминание его держит прочно и точно описывает); дотелесная жизнь обнажена

ужасно и мрачно; за вами несется с_т_а_р_у_х_а; и ураганом красного мира она

протянула свои гигантские руки; а вы–беспокровны; вдруг – толчок: вы –

малюсенький–маленький вдруг ударились о скелетное тело храма; вы спасаетесь

во внутренность храма; и слышите, как разбиваются о него океаны красного

мира: там склонилась с_т_а_р_у_х_а; она не может войти –

–вы представьте: вы

входите; и –поднимаете голову: справа и слева симметрично бегающие своды

ребер; изогнуты прихотливо их плоскости; встают перед вами, как

п_а_м_я_т_ь... оп_а_м_я_т_и...» [1:36];

«Помню комнатку: в ней предметов не помню; но – беспорядок во всём; всё – раскидано, разворочено, взрыто, как...в душе моей – затрепетавшей, встревоженно, испуганной, потому что... –

бабушка там, потрясаемая испугами, но испуги тая от меня и меня заражая испугами – посиживает и набивает себе папиросы: без чепчика, лысая; морщинуется её лоб, когда она, приподымая глаза над

очками, поглядывает на меня исподлобья – в коричневом капоте, выделяющемся на стене – из табачного дыма; и капот и лысина в слабых мерцаниях свечи мне не кажутся добрыми» [1:33];

« ... понимание – блески в блесках, где ритм пульса блесков мой собственный, бьющий в стране танца ритмов и отражаемый образом, как – **память о памяти!**

Преображение памятью прежнего есть собственное чтение: за прежним стоящей, не нашей вселенной; впечатление детских лет – прол`ты в небывшее никогда; и – тем не менее сущее; существа иных жизней теперь вмещались в события моей жизни; подобию бывшего мне – сосуды; ими черпаю я – гармонию бесподобного космоса.

Память о памяти – такова; она – ритм; она музыка сферы; и эта сфера – вселенная. Впечатления – воспоминания мне моей мимики в стране жизни ритмов, где я был до рождения [1:70].

В «художественном космосе» повести время не всеильно и поглощается «океаном вечности», а это оказывается равнозначным пустоте. «Пустое пространство», «бездна», «ничто» становятся не только знаками бессмысленности жизни и потери высоких целей в качестве ориентиров в «плавании» по океану Вечности, но и заставляют увидеть, как в художественном пространстве-времени проглядывает «небытийная» основа всего сущего. С трудом отрывается от небытия младенец в «Котике Летаеве» из несуществующего, почти потустороннего астрального мира протягиваются нити управления к «посюстороннему миру». Многое происходящее в художественном мире повести заставляет вспомнить слова философа А. Н. Чанышева: «Бытие только тень небытия, его изнанка. Оно, как сверкающая всеми цветами радуги плёнка нефти на поверхности океана, океана небытия. Оно, как волна, бегущая перед кораблём, кораблём небытия. <...> Оно покоится в небытии, как ребёнок в чреве матери» [8:158–165].

В повести наглядно представлено как сужение, так и расширение мира. В предисловии к повести «Котик Летаев» герой считает себя находящимся ровно в центре отведённого ему судьбой временного отрезка, откуда одинаково хорошо просматриваются и восхождение и нисхождение. Единство расширяющегося и сужающегося мира особенно четко прослеживаются в первой главе «Бредовый лабиринт». В подглавке «Образование сознания» мы становимся свидетелями соприкосновения тела и сознания.

В «Котике Летаеве» внутренний мир героя, его духовное развитие представлено как стремительное вертикальное «восхождение» по спирали жизни. Несмотря на то, что «пост-штейнеровский» период отмечен Андреем Белым, как «падение» жизненного пути, писатель

не приемлет идею «вечного возврата» или «замкнутого круга». Оставаясь до конца жизни символистом, при этом не отрицая антропософского учения, в своей работе «История становления самосознающей души» А. Белый признаётся: «Моим «я» изменю порядки вселенной, и «вечный возврат» я разрушу, чтобы вернуть его царству духовному; я «возвращение» пересоздам; оно будет –перевоплощением, или градацией перевоплощений по-новому; так разомкну этот круг я» [4:245].

Список литературы

1. Белый, А. Собрание сочинений. Котик Летаев. Крещёный китаец. Записки чудака / А. Белый. – М. : Республика, 1997.
2. Белый, А. На рубеже двух столетий. Воспоминания : в 3 кн. / А. Белый. – М. : Худ. лит., 1989. – Кн. 1.
3. Белый, А. Символизм как миропонимание / А. Белый. – М. : Республика, 1999.
4. Белый, А. Почему я стал символистом и почему я не перестал им быть во всех фразах моего идейного и художественного развития? / А. Белый. – URL: <http://www.rvb.ru/belyi/01text/rosemu.htm>.
5. Белый, А. Душа самосознающая / А. Белый. – М. : Канон +, 1999.
6. Бердяев, Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев // Вопросы философии. – 1990. – № 2. – С. 107–145.
7. Бердяев, Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – М., 1991.
8. Томашевский, Б. В. Теория литературы. Поэтика / Б. В. Томашевский. – М. : Аспект Пресс, 2001.
9. Чанышев, А. Н. Трактат о небытии / А. Н. Чанышев // Вопросы философии. – 1990. – № 10. – С. 158–165.

ПРАВСТВЕННАЯ МУДРОСТЬ БАСЕН И. А. КРЫЛОВА В НАРОДНОМ СОЗНАНИИ

А. В. Майорова (Москва, Россия)

В безусловной широчайшей славе Ивана Андреевича Крылова ощущается привкус второсортности. Эта, конечно, от оскомины, которую набили почти за два века крыловские басни.

Считается, что басни Крылова выросли из народных истоков и мудрости русских пословиц и поговорок с их острым и метким юмо-

ром. В любом учебнике русской литературы отмечается, что моралистические концовки басен вытекают непосредственно из народных пословиц. Но так ли это?

На самом деле фольклор не сводится к прописным истинам. Действительно, любой басне Крылова почти всегда можно подобрать аналог среди пословиц. Но с тем же успехом – и прямо противоположную концепцию. Там, где баснописец предлагает готовый рецепт, народное сознание стоит перед выбором.

Невежество бичуется в басне «Мартышка и очки». Пословицы вторят: «Век живи – век учись», «Умный смиряется, дурак надувается», «Кто не учён, тот глуп». Но рядом существуют и другие изречения: «От ума сходят с ума», «Много ума – много греха». Или еще циничнее: «Умом глуп, да кошелёк туг», «Не штука разум, штука деньги».

В басне про Синицу, которая грозилась поджечь море, Крылов поучает, что хвастаться и врать нехорошо. Правильно – соглашается народ: «Хвались не тем, что можешь сделать, а тем, что уже сделал», «Доброе дело само себя хвалит». Но и: «Хвастать – не косить, спина не болит», «Лгать – не устоять, было б кому слушать», «Не бывает поля без ржи, а слова без лжи», «Врать – не мякину жевать, не подавишься», «И враньём люди живут».

«Ларчик» ратует за простоту без суемудрия. Пословица тоже умиляется: «Где просто, там ангелов со сто», но тут же опровергает: «Простота хуже воровства».

Мы с детства помним, что трудолюбивый Муравей – герой положительный, а попрыгунья Стрекоза – отрицательный. И пословицы говорят: «Без труда нет добра», «Кто не работает, тот и не ест», «Хочешь есть калачи, не сиди на печи», «Доплясались, что без хлеба остались». И опять народ сомневается: «От работы не будешь богат, а будешь горбат», «От работы кони дохнут», «Работа не волк, в лес не убежит».

И так с любой темой. «Дурака учить, что мёртвого лечить», но «Дуракам везёт». В пословицах отражено и русское хлебосольство. Но наряду с известными: «Гость на порог – счастье в дом», «Гость в дом – Бог в дом» есть и куда менее популярная «Хорош гость, коли редко ходит».

Диалектический подход блестяще представлен в пословицах о пьянстве: от «Много вина пить, беде быть», до «Пьяница проспится, к делу годится» и «Пьян да умён, два угодыя в нём».

Всё это не похоже на лапидарность крыловских формул, которые высказывают из русского человека быстрее, чем он успевает их осмыслить. Найдя простое решение проблемы, казавшейся сложной,

мы усмехаемся: «А ларчик просто открывался». Замечая, что какое-то дело не двигается с мёртвой точки, вздыхаем: «А воз и ныне там». Возмущаясь бездействию бюрократов, мы восклицаем: «А Васька слушает, да ест». Осуждая нерадивых управленцев, которые «латают» трещащий по швам бюджет, отрывая от него всё большие и большие суммы, мы вспоминаем Тришкин кафтан.

Порой мы не очень точно цитируем крылатые выражения из басен Крылова, а используем их частично, или слегка изменяя. Тех, кто не может договориться между собой, сравниваем с Лебедем, Раком и Щукой. «Медвежьей услугой» называем не к месту оказываемую кем-либо помощь. Иногда даже не знаем, кому принадлежат известные фразы и образы. Нам кажется, что такие нарицательные герои и выражения существовали всегда.

А как современна во все времена была и есть басня «Лисица и Сурок». Особенно её концовка:

Иной при месте так вздыхает,
Как будто рубль последний доживает.
А смотришь, помаленьку
То домик выстроит, то купит деревеньку,
Теперь как у него приход с расходом свести?
Хоть по суду и не докажешь,
Но как не согресишь, не скажешь,
Что у него пушок на рыльце есть.

Но кто сейчас помнит её? А выражение «Рыльце в пушку» вошло в наш умственный быт.

Кто сейчас знает, что проказница Мартышка, Осёл, Козёл и косолапый Мишка обозначали департаменты государственной экономии, законов, военных, гражданских и духовных дел? Современники понимали, как отхлестал Крылов Мордвинова с Аракчеевым. Но уже через несколько недель, а тем более через годы никто не помнил о разногласиях в Государственном совете. Осталась складно выраженная банальная истина: суть не подменишь суетой, умение – болтовнёй. Обобщающий смысл басни «Квартет» оказался гораздо шире первоначального повода её написания. Крылов иронически показывает бесплодность любой демократической организации, неуспех дела, которое осуществляется невежественными и бездарными исполнителями.

Считается, что полнота жизни терпит ущерб от незнания и неумения осознать многообразие путей добра и зла. Но и на это у Крылова есть басня про лягушку, которая хотела раздуться до размеров Вола, но лопнула.

Произошло удивительное. Это не Крылов зафиксировал нравственную мудрость народа в форме басен. А народ утвердил в своём сознании крыловские басни в качестве народной мудрости.

Прекрасный знаток и художник простого языка, всегда любивший облекать свою мысль в пластическую форму аполога, Крылов своими баснями во многом заменил нравственные установки и институты в России.

В российской истории слишком многое сопротивлялось тому, чтобы моральным кодексом управляла принципиальная диалектичность этических норм, идущая от мифов, евангельских притч, протестантского рационализма, индивидуализма.

А Крылов всегда рядом. Простой, удобный, запоминающийся. Это он снабдил набором нетленных истин про мартышек и кукушек, волков и лисиц, львов и медведей. Чеканные нравоучительные концовки крыловских басен легко заучиваются на протяжении уже многих поколений. Удобные, внятные и смешные они усваиваются с детства. Он избавил от хлопот альтернативного мышления, химеры терпимости, разброса плюрализма и утомительной многослойности демократического сознания.

Живая, сверкающая всеми драгоценными гранями народного словоупотребления речь Крылова, его точные и меткие слова, эпиграмматические обороты и фразы превратились в народные пословицы и поговорки, стали достоянием всего народа.

Жуковский охарактеризовал басни Крылова как «поэтические уроки мудрости, которые дойдут до потомства и никогда не потеряют в нём своей силы и свежести: ибо они обратились в народные пословицы, а народные пословицы живут с народами и их переживают»[Журнал Министерства народного просвещения, 1838, ч.XVII. С. 216-217].

Признание, которым облекали Крылова все режимы и все власти, — лишь малая толика долга, в котором пребывает перед Крыловым Россия. Потому что его басни — основа морали, тот нравственный кодекс, на котором выросли поколения российских людей, тот камертон добра и зла, который носит с собой каждый русский.

Он вошел в историю культуры патриархом — беспечным, ленивым, спокойным, знающим что-то такое, что доверил только безмолвному клодтовскому зверью у подножия памятника. Он создал не литературный жанр, а этическую систему. И даже предусмотрел в своём универсальном басенном комплексе недооценку и неблагодарность, написав «Свинью под Дубом».

РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ НАРКОМАНА **(на примере рассказа М. А. Булгакова «Морфий»)**

В. В. Костенко, Е. Н. Сердобинцева (Пенза, Россия)

М. Булгаков написал рассказ «Морфий» в первой половине 20 века. Однако ни тема, ни содержание произведения не утратили своей актуальности. В нем нет призыва к запрещению наркотиков, нет стеланий по поводу трагедий, к которым приводит наркомания. Автор спокойно, без экспрессии, через дневник наркомана показывает деградацию личности.

Причем впечатления от этого рассказа чрезвычайно сильны. Они необъяснимы, потому не запомнилось ярких слов, чтобы их повторить. Вглядываешься в лексику – она в основном нейтральна. Однако сила воздействия настолько велика, что хочется найти ее истоки. Наш анализ показал, что эффект наглядности заключается в синтаксисе произведения.

Синтаксический рисунок, характеризующий наркомана, настолько продуман, точен и экспрессивен, что создает яркий, почти материальный образ героя. Выяснение способов создания характеристики героя через его речевое поведение – одна из важных задач когнитивной лингвистики, поэтому исследование речевого поведения героя рассказа М. Булгакова является актуальным.

«В термине «речевое поведение»... обозначают те свойства и особенности, которыми отличаются речь и речевые реакции» одного человека [1]. Важной чертой речевого поведения является то, что это «процесс выбора оптимального варианта для построения социально-корректного высказывания» [2:53]. Под корректным можно подразумевать соответствие социальной ситуации.

Рассказ «Морфий» имеет два плана повествования, два сюжета, двух рассказчиков. Первый план – рассказ о жизни врача общей практики, получившего письмо от больного. Второе – повествование человека о своей наркотической зависимости.

Нас интересует речевое поведение лекаря Сергея Полякова. Основные особенности синтаксиса его речи таковы: использование фигур, широкое употребление парцелляции, нелогичность и сбивчивость в толковании мыслей, выраженная отсутствием связей межфразовых единств и др.

Остановимся подробно на каждой из них. Записка, посланная врачу-рассказчику, состоит из одного абзаца, в которой мы насчитываем семь простых предложений и три сложных. С какой целью М. А. Булгаков так выстраивает речь героя? Беремся предположить, что таким образом автор стремился передать тяжелое физическое и духовное состояние героя. Его речь отрывиста, будто произносится на последнем дыхании, с силой. Через 5 простых предложений одно сложное бессоюзное, которое призвано пояснить смысл написанного ранее: *«Я не буду Вас дожидаться. Я раздумал лечиться. Это безнадежно. И мучиться я тоже больше не хочу. Я достаточно попробовал. Других предостерегаю: будьте осторожны с белыми, растворимыми в 25 частях воды кристаллами»*. И здесь герой будто вновь останавливается, чтобы глубже вздохнуть и набраться сил еще на пару строк: *«Мой дневник вам дарю. Вы всегда мне казались человеком пытливым и любителем человеческих документов»*.

Стоит заметить, что вся речь героя преимущественно состоит из простых предложений. Практически отсутствуют пояснительные конструкции, то есть у героя нет цели быть понятым. Это скорее способ внутреннего диалога: *«Слухи о чем-то грандиозном. Будто бы свергли Николая II. Я ложусь спать очень рано. Часов в девять. И спю сладко»*. Читатель замечает бессвязность мыслей героя, скачки с темы на тему, неспособность сформулировать и оформить высказывание. Налицо деградация личности, ее не только физическое, но и духовное, умственное разложение: *«Душная ночь. Будет гроза»*, *«Больше не могу»*, *«Вздых. Еще вздох...»*, *«Словом, человека нет. Он выключен»*, *«Рано или поздно я брошу!.. А сейчас спать, спать»*.

Отметим, что сложные предложения все же присутствуют в записках Сергея Полякова. Они имеют место во время лучшего физического состояния героя, чаще после принятия очередной дозы морфия. Тогда ему видятся диковинные предметы, которые он не устает описывать: *«Так что вот – я вижу освещенную рампу, из нее пышет разноцветная лента огней. Амнерис, колыша зеленым пером, поет <...>Теперь о прозрачности; так вот, сквозь переливающиеся краски «Аиды» выступает совершенно реально край моего письменного стол, видный из двери кабинета, лампа, лоснящийся пол и слышны, прорываясь, сквозь волну оркестра Большого театра, ясные шаги, ступающие приятно, как глухие кастаньеты»*. Два этих состояния главного героя показаны на контрасте. В первом случае – невозможность и/или нежелание четко сформулировать мысль, во втором – поэтическая образность. Благодаря приему противопоставления процесс деградация личности Сергея Полякова становится все более явным.

Если мы обратимся к словам рассказчика, то узнаем и о почерке Сергея Полякова: *«В оставшейся половине краткие записи, в начале карандашом или чернилами, четким мелким почерком, в конце тетради карандашом химическим и карандашом толстым красным, почерком небрежным, почерком прыгающими со многими сокращенными словам»*. Из одного лишь этого замечания узнаем о том, как менялось состояние лекаря: сначала он мог писать своим привычным *«мелким и четким»* почерком, а после, в виду плачевного состояния физического и, предполагаем, душевного, – почерк человека с трясущимися руками.

В начале дневника отмечаем такую особенность речи героя, как вопросно-ответная форма. С одной стороны, это говорит о склонности к рефлексии, рассудительности, с другой – следствие помешательства, психического расстройства. *«Но они ведь ничем не тронут моей раны? Других, впрочем, не хуже моего рассадили по земским участкам», «Убить ее? Убить! Ах, как все глупо, пусто. Безнадёжно!», «Доктор Поляков, будьте осторожны. Вздор», «В нормальном сне музыка беззвучна...в нормальном? Ещё вопрос, какой сон нормальнее!»*

Автор намеренно передает слова так, как они были написаны в дневнике Полякова: *«..ять рвота в 4 час. 30 минут»*. Таким приемом не только достигается достоверность повествования, но и передается состояние героя – психологическая нестабильность и физическое расстройство. Он вырывает из тетради листок, скорее всего, дрожащими руками, поскольку оторваны части текста: *«(Далее в тетради вырвано десятка два страниц.) ...ря...ять»*. На данном этапе мы замечаем последние стадии разложения личности героя: он уже не использует сложные предложения для выражения мысли: *«Гладко ли я выражаю свои мысли? По-моему, гладко. Жизнь? Смешно!»*

Примечательно, в конце своего дневника герой не прощается ни с жизнью, ни с тем, кому его посылает. Читатель может предположить, что у больного нет для этого физических сил. По нашему же мнению, герой больше не мыслит о жизни, он уже перешел в иное состояние, где мысль, как категория, теряет свою ценность. Состояние смерти: *«Тетрадь Бомгарду. Все...»*.

Список литературы

1. Агаркова, О. А. Речевое поведение в различных культурах / О. А. Агаркова, А. М. Шигабутдинова // Молодой ученый. – 2013. – № 4. – С. 338–340.
2. Швейцер, А. Культура и этика / А. Швейцер. – М. : Прогресс, 1993. – 360 с.

«КОТИК ЛЕТАЕВ» А. БЕЛОГО: ОБ ОСОБЕННОСТЯХ СТИЛИСТИЧЕСКОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СРАВНЕНИЙ В ПОВЕСТИ

Ю. Д. Родина (Коломна, Россия)

Рубеж XIX–XX вв. – период расцвета русской культуры, эпоха небывалого культурного подъёма. В это время происходит активный творческий поиск нового содержания и форм его отражения. Писателей Серебряного века отличает тяготение к синтезу искусств, сочетание противоречивых тенденций, самобытность творчества.

Их творческое наследие не перестаёт привлекать внимание многих исследователей, как лингвистов, так и литературоведов. Изучение средств языкового выражения центральных мотивов творчества писателей Серебряного века имеет большое значение, в частности, в плане формирования индивидуального авторского стиля.

Не вызывает сомнения тот факт, что писатели Серебряного века необыкновенно ярко и оригинально реализовали в своих произведениях стилистические возможности сравнений. В этом смысле наш исследовательский интерес связан с автобиографической повестью А. Белого «Котик Летаев».

Однако прежде чем обратиться к анализу функциональной роли сравнений в выражении центральных мотивов этого произведения А. Белого, напомним, что в художественной литературе функции сравнения необыкновенно широки и богаты. Как известно, сравнение дополняет смысловую структуру слов образными ассоциациями. Использование сравнений в текстах А. Белого следует рассматривать, на наш взгляд, как раз в аспекте создания ассоциативно-образных связей в его художественном мире. «Ассоциация стала главным поэтическим средством не только для Белого-поэта, но и для Белого-прозаика, и даже для Белого-критика и публициста. Художественная ценность ассоциаций заключается в том, что они способны очертить внутреннюю взаимосвязь явлений, связь всего со всем, проникнуть за грань видимой, данной в чувственном опыте, оболочки фактов, событий, явлений» [3:88].

В ходе текстовых наблюдений нами были выделены 3 тематические группы сравнений:

- 1) сравнения, характеризующие человека (портретные характеристики, свойства личности, внутреннее состояние);
- 2) сравнения, характеризующие различные предметы;
- 3) сравнения, характеризующие действия.

Остановимся на наиболее ярких примерах сравнений, характеризующих человека. Так, например, одно из устойчивых сравнений, раскрывающих внутреннее состояние героини: *«Чувствую невозможность дальнейшего пребывания без единого звука: хочу издать звук; бабушка, задрожав, как осиновый лист, мне грозитя рукою»* [1:1090].

Данное сравнение, выраженное сравнительным оборотом с союзом «как», переосмысливается автором. Значимым оказывается не первичное значение «испытывать чувство страха», а приобретённое в контексте – «прийти в состояние досады, рассердиться».

В автобиографической повести А. Белого зачастую объектом сравнения становится человек. Читателю представлен процесс вхождения ребёнка в мир, которым живёт квартира профессора Летаева. Окружающие маленького Котика люди первоначально ассоциируются у него с предметным миром: *«...тиканье; не искать новых комнат; галопируя, не забегать в коридор; и не щелкать под креслами; не залезать под подол; и пушистую кисиньку не таскать за приподнятый хвостик; главное, чтобы бабушка не сломалась, как сломалась однажды она, как недавно мной сломанный слоник: – как она к нам под села; и подзывала меня: её тиснуть; ну, – я её тиснул; она же сказала: «Сломаюсь». Я тиснул ещё её; и – сломал; хохотали все: папа, мама и няня; но я... сломал бабушку!..»* [1:1100].

Усложнение выделенной сравнительной конструкции способствует усилению её экспрессивности. Использование существительного «слоник» с уменьшительно-ласкательным суффиксом -ик- характерно для детской речи. Оно вносит элемент «непосредственности мысли», тем самым создавая ироничную образную мысль.

Рассмотрим одно из сравнений, употреблённое с целью описания свойств личности героя. Оно выражено сравнительным оборотом с составным подчинительным союзом **«всё равно что»**: *«Валериан Валерианович все равно что полено: деревянная кукла он»* [1:1112].

Существительное «полено», приобретая стилистическую окрашенность, содержит неодобрительную оценку. Такое сравнение указывает на отрицательные свойства личности, в данном случае – на безликость, маловыразительность, бесчувственность. Нечто подобное

по семантике наблюдаем и в следующем примере: *»Христофор Христович Помпул – был совсем как... буфет, хоть и жил он вне мира, за нашей глухой стеною, он все же в «мир» хаживал»* [1:1117]. Здесь сравнительная конструкция, представляющая собой сравнительный оборот с союзом «как», акцентирует внимание на характере межличностных взаимоотношений героев. Уподобление героя буфету, т.е. шкафу для хранения посуды [4:65], показывает, что объект сравнения занимает пограничное положение: он то находится за пределами московской профессорской квартиры, то появляется там. Обращаем внимание на постановку многоточия внутри сравнительного оборота. Обозначенная многоточием пауза при переходе от одной мысли к другой свидетельствует о некоторой недосказанности, о моменте поиска.

Интересна сравнительная конструкция, передающая портретную характеристику человека: *»Бабушка оправляет косынку; мамочка оправляет наряд; мамочка моя, как... картинка; папин опущенный взгляд: папа у нас как бы... «* [1:1113].

Здесь сравнение выполняет эмоционально-оценочную функцию. Использование разговорного существительного «картинка» является показателем положительной, одобрительной оценки, ведь так отзываются о ком-то очень привлекательном, красивом, нарядном.

В другом примере сравнительный оборот создаёт яркий сказочный образ: *»...с достоинством отдаюсь я огромным рукам; и меня, как царя, уж сажают в высокое креслице, откуда взираю я на текущие события мира с философским спокойствием»* [1:1102].

С помощью развёрнутого сравнения А. Белый неоднократно воссоздаёт психологическую портретную зарисовку: *»...в сопровождении космоголового духа – до таимой комнаты блеска, откуда показывается сама Древность в седилах и пышные руки разводит свои из Золотого Горба, чтобы – вместе с Владимиром Соловьёвым, склониться уже у завесы, как – полные тайны фигурки на деревянном шкапу, что склоняются темнородными пятнами перепиленных суков из деревянных волокон, – как бы из-за складок»* [1:1097].

Ощущения юного Котика Летаева, складывающиеся в понятийно-образную систему мира, генетически связаны с основным местом действия – профессорской квартирой. Поэтому в повести важное место занимают сравнения, характеризующие различные предметы. Такие сравнения обладают одинаковым строением: они выражены сравнительным оборотом с союзом «как». Рассмотрим некоторые из них:

1) комната ассоциируется у героя с ширмой: *»Наши комнаты: коридор, кабинет, кухня; и – далее, далее; но – ещё есть комнаты; их*

убрали; и их расставляют, как **ширмы**» [1:1096]. В этом случае комната является неким переменчивым элементом интерьера. Внутреннее пространство растворяется в мире, абстрагируется и теряет вещественное, предметное значение;

2) сравнение-гипербола создаёт неожиданный и в то же время неповторимый художественный образ: *»Папы нет; папа в клубе: один; и все – в бесподобиях; переполохи в углах; и неприятности – под полом; и лишь один потолок в световых кружевах; комнаты, как ков-ши, зачерпнули за окнами мраку»* [1:1108]. Сравнение порождено небывалой детской фантазией: ночью комната наделяется некой мистической зловещей силой.

Совсем иную оценку несёт сравнительный оборот в следующем примере: *»Без глаз моргало мне в душу; и комнаты – как аквариум; окна – выходы в небывшее никогда; можно из них выплывать; и – черпать гармонию бесподобного космоса; память о памяти – такова; она – сладкий ритм»* [1:1136]. Здесь та же комната представляет собой пространство с созидательной силой. Она становится свидетелем и соучастником взросления героя.

Процесс его духовного созревания порождает неуёмно развившуюся фантазию: предметы оживают, наделяются человеческими качествами, чертами, отсюда становится возможным появление выразительных, оригинальных сравнений-олицетворений: *»...кружевные гардины, как веки, тишайшие нависли, как иней; смотрю: – и окнами, как – глазами, без слов отвечают мне стены»* [1:1154]. Сравнения-олицетворения вносят неповторимый эмоциональный колорит в художественный текст.

Наконец, обратимся к третьей тематической группе сравнений, которые выражают различные действия. Нами было выделено несколько сравнений-ироний. Прокомментируем их: *»Этот строй мне знаком; противопоставлен он рою; строй оковывал рой; строй – твердыня в бесстроице; всё остальное – течёт, как, например... дети Ветвиковы: притекают откуда-то к нам – колесить и дразнить. Всё это на меня налетит, обестолковит и схлынет»* [1:1100]. Сравнение-ирония относится к глаголу «течёт». Посетители квартиры вносят дисгармонию в мир главного героя. Фраза приобретает насмешливый, даже саркастический характер. Благодаря такому сравнению достигается экспрессивность и оценочность высказывания.

Индивидуальность и оригинальность А. Белого в подборе и употреблении сравнений демонстрирует следующий пример: *»В это время себя вспоминаю философом – ползая под столом, под подолом, под стулом – при нянюшке! – я не просто ползал, а – так сказать – с*

ударением, *как подобает ползать дельцу, побывавшему во всех передрагах; и – колесившему по пустотам*» [1:1102]. Использование разговорного существительного «делец» в соответствии с его семантическим значением способствует усилению эмоциональной окрашенности сравнения. Или ещё один пример: *»Ну-ка – буду- ка я кувыркаться! И ну-ка: на мамочку поползу, как болоночка, прямо к плюшевой туфельке – её нюхать; и, приложив ручку к спинке, лукаво виляю я маленьким хвостиком*» [1:1147].

В другом примере ситуация говорения ассоциируется с камнем, подчёркивается тяжеловесность слов. Фраза построена на приёме аллитерации (г /р), фонетический приём звукописи словно передаёт звучание: слова, как камни, с грохотом «слетают с кривогубого рта». Уподобление действий героя силе природы придает фразе особую выразительность: *»Голос Брабаго ужасен: грохотом головастых булыжников разбивался намгромкий брабажинский голос; и всякие «абры», «кадабры», бывало, как камни, слетали из кривогубого рта; разбивали толк в толоки; и толокли толчею*» [1:1120].

Подводя итоги нашим размышлениям над особенностями стилистического функционирования сравнительных конструкций в автобиографической повести «Котик Летаев», считаем необходимым заметить, что важная семантическая и стилистическая роль сравнений в этом произведении А. Белого не вызывает сомнений. Сравнения, как мы попытались показать, придают тексту произведения экспрессию, выражают оценку, передают отношение к лицу, предмету, явлению. Кроме того, сравнения дополняют структуру слов образными ассоциациями, а ассоциация, как отмечалось выше, стала основным художественным приёмом в творчестве А. Белого.

Список литературы

1. Белый, А. Котик Летаев / А. Белый // Белый А. Полное собрание сочинений : в 2 т. – М. : Альфа-книга, 2011. – Т. I.
2. Голуб, И. Б. Стилистика русского языка / И. Б. Голуб. – М. : Айрис-пресс, 1997.
3. Долгополов, Л. К. Андрей Белый и его роман «Петербург» / Л. К. Долгополов. – Л. : Сов. писатель, 1988.
4. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, И. Ю. Шведова. – 4 изд., доп. – М., 2010.

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ПРЕПОДАВАНИЯ ЯЗЫКА

ИНТЕГРИРОВАНИЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРОВЕДЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИЙ УЧАЩИХСЯ В РАМКАХ ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ (на фонетическом материале)

Д. Г. Карасева (Иваново, Россия)

дной современных образовательных проблем, препятствующих повышению качества обучения, является снижение общего показателя языковой культуры подрастающего поколения. Воспитание всесторонне развитой личности невозможно без формирования духовных ценностей, без повышения уровня языковой культуры школьников. Лингвоэкология как «стремительно развивающаяся область лингвистических исследований в области культуры языка и речи» [2: 293] призвана направить языковую личность ребенка на путь речевого совершенствования и формирования осознанного отношения к языку.

В современной лингводидактике принято говорить о лингвоэкологическом принципе в обучении, который является, по мнению ученых, «одним из основополагающих принципов современного языкового образования, поддерживающего ценностный подход в обучении русскому языку в аспекте экологии слова» [3: 154]. Данный принцип – часть лингвоэкологического подхода в обучении русскому языку, который, в свою очередь, направлен на решение проблем снижения общего показателя культуры и развития личности.

Развитие личности учащегося сегодня осуществляется при ориентации на компетентностный подход в образовании, который позволяет сформировать ряд компетенций у учащихся, реализующих полу-

ченные знания, умения и навыки на практике. Среди имеющихся компетенций [1], формируемых у учащихся в процессе обучения в рамках лингвоэкологического подхода, мы считаем необходимым выделить две: лингвистическую и культурологическую.

Кроме усвоения знаний науки о языке, развития умения мыслить аналитически, лингвистическая компетенция предполагает «целенаправленное формирование лингвистической рефлексии как процесса осознания школьником своей деятельности» [1: 24]. Иными словами, лингвистическая компетенция способствует развитию сознательного компонента мышления учащихся.

Культуроведческая компетенция позволяет рассматривать язык как средство взаимосвязи языка и истории народа, средство проявления национально-культурной специфики, а также как средство «приобщения к национальной культуре» [1: 28].

Бережное отношение к языку – проблема, решение которой находится в области формирования культуроведческой компетенции. Учащиеся должны приобрести также опыт эмоционально-волевого и ценностного отношения к миру, который в комплексе с опытом, сформированным лингвистической компетенцией, позволит повысить уровень общей их культуры, тем самым решить ряд проблем, которыми занимается лингвоэкология.

Таким образом, знания о материальной и духовной культуре (культуроведческая компетенция) должны рассматриваться сквозь призму системного представления о языке. Осознанное усвоение языковых фактов, явлений, правил способствует сознательному отношению к сопутствующему материалу, что способствует осознанному отношению к формированию правильной языковой среды, одного из центральных понятий лингвоэкологии.

В практике преподавания русского языка в школе интеграция культуроведческой и лингвистической компетенции может осуществляться при работе с фонетическим материалом урока, взятым из поэтических произведений.

На уроках фонетики может использоваться не только фонетический разбор слов, но и устный орфоэпический анализ с целью выявить закономерности использования того и иного варианта произношения, например, в поэтической речи. Задание может быть сформулировано следующим образом:

Прочитайте фрагменты стихотворения А. С. Пушкина «Зимняя дорога» и письма Татьяны из романа «Евгений Онегин».

...По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит...
(А. С. Пушкин «Зимняя дорога»)

...Но, говорят, вы нелюдим;
В глуши, в деревне все вам скучно,
А мы... ничем мы не блесним,
Хоть вам и рады простодушно...
(А. С. Пушкин «Письмо Татьяны к Онегину»)

Найдите в этих текстах однокоренные слова, которые произносятся по-разному. Прочитайте фрагменты правильно с точки зрения современных норм произношения. Объясните, с чем связано это различие в произношении.

При сравнении произношения однокоренных слов, использованных в стихотворении «Зимняя дорога» и в письме Татьяны Лариной из романа «Евгений Онегин», дети должны найти орфоэпические различия в произношении слов «скучной», «скучно». В первом случае произносится звук [ч'], что продиктовано соответствующей рифмой: ску[ч']ной – однозв[ч']ный. Кроме того, если обратиться к полному тексту произведения, то можно обнаружить, что все слова с сочетаниями «чн» данного стихотворения произносятся со звуком [ч']: сердце[ч']ная, доку[ч']ных и т.д. В слове «скучно» из второго фрагмента произносится звук [ш], так как образуется рифма: ску[ш]но – просто-ду[ш]но.

Таким образом, учащиеся, наблюдая над языковым материалом, придут к вопросу: «Почему у А. С. Пушкина встречаются оба найденных варианта?» Учитель в данной ситуации должен подвести детей к понятию «произносительная норма», рассказать об исторической изменчивости и, вследствие этого, вариативности литературных норм, а также о существовании двух видов литературного произношения в XIX в. – московского и петербургского.

Также учитель может сказать, что варианты произношения, отраженные в стихотворных строках, обусловлены биографическими фактами из жизни поэта, и попросить учащихся проанализировать некоторый подготовленный фрагмент биографии Пушкина.

Учащиеся обратят внимание на то, что стихотворение «Зимняя дорога» написано в 1826 г. под впечатлением от поездки из Пскова в Москву. В Михайловском Пушкин пребывал на протяжении почти двух лет, потому был подвержен влиянию петербургского произношения. А «Письмо Татьяны к Онегину» было написано в 1824 г., ко-

гда поэт приехал из южной ссылки в известное имение матери, возможно, поэтому в «Письме...» используется рифма, основанная на традиционном московском произношении.

В результате проведенной аналитической работы ученики актуализируют имеющиеся знания не только в области фонетики и орфоэпии, но и в области теории литературы (работа с понятием «рифма»), проанализируют фонетические особенности произведений и придут к выводу о важности произносительной нормы для нашей речи. Это самостоятельно выведенное заключение является важным шагом к осознанию проблемы бережного отношения к языку в рамках лингвоэкологического подхода в обучении.

Итак, взаимосвязанное развитие лингвистической и культуроведческой компетенций способствует осознанному отношению к слову и содействует формированию культурной языковой среды. Таким образом, при направляющей роли учителя материал любого раздела может иметь лингвоэкологическую направленность и способствовать развитию языковой личности школьника.

Список литературы

1. Обучение русскому языку в школе: учеб. пособие для студентов пед. вузов / Е. А. Быстрова, С. И. Львова, В. И. Капинос и др. ; под ред. Е. А. Быстровой. – М., 2004.
2. Скворцов, Л. И. Лингвистическая экология / Л. И. Скворцов, А. П. Сквородников // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сквородникова, Е. Н. Ширяева и др. – М., 2003. – С. 293–296.
3. Сотова, И. А. Экология слова в методическом аспекте: лингвоэкологический принцип обучения русскому языку / И. А. Сотова // Экология русского языка : материалы 4-й Междунар. науч. конф. – Пенза, 2011. – С. 154–157.

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ИЗУЧЕНИЯ ЭКОЛОГИИ ЯЗЫКА

Г. В. Кёзина (Пенза, Россия)

В современном языкознании активно обсуждается проблема биологической обусловленности языка в связи с открытием гена, отвечающего за работу многих частей речевого

аппарата и доказывающего генетическую обусловленность происхождения и эволюции языка [5]. Теория биологической обусловленности языка актуализирует экологический подход к его осмыслению и детерминирует ряд важных, на наш взгляд, аспектов изучения экологии языка.

Генетическая обусловленность происхождения и эволюции языка предполагает прежде всего имманентный (внутренне присущий чему-л., проистекающий из его природы) характер языковой эволюции на всех уровнях. Системный подход к языку, в частности, к его лексико-семантической системе, констатирует, что лексико-семантическая система является системой самоорганизующейся [3]. Это значит, что причины её развития лежат в самой системе, имманентны ей. Анализ лексико-семантической системы русского языка (семантических полей, лексико-семантических групп) показывает, что имманентный характер развития семантических подсистем языка проявляется в тщательном интралингвистическом отборе слов и их значений в истории языка. Степень «проницаемости» лексико-семантической системы, актуализация или архаизация её составных элементов детерминируется на фундаментальном уровне – на уровне развёртывающейся языковой программы. И это качество языка становится одним из конститутивных признаков его экологичности. Язык «сам охраняет себя», чем обеспечивает чистоту культурной среды.

Обратимся за примерами к русской лексике цвета. Нами был проведён анализ колористического пространства русских былин об Илье Муромце на материале 52 былин, взятых из 4 дореволюционных сборников [1, 2, 7, 8]. Для научного анализа было отобрано 60 традиционных цветообозначений, употреблённых около 900 раз. Анализ лексики цвета из былин об Илье Муромце показал, что лексика цвета носит базисный характер (в подавляющем большинстве исконно русская, широко отражена в русском фольклоре, входит в группу основных цветообозначений русского языка): 50 слов из 60 – слова с основами *бел-*, *желт-*, *зелен-*, *злат-* / *злач-* (*золот-* // *золоч-*), *красн-*, *кров(ь)*, *свет-*, *цвет-*, *рус-*, *сед-*, *серебр-*, *сер-*, *син(ь)*, *ясн-*, *темн-*. Образованные от перечисленных основ слова являются исконно русскими по происхождению, за исключением лексемы *злато* и образований от неё. В разных жанрах русского фольклора параллели с *золот-* и *злат-* очень распространены. Из заимствований выделим *злато* и образования от него, старославянские по происхождению, тюркское *алый*, последовательно употребляющееся в русском фольклоре, персидское *бурый*. Отметим, что цветолексемы *алый* и *бурый* употребляются всего по 1 разу, слова со старославянской основой *злат-* / *злач-* *златой*, *злато*, *златоверхий* и *злаченный* употребляются 36 раз. Искон-

но русские варианты *золото*, *золотой*, *золоченый* употребляются 98 раз. Интерес представляет также западнославянская форма *злочен*, указывающая на активность в русском былинном эпосе общеславянского гнезда с и.-е. корнем *zolt-. По этому факту можно судить о том, что во время создания былин славянские диалекты были ещё достаточно близки, при этом налицо ранняя обособленность восточнославянских и южнославянских рефлексов от западнославянских, проявляющаяся в их различной частотности. Былины об Илье Муромце относятся к древнекиевскому циклу. Считается, что былинный герой жил в XII веке и скончался в Киево-Печерском монастыре.

Кроме перечисленных трёх заимствований, отметим цветолексе-мы, образованные по русской словообразовательной модели от заимствованных слов: *бурушка*, *бурнастый* (от перс. *бурый*), *жемчужный* (от тюркск. *жемчуг*), *лазореv* (от араб. *лазорь*), *мраморный* (от греч. *мрамор*).

Примеры свидетельствуют о преобладании в тексте былин исконно русской базисной лексики с редкими вкраплениями заимствованных цветолексем (3) и образований по русской словообразовательной модели от заимствований (5). С одной стороны, представленная лексико-генетическая характеристика говорит о древности былинного эпоса, а также о раннем заимствовании ряда слов в русский язык, с другой, – свидетельствует о чистоте (неизменности, традиционности) русских фольклорных истоков.

Сравнение колористического пространства русских былин об Илье Муромце с колористическим пространством романа М. Ю. Лермонтова «Вадим» дало интереснейшие результаты, констатирующие интралингвистическую регуляцию как процессов пополнения лексического фонда языка, так и процессов отбора лексических единиц в истории языка. Для сопоставительного анализа из лермонтовского романа была отобрана традиционная лексика цвета – 83 цветообозначения. Апплицирование разновременных и разноисточниковых лексических пластов обнаружило полное совпадение базисной цветовой лексики. 50 из 83 цветолексем из романа М. Ю. Лермонтова – слова с теми же основами, что и в рассматриваемом былинном эпосе (там их тоже 50, разницу можно отметить лишь в количестве образований от основ). Сопоставление показало также увеличение заимствований и слов, образованных по русской словообразовательной модели от заимствований, в тексте романа: а) тюркск. *алмаз*, *жемчуг*, *буланный*, греч. *пурпур* и лит. *янтарь*; б) *фосфорический* (от греч. *фосфор*), *алмазный* (от тюркск. *алмаз*), *изумрудный* (от греч. *изумруд*), *лиловый* (от лат. *лилия*), *розовый* (от нем. *роза*), *туманный* (от тюркск. *туман*). Сравнение цветовых локусов выявило также группу цветолексем «но-

вого времени», не характерную для былинного эпоса: *багровый, багряный, глинистый, дымный, золотистый, малиновый, медный, небесный, огненный, ореховый, пламенный, полусветлый, полусиний, радужный, ржавый, серебристый, соломенный*.

Интересно отметить, что язык сохраняет не только базисный фонд, но и соотношение цветолексем в конкретных лексико-семантических группах. Так, группа синего тона в былинах представлена цветолексемами с основой *син(ь)*: *синенький, синь, синий*. В романе М. Ю. Лермонтова микросистема синего тона представлена словами *голубой* (5 употреблений) и *синий* (11 употреблений), *синеть* (1 употребление). Данное соотношение отражает историческую активность цветолексем *синий* по сравнению с *голубой*.

Итак, сравнение лексических пластов разных хронологических срезов (XII и XIX веков) показало «неприкосновенность» (возможно, традиционность) базисных цветообозначений русского языка. Их экологичность проявилась, в частности, в неизменности состава на протяжении семи веков. Перед нами яркий пример интралингвистической экозащиты слова.

Имманентность языковой эволюции обеспечивает языку определённую независимость, непроницаемость семантических полей (в данном случае – поля цвета): язык без нужды не создаёт своё и не «пускает чужое» слово. Однако при этом он оказывается проницаемым и открытым на другом – информационно-полевом уровне: язык «запоминает» не только смыслы, но и состояния, переживания его носителей, аккумулирует и передаёт эту информацию в многовековом потоке времени через фольклор и классическую литературу. Именно поэтому слово (устное и письменное) заставляет переживать: плакать, смеяться, вдохновляет на высокие помыслы и смелые поступки. Здесь антропоцентричность языка проявляется прежде всего в том (и это очень важно при осмыслении проблем экологии языка), что язык передаёт человеческую мысль, озвученную, неозвученную, выраженную в знаке, и состояние человека, сопровождающее (сопровождавшее) эту мысль. Передавая разные вибрации, слово воздействует на слушателя (читателя), влияя положительно или отрицательно на всё живое. Сказанное прекрасно иллюстрируется опытами по изучению свойств воды, проведёнными японским учёным, доктором нетрадиционной медицины, создателем Мирового института тонкой энергии в Цюрихе Масару Эмото. Как люди, так и вся наша Вселенная, на 70 процентов состоит из воды. Мысль и слово, воздействуя на людей, на весь живой мир, влияют непосредственно на кристаллы воды, из которой всё состоит. Суть научных экспериментов Масару Эмото в фотографировании кристаллической структуры воды при мгновенной

заморозке. Воды «говорили» разные слова («извини», «ненавижу тебя» и другие), давали «послушать» музыку (Баха, Шопена, тяжёлый рок), на чашки с водой наносили иероглифы, обозначающие слова и имена известных людей: «любовь», «надежда», «душа», «Мать Тереза», «Гитлер» и другие. В каждом случае фотографии кристаллов воды были разными. Учёные активно искали слово, лучшим образом очищающее и облагораживающее воду. Многочисленные эксперименты показали, что оно не одно, это сочетание слов – «любовь и благодарность». Именно это сочетание привело к появлению самого красивого кристалла. В книге «Послания воды. Тайные коды кристаллов льда» доктор Эмото пишет: «Это был самый красивый и изысканный кристалл из всех, что я видел до сих пор, – кристалл, образованный под воздействием слов «любовь и признательность». Казалось, будто вода радовалась и ликовала, создавая пышно распусившийся цветок. Это было настолько прекрасно, что я могу сказать – с этого момента вся моя жизнь переменилась. Вода научила меня понимать тонкости человеческой души и то влияние, которое «любовь и признательность» могут оказывать на мир» [6]. По мнению учёного, «слова обладают силой», и эта сила (положительная или отрицательная) беспрепятственно воздействует на всё живое. Природой не предусмотрена защита от разрушительной силы слова. Слова «с отрицательным зарядом» негативно влияют не только на отдельного человека, но и на общество в целом. «И чем больше я видел людей, испытывающих (физические) страдания, тем больше убеждался в том, что болезнь – это не только личная проблема, но и результат деформации общества в целом», – утверждает доктор Эмото.

Вот почему, на наш взгляд, важной гранью антропоцентричности языка и условием его экологичности становится ответственность человека за то, как и о чём он думает, и за то, как и о чём он говорит. Речь идёт не просто о сдерживании грубости, а о сознательном культивировании светлых и добрых вибраций, от которых, как цветок от лучей солнца, будет «распускаться» человеческая душа. Проблема экологии языка органично связана с проблемой экологии души отдельного человека, экологии общества в целом. И во власти людей решить такую проблему.

Во всех религиях (разные молитвы в эксперименте доктора Эмото давали одинаково красивые и правильные, шестигранные, кристаллы) последовательно проводится идея «смирения себя» с целью создания духовно чистого и духовно богатого общества. Святой Серафим Саровский писал: «Оскорбления от других должно переносить равнодушно, как бы они не до нас касались. Если же невозможно, то, по крайней мере, надобно удерживать язык – по глаголу Псалмопевца: «Смятохся и не глаголах» [4:647].

В связи со сказанным качественно новое осмысление приобретает проблема читаемости в России и в качественно новой роли выступает русская классическая литература, которая, наряду с духовной литературой, сохраняет и передаёт нравственные начала как отражение многовекового исторического и культурного опыта русского народа.

Итак, развитие науки и эволюция человеческой мысли естественно открывают перед исследователем экологии языка новые аспекты, активно и органично включая лингвоэкологические проблемы в общенаучную проблематику.

Список литературы

1. Авенариус, В. П. Книга о киевских богатырях: Свод 24 избранных былин древнекиевского эпоса / В. П. Авенариус. – СПб., 1876.
2. Беломорские былины / сост. А. Марков. – М., 1901.
3. Блауберг, И. В. Проблема целостности и системный подход / И. В. Блауберг. – М., 1997.
4. Дивный Свет. Дневниковые записи, переписка, жизнеописание / сост. Монахиня Нектария (Мак Лиз). – М., 2012.
5. Иванов, Вяч. Вс. Об эволюции переработки и передачи информации в сообществах людей и животных / Вяч. Вс. Иванов // Вопросы языкознания. – 2008. – № 4. – С. 3–14.
6. Масару Эмото. Послания воды. Тайные коды кристаллов льда / Масару Эмото. – URL: // http://www.koob.ru/emoto/the_hidden_messages_in_water.
7. Миллер, В. Ф. Былины новой и недавней записи из разных местностей России / В. Ф. Миллер. – М., 1908.
8. Сборник Кирши Данилова. – СПб., 1901.

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ НА УРОКАХ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ФОРМА ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКОВЫМ ФАКТАМ (к постановке проблемы)

Г. В. Кёзина, Н. И. Никишева (Пенза, Россия)

Экология языка предполагает прежде всего разноисточниковую аккумуляцию языковых фактов и их актуализацию в любой период развития языка. Аккумуляцией языковых

фактов занимается сам язык, будучи самоорганизующейся системой. Актуализация же исторической памяти языка осуществляется учителем благодаря методу актуального историзма. Метод актуального историзма предполагает обращение к истории тех или иных фактов языка (исторический комментарий) и является эффективной формой экологического подхода к его изучению. Предметом школьного изучения является современный русский литературный язык, а история русского языка как специальная дисциплина в программы средней школы не входит, однако учителю-словеснику постоянно приходится комментировать факты современного русского языка с целью показать его как развивающуюся систему.

Лингвисты и методисты XIX в. (Ф. И. Буслаев, Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов и др.) настойчиво стремились связать преподавание русского языка в школе с его историей. Однако историзм как один из принципов преподавания получил всеобщее признание лишь в советской школе. Это отражено в Постановлении ЦК ВКП (б) от 25 августа 1932 г., в котором говорится о необходимости «значительно усилить элементы историзма в программах по обществоведению, по языку и литературе, географии, иллюстрируя основные разделы и темы этих дисциплин необходимым фактическим материалом, историческими экскурсами и сравнениями» [7, 162].

Знание исторических процессов в развитии русского языка необходимо учителю-словеснику. Обучая школьников современным языковым нормам, учитель должен сам хорошо знать процессы их становления, их историческую обусловленность, а также тенденции развития как истории русского языка, так и современного русского языка. Без этих знаний невозможно сознательное и успешное преподавание такого важного и трудного школьного предмета, каким является русский язык.

Необходимость для учащихся разноуровневых исторических экскурсов и сравнений при изучении родного языка не вызывает сомнений. Знание исторических процессов помогает школьникам сознательно усваивать учебный материал и показывает, что современные нормы языка являются результатом длительного процесса его развития и совершенствования.

При отборе материала для исторического комментирования главное внимание должно уделяться его практической направленности. При обучении современному русскому языку необходимо привлекать только такие исторические сведения, которые освещают процесс развития языка, объясняют внутреннюю логику и обусловленность существующих теперь лексических, грамматических и орфографиче-

ских явлений. При этом в центре внимания учителя должен быть один из важнейших принципов дидактики – доступность, учет возрастных особенностей и уровня развития учащихся данного класса.

Исторический комментарий необходим для более глубокого осмысления учебного материала по русскому языку. Его использование помогает учителю изложить историю двойственного числа у всех изменяемых частей речи, разнообразие глагольных временных форм, происхождение современной формы прошедшего времени, а также причастий и деепричастий.

Преподавание русского языка в школе зачастую оказывается направленным на решение сугубо практических задач – повторение и систематизацию правил орфографии, пунктуации и грамматики и составление письменного высказывания на основе прочитанного текста, на заданную тему и т.п. Сам же язык как развивающаяся система знаков, каждый из уровней которой с течением времени претерпевает ряд значимых изменений, остается за рамками школьного обучения. Однако интерес к истории тех или иных языковых явлений у учащихся есть. Об этом свидетельствует внимание учеников к псевдонаучным толкованиям слов, излагаемым в любительских сочинениях или телевизионных передачах. Академик А. А. Зализняк называет это явление «любительской лингвистикой» и связывает интерес к нему с недостатком школьного преподавания русского языка: «Школьная традиция, к сожалению, такова, что все такие вопросы остаются за рамками обучения. В школе обучают грамматике, орфографии родного языка и элементам иностранного, но не дают даже самых первоначальных представлений о том, как языки изменяются во времени» [5, 8].

Высказанная А. А. Зализняк мысль подтверждает необходимость обращения на уроках русского языка к проблемам его исторического развития и отражения этого развития в современном русском языке – в разных его источниках и на разных уровнях.

Применение сравнительно-исторического метода возможно в виде экскурсов в историю русского языка, сопоставления процессов и фактов, отразившихся в русском и родственных ему языках. Включение в урок русского языка исторической информации не только способствует подготовке учащихся к олимпиадам, но и содействуют общему развитию, расширению историко-лингвистического кругозора, ведет к более глубокому пониманию и осознанию языка как развивающейся системы. Кроме того, некоторые факты современного русского языка невозможно объяснить без обращения к его истории.

Каждый структурный уровень языка дает свой материал для анализа, которому соответствуют определенные виды заданий. Наиболее

полно исторической подход к изучению фактов современного русского языка может быть использован при изучении фонетики, орфографии, морфемики, лексики и морфологии [8].

Обращение к эволюции русского языка позволяет формировать у школьников более полное и, главное, ценностное представление о фактах родного языка, осознанное отношение к тем или иным языковым явлениям, способствует развитию языковой личности [3].

Исторический комментарий поможет учащимся сознательно усваивать учебный материал и покажет, что современные нормы языка являются результатом длительного процесса его развития и совершенствования, что язык – это не застывшая система, а исторически развивающееся явление [1].

Наиболее сложен исторический комментарий в области морфологического строя русского языка в силу абстрактности грамматических значений, передаваемых словоформами. Не все ученики могут определить время глагола и другие его грамматические значения; бывает, что у глаголов прошедшего времени определяют лицо, а у глаголов настоящего времени – род. Эти ошибки связаны с общим непониманием абстрактности языковых значений, с одной стороны, и незнанием исторической грамматики русского языка – с другой. Учащиеся вполне в состоянии усвоить, что современный глагол прошедшего времени – «осколок» древней формы (перфекта) – **азъ есмь зналъ, ты еси зналъ, онъ есть зналъ**, – где *зналъ* – именная форма, образованная от глагола, подобная имени существительному или прилагательному и поэтому изменяющаяся по родам и числам. Со временем люди для экономии языковых средств перестали употреблять глагол-связку *быть*, и в результате появилась современная форма прошедшего времени с суффиксом *-л-*, сохранившая именное значение рода и по происхождению являющаяся причастием прошедшего времени [6].

Исторический комментарий формирует не только лингвистическую компетентность школьников, но и осознанное восприятие ими языка, пробуждает любопытство, любовь к русской речи и – шире – к русской культуре.

В последние годы материал, комментирующий отдельные языковые явления разных уровней с исторической точки зрения, все активнее включается в школьные учебники. Например, в учебниках под редакцией М. М. Разумовской и П. А. Леканта систематически даются этимологические справки о значении и происхождении слов и фразеологизмов, излагается информация о сверхкратких гласных Ъ и Ь, об изменении с течением времени грамматических категорий у неко-

торых слов (например, рода у существительных), о наличии в древнерусском языке, наряду с единственным и множественным, двойственного числа и др.

Кроме того, разрабатываются специальные курсы, посвященные истории русского языка, причем не только для старшей ступени (см.: Баранов М. Т. Исторические комментарии к школьному курсу русского языка [2]), но и для 5-6 классов (см.: Дейкина А.Д. История русского языка как учебный предмет [4]).

Итак, важность исторического комментария на уроках русского языка неоспорима. Он не только способствует более глубокому и осмысленному изучению родного языка, но и показывает его истоки, соединяет прошлое и настоящее как в языке, так и в русской культуре в целом – а значит, является одной из важнейших форм сохранения языка в его исторических проявлениях, одной из ценнейших форм экологического подхода к фактам русского языка.

Список литературы

1. Айтенова, Н. Ж. Исторический комментарий на уроках русского языка / Н. Ж. Айтенова. – Астана : Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, 2012.
2. Власенков, А. И. Русский язык. Дидактические материалы. 10–11 классы / А. И. Власенков, Л. М. Рыбченкова. – М., 2010.
3. Гордеева О. Исторический аспект в школьном изучении русского языка (на материале пермских говоров) / О. Гордеева, В. Шенкман // Филологический класс. – 2004. – № 4. – URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/dotpub_4_78 (дата обращения: 14 февраля 2015 г.).
4. Дейкина, А. Д. История русского языка как учебный предмет / А. Д. Дейкина // Образование в современной школе. – 2003. – № 3. – URL: <http://school-education.ru> (дата обращения: 13.02.2015).
5. Зализняк, А. А. Из заметок о любительской лингвистике / А. А. Зализняк. – М., 2009.
6. Кадыкова, В. С. Исторический комментарий как один из приемов формирования языковой компетенции младших школьников / В. С. Кадыкова, М. В. Курышева // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2011. – № 10.
7. Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. – М., 1974.
8. Пелихов, Д. А. Элементы сравнительно-исторического метода на уроках русского языка / Д. А. Пелихов // Филологический класс. – 2011. – № 25. – URL: http://philolog.pspu.ru/module/magazine/dotmnum_15 (дата обращения: 14.02.2015).
9. Русский язык : учеб. для общеобразовательных учреждений / М. Т. Баранов, Т. А. Ладыженская и др. – М., 2003.

10. Уварова, И. Ю. Исторический комментарий на уроках русского языка как средство повышения качества обучения в общеобразовательной школе / И. Ю. Уварова // Материалы международных педагогических чтений. – URL: <http://www.wecomm.ru/structure/?idstucture=23> (дата обращения: 12.02.2015).
11. Штрекер, Н. Ю. Современный русский язык. Историческое комментирование : учеб. пособие для студентов филологического факультета высших педагогических учебных заведений / Н. Ю. Штрекер. – М., 2005.

ПРИНЦИПЫ РУССКОЙ ПУНКТУАЦИИ И СОВРЕМЕННАЯ РЕЧЕВАЯ ПРАКТИКА

Г. А. Никишина (Нижневартовск, Россия)

В основе русской пунктуации, как известно, лежат три основных принципа: 1) структурный (синтаксический), учитывающий синтаксическое строение предложения; 2) смысловой, отражающий содержательную значимость речи; 3) интонационный, предполагающий расстановку логических, смысловых, эмоциональных акцентов речи.

Теоретические основы русской пунктуации, базирующейся на смысловой стороне речи и ее структуре, заложены в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова: «Строчные знаки ставятся по силѣ разума и по его расположению и союзамъ. Запятая употребляется между реченіями одинакими, или и съ приложеніями и глаголами, къ одному принадлежащими: умъ, разсужденіе, смыслъ есть въ старыхъ людяхъ. Небеса великолѣпіемъ, земля плодородіемъ, море изобиліемъ повѣдаютъ славу Божию» [3: 62]

Дальнейшая разработка вопросов пунктуации представлена в трудах Н. И. Греча, А. Х. Востокова, И. И. Давыдова, Ф. И. Буслаева, Я. К. Грота, резюмирующего приоритет таких основных параметров русской пунктуации, как синтаксическое строение предложения и смысловые отношения между его частями. Объективной причиной такого выбора послужили особенности становления русской пунктуации, испытавшей на себе воздействие логической теории синтаксиса К. Ф. Беккера: В. И. Классовский противопоставлял русскую и немецкую пунктуацию, для которых характерно стремление отмечать большинство синтаксических конструкций, – французской, англий-

ской и итальянской, где эта черта отсутствует, но знаки препинания отражают смысловые нюансы [2: 406–407].

А. М. Пешковский и Л. В. Щерба в качестве главенствующего принципа пунктуации называют интонационный, что не нашло отражения в современной традиционной системе иерархии принципов пунктуации. В академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» отмечается: «Принципы действуют, как правило, одновременно. Но с точки зрения функциональной значимости они неравнозначны. В тех случаях, например, когда интонационное членение предложения не совпадает с его грамматическим членением, знаки подчиняются принципу семантико-синтаксическому, а интонация не принимается во внимание» [5: 175]. Н. С. Валгина указывает на отсутствие «...прямой и полной зависимости пунктуации от ритмомелодии, так как последняя всегда отчасти субъективна и индивидуальна, ... Пунктуация, построенная на такой основе, никогда не приобрела бы таких необходимых, социально значимых качеств, как стабильность и общепринятость» [1].

Причины трудностей в освоении пунктуационной нормы имеют объективно-субъективный характер, связанный как со сложностью указанных норм и особенностями современной языковой ситуации, так и с резким понижением уровня речевой культуры носителей языка, проявляющимся в том, что «выпускники нередко расставляют знаки препинания там, где их не должно быть, грубо нарушают правила пунктуационного оформления конца предложения. Наиболее частотные ошибки связаны с темами «Пунктуация в предложениях с вводными конструкциями», «Пунктуация в предложениях с однородными членами», «Пунктуация в предложениях, осложненных обособленными второстепенными членами», «Пунктуация в сложных предложениях, состоящих из нескольких частей» [9 :13].

Многочисленные примеры такой «авторской» пунктуации, основанной на принципе «мне так кажется», находим в публикациях студентов: *С 1 по 5 декабря, российских участников принимал координатор проекта ЯМК университет прикладных наук, г. Ювяскюля (Финляндия). Студенты **подготовили** творческие номера, **и приняли участие** в конкурсе угощений. 27 ноября 2014 года на кафедре документоведения и всеобщей истории состоялось **заседание** научно-методологического **семинара**, **под председательством** доктора исторических наук, профессора В. Н. Ерохина. **Ежегодно, в университете** проводится конкурс проектов на соискание персонального гранта ректора НВГУ для аспирантов очного отделения. И процесс ремиссии может быть довольно долгим, **однако, важно**, чтобы че-*

ловек сам хотел лечиться. **Сегодня, 12 января** в Волонтерском центре ЮГУ города Ханты-Мансийск проходит первый форум «Молодых журналистов Югры». Особая благодарность руководителям и сотрудникам ОАО «Варьеганнефть» и в частности главному энергетiku Вейнблату А. В. [4].

Таким образом, мы видим, что знаками препинания не отмечены синтаксические конструкции, выделение которых предписано пунктуационной нормой, либо неправильно определены их границы. Причиной этого является недостаточный уровень знаний и ослабление в массе пишущих внутреннего контроля над соблюдением правил правописания. Сегодня распространено извинительное отношение к ошибкам, студенты и выпускники вузов не испытывают чувства стеснения и стыда за допущенные ошибки.

Современная языковая ситуация характеризуется превалированием устной речи, монополия печатного слова, отражающая реалии прошлого века, сменяется возрастающей конкуренцией, можно сказать, экспансией устной речи. При воспроизведении устного текста на первое место выдвигается его ритмико-мелодический характер и эмоционально-экспрессивная окраска отдельных компонентов фразы или текста. Носители языка, вовлекаемые в стихию устной речи, сопровождающей их повсюду (радио, кинематограф, телевидение), усваивают интонационные особенности устной речи и переносят их на речь письменную. Пауза между подлежащим и сказуемым, типична для живой речи, в которой паузы приходится делать чаще, чем это соответствует знакам препинания на письме. Между тем приводим далеко не единичные примеры постановки знаков препинания на месте такой паузы: **Студенты гуманитарного факультета НВГУ, решили не отставать от своих коллег и тоже провели подобное мероприятие. Наркотические вещества, способны принести** некое временное «удовольствие» **тому, кто их употребляет, и настоящий кошмар в жизнь тех, кто находится рядом с такими людьми** [4].

В речевой коммуникации письменная речь, особенно принадлежащая научному, официально-деловому и художественному стилям, сдает свои позиции. Многие ошибки, в том числе и при выполнении заданий ЕГЭ, связаны с неумением учащихся правильно, не пропуская слова и не искажая их, прочесть текст задания. Неумение читать научные и художественные тексты обнаруживают и многие студенты. Закономерно, что они, воспитанные на интонациях устной речи, не слышат и не видят знаков препинания в речи письменной, не могут воспроизвести интонации книжной речи. Кроме того, ограничение интонационного разнообразия рамками только разговорного стиля

приводит к ослаблению интонационного слуха носителей языка, к сужению диапазона воспринимаемых ими интонаций, за пределами этого диапазона оказываются именно интонации книжной речи, релевантные для овладения пунктуационной грамотностью. Бессоюзное сложное предложение *Тренер нервничал, спортсмены проигрывали* предполагает разные варианты интонационного рисунка и как следствие – постановку запятой (при интонации перечисления), двоеточия (интонация пояснения), тире (интонация противопоставления, следствия). Диктующий должен передавать эту интонацию, а пишущий слышать и обозначать соответствующим знаком препинания.

Неусвоению пунктуационных норм способствует и резкое снижение интереса к чтению, включающее механизмы графического запоминания пунктограмм. Именно отсюда проистекает умение читающих детей расставлять знаки препинания, не зная правил.

В настоящее время отчетливо прослеживается тенденция стилистической вариативности пунктуационных норм, на что указывают авторы «Правил русской орфографии и пунктуации»: «...в текстах официально-деловых, научных знаки расставляются на семантико-синтаксической основе, в текстах художественных, публицистических и близких к ним по своему характеру активную роль приобретает также принцип семантико-интонационный» [5: 175].

Действительно, рекламные и публицистические тексты часто демонстрируют нерегламентированные варианты пунктуации: *Эдуард Радзинский – о любви к равенству; Владими Легойда – о добрых делах, роли женщины и Украине; Андрей Дементьев – о необходимости помнить все; Михаил Жванецкий – о согласии с Западом, футболе и вине Дмитрий Харатьян – о подарках и депрессии; Анатолий Гладilin – о том, почему Запад нас не слышит; Дешевая водка – только паленая? Один – не значит одинок; Проблемы города – типичны, «изюминки» – свои; Учить – примером; Дома – лучшие? 24 жертвы – минимум столько на счету этого изверга; Стипендии отменяют, а до пенсии – поди доживи* (заголовки из газеты «Аргументы и факты»).

В основе подобной авторской пунктуации лежит не структура членов предложения и их морфологическая характеристика, а актуальное членение, то есть членение на тему и рему, на границе которых стоит разделительное тире, обозначающее коммуникативную композицию высказывания. Некоторые исследователи считают, что пунктуационную норму следует рассматривать как коммуникативно-прагматическую, по их мнению, полный отказ от коммуникативного начала невозможен, поскольку это противоречит назначению пунктуации [8: 275]. Вместе с тем необходимо понимать, что использование

коммуникативного принципа возможно при безупречном или хотя бы хорошем уровне знания школьной программы, при существующем сегодня уровне знаний выпускников школы и вуза следование этому принципу может привести к хаосу, вседозволенности и торжеству невежества.

Законы коммуникации активно вторгаются в сферу пунктуации. Например, сегодня в качестве газетных заголовков широко распространены вопросительные предложения, критерии выбора вариантов пунктуационного оформления таких структурно близких предложений не всегда однозначны и корректны, употребление или неупотребление вопросительного знака определяется только интонационным выбором автора:

1. Хоккей из Югры не уйдет (*От чего зависит судьба команды?*); Аховые цены (*Как жить, когда все дорожает?*); Что волнует горожан?; Нелетная погода (*Как сберечь перевозчика?*).

2. Выживем в кризис с малым бизнесом (*Чем рискуют и на что надеются молодые предприниматели, открывая свое дело*); Праздник: инструкция к применению (*Как не навредить организму за 11 дней*); Киев хочет взять реванш? (*Кто заложил мину под мирные переговоры на Украине*); О чем поют птицы счастья? (*Кто и зачем сочиняет сомнительные прогнозы*); Как похудеть навсегда; Чем порадовать гостей (заголовки из газеты «Аргументы и факты»).

В академическом справочнике «Правила русской орфографии и пунктуации» под редакцией В. В. Лопатина отсутствует информация, регламентирующая постановку знаков препинания в подобных случаях.

Лингвисты не всегда готовы дать своевременный и аргументированный ответ на вопрос «ставить/не ставить» и «почему». Пример тому общее место, связанное с ответом на вопрос: *нужна ли запятая после слов «С уважением» в конце делового письма?*

Сайт gramota.ru дает следующий ответ: после слов «С уважением» принято ставить запятую, несмотря на то что правила правописания не регламентируют этот случай [6].

У авторов учебного пособия «Основы делопроизводства и язык служебного документа» (Ростов н/Д, 2007) совершенно противоположная позиция: «В современной деловой переписке закрепились **устойчивая пунктуационная ошибка** (выделено мною. – С. Н.), которую нельзя оправдать и объяснить никакими правилами правописания: после слов *с уважением* обычно ставят запятую перед названием должности лица, подписывающего документ. Хотелось бы напомнить, что существующая ныне короткая фраза вежливости образовалась из пространственной и витиеватой фразы (без знаков препина-

ния), завершавшей письмо несколько столетий назад: *с величайшим почтением (уважением) имею честь пребывать Вашего благородия покорнейший слуга (имя, фамилия)*. Сегодня же из этой сложной фразы мы используем лишь *С уважением (подпись)* [10:268].

Составитель письма должен сам принимать решение ставить или не ставить запятую. Вот мнения, представленные на форуме сайта **sekretar-info.ru** (даются с сохранением авторской орфографии и пунктуации):

*Кстати на семинаре для помощников (Москва) нам четко было сказано, что **данной запятой не место в деловой переписке**.*

Ольга, согласна с Вами, грамотно, выражая уважение ставим запятую.

Запятая ставится, правила нет. Как мне когда-то ответили на сайте gramota.ru, «запятая в данном случае ставится в соответствии с русской эпистолярной традицией».

«Апофигеем» этого спора с полным правом можно считать реплику: *А я буду ставить запятую после «С уважением», и никто мне не запретит* [7].

Таким образом, можно сделать вывод, что общие тенденции современной речевой практики часто не соответствуют кодификационным требованиям. Разрыв между нормой и ее реализацией в письменной речи объясняется усилением личностного начала, коммуникативно-прагматическими характеристиками высказывания, связанными со стремлением смыслового акцентирования его компонентов и повышения информативности текста. Предполагаем, что перспектива развития пунктуационных норм лежит в сфере их стилистической дифференциации, учитывающей коммуникативно-иллюкитивные параметры речи.

Список литературы

1. Валгина, Н. С. Синтаксис русского языка. Синтаксис современного русского языка : учеб. / Н. С. Валгина. – М., 2000. – URL: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01/part-058.htm#i7278> (дата обращения: 02.03.2015).
2. Карапетян, Г. К. Пунктуация / Г. К. Карапетян, Б. С. Шварцкопф // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М., 1998.
3. Ломоносов, М. В. Российская грамматика / М. В. Ломоносов. – 5-е тисн. – СПб. : Имп. Акад. наук, 1788. – URL: http://feb-web.ru/feb/lomonos/texts/parallel/lom_1788.htm (дата обращения: 02.03.2015).
4. Нижневартковский государственный университет. – URL: <http://www.nggu.ru/> (дата обращения: 02.03.2015).
5. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. – М., 2014.

6. Справочно-информационный портал «ГРАМОТА. РУ». – URL: <http://www.gramota.ru/spravka/letters?rub=punct> (дата обращения: 02.03.2015).
7. Форум секретарей и административных работников. – URL: <http://sekretar-info.ru/topic/462/2/> (дата обращения: 02.03.2015).
8. Хакимова, Е. М. О пунктуационных ошибках в текстах современных российских журналистов / Е. М. Хакимова // Вестник Челябинского государственного университета. Филология. Искусствоведение. – 2011. – № 24 (239). – Вып. 57. – С. 274–276.
9. Цыбулько, И. П. Методические рекомендации по некоторым аспектам совершенствования преподавания русского языка (на основе анализа типичных затруднений выпускников при выполнении заданий ЕГЭ) / И. П. Цыбулько. – М. : ФИПИ, 2014. – URL: http://new.fipi.ru/sites/default/files/document/1412247322/russkiy_yazyk_n.pdf (дата обращения: 02.03.2015).
10. Шувалова, Н. Н. Основы делопроизводства и язык служебного документа / Н. Н. Шувалова, А. Ю. Иванова. – Ростов н/Д, 2007.

ALOJZEGO FELIŃSKIEGO WYKŁADY LITERATURY POLSKIEJ W KRZEMIĘNCU

Magdalena Patro-Kucab (Rzeszyw, Polska)

Rok 1803 przyniósł początek, przedsięwziętych przez Aleksandra I, reform oświatowych na Litwie i Rusi. Władca powierzył księciu Adamowi Jerzemu Czartoryskiemu, ówczesnemu ministrowi spraw zewnętrznych, kuratorstwo wydziału naukowego wileńskiego.

Wizytatorem szkół guberni wołyńskiej, podolskiej i kijowskiej został natomiast Tadeusz Czacki. Starosta nowogrodzki na polecenie ministra spraw zewnętrznych odpowiedział z zapałem. I mimo trudnego zadania, jego «dobra wola i gorąca a oświecona chęć służenia krajowi przełamie [napotkane na drodze – M.P.K.] trudności» [3: 13]; [zob. też na temat szkolnictwa w Krzemieńcu do 1805 r. uwagi Piotrowskiego [20: 35–38].

Czacki zamierzał stworzyć taki system szkolnictwa, który znalazłby odzwierciedlenie w praktyce. Miał przede wszystkim na uwadze użyteczność nauki oraz jej przydatność w życiu. Do współpracy zaprosił Hugona Kołłątaja, któremu należy przypisać rolę prawodawcy tamtejszej oświaty.

«Czacki [co podkreśla Wojciech Piotrowski – M.P.K.] nie był merytorycznie przygotowany do prac powierzonych mu przez Czartoryskiego. To, co dotyczyło organizacji szkolnictwa, a przede wszystkim planów związanych z powołaniem Gimnazjum Wołyńskiego, musiało być korygowane właśnie przez Kołłątaja. Piotrowski za Michałem Janikiem stwierdza na przykład, że wszystkie memoriały i plany [zob. 3: 18; 20: 44–47], dotyczące powołania szkoły w Krzemieńcu, napisane zostały przez Kołłątaja [20: 45]. Trzeba jednak przyznać Czackiemu, że nie poprzestawał jedynie na radach rektora Szkoły Głównej Koronnej, zwracał się również po pomoc do Ignacego Potockiego, Jana Śniadeckiego czy Stanisława Staszica [por. 3: 15].

Program edukacyjny Gimnazjum Krzemienieckiego został dokładnie przedstawiony w *Projekcie urządzenia gimnazjum wołyńskiego w mieście Jego Imperatorskiej Mości i wszystkich innych szkół w guberni wołyńskiej zaprowadzić się mających, podany do najwyższego zatwierdzenia od wizytatora nadzwyczajnego szkół trzech guberni: wołyńskiej, podolskiej i kijowskiej* [tytuł podaję za 20: 49], przygotowanym przez Czackiego i Kołłątaja. W planach nauczania zaproponowano przedmioty humanistyczne i matematyczno-przyrodnicze, z uwzględnieniem dyscyplin o zastosowaniu praktycznym (np. ogrodnictwo, połoźnictwo, weterynaria).

Od momentu konstituowania się nowej szkoły starosta nowogrodzki zabiegał o zatrudnienie w niej dobrych nauczycieli.

Jak zauważa Janina Chodakowska, «nauczyciele stanowili zespół bardzo wartościowy, obdarzony poczuciem misji, składający się z ludzi pracowitych, dbających o pozycję szkoły. Włożyli wiele pracy w zorganizowanie zaplecza dydaktyczno-naukowego [4: 19].

Czacki nie miał większych problemów z pozyskaniem kadry o kwalifikacjach do prowadzenia przedmiotów z zakresu nauk ścisłych, napotkał jednak trudności podczas kompletowania zespołu humanistów [zob. 6: 31]. Stanowisko nauczyciela języka polskiego kolejno proponował: Ludwikowi Osińskiemu, Janowi Kruszyńskiemu, Samuelowi Bogumiłowi Lindemu, Krzysztofowi Celestynowi Mrongowiuszowi. Jednak wciąż spotykał się z odmową [20: 48–49].

Należy jednocześnie podkreślić, że język polski w programach miał być obecny jako przedmiot nauczania, ale także jako język wykładowy (mimo wyraźnego nacisku ze strony reformatorów na naukę języków obcych).

Hugo Kołłątaj twierdził na przykład, że «[...] mowa ojczysta nie mając nic więcej czerpać z obcej, powinna sama wystarczyć do rozszerzenia nauk wyzwolonych i umiejętności, powinna zbliżyć ludzi do poznania tej prawdy, iż naród prawdziwie oświecony nie potrzebuje

osobno uczonego języka i że mu jest dość (tak jak niegdyś było u Greków i Rzymian) na własnej mowie. Nie chodziło tu tylko o «narodowe powiązania», ale o rzetelną potrzebę oświecenia: bo chcąc to oświecenie jak najbardziej upowszechnić, należy dawać nauki w języku ojczystym [25: 276].

Krzemieńscy reformatorzy w ten sposób nawiązywali do poglądów wypracowanych przez Komisję Edukacji Narodowej, które następnie podjęło Towarzystwo Przyjaciół Nauk.

Obok polszczyzny równie ważne miejsce w programie zajmowała historia literatury. W Gimnazjum, a następnie Liceum Wołyńskim od 1805 roku do roku 1820 aż czterech nauczycieli było odpowiedzialnych za nauczanie języka polskiego i łaciny, wymowy i literatury oraz literatury i starożytności. Należeli do tej grupy: Alojzy Osiński (1806–1823), Euzebiusz Słowacki (1807–1811), Kazimierz Olędzki (1805–1828) oraz Alojzy Feliński (wrzesień 1819–luty 1820) [20: 135].

Wspomniany Wojciech Piotrowski wyjaśnia, że każdy z nich realizował własny program nauczania, co wiązało się z różnym wiekiem profesorów, a także stanem ich wiedzy (ze względu na posiadane wykształcenie) z zakresu wykładowanego przedmiotu [20: 136].

Alojzy Feliński wraz z Osińskim i Olędzkim należeli do grupy starszych wykładowców. Autor *Barbary Radziwiłłówny*, jak pisze Andrzej Krzysztof Guzek, odrzucił togę profesora warszawskiego uniwersytetu i zamienił ją na mundur profesora krzemienieckiego [13: 205]. Mogło zdecydować o tym kilka czynników: dojrzały wiek poety, rodowód wołyńsko-poleski oraz silne związki ze swoją prowincjonalną ojczyzną, w końcu pamięć o Tadeuszu Czackim [13: 204].

Przypomnijmy, że na temat kursu prowadzonego przez Alojzego Osińskiego szczegółowo wypowiedział się Zbigniew Jerzy Nowak [17: 332–334]. Podczas zajęć profesora uczniowie poznawali literaturę przy okazji ćwiczeń językowych, a zatem utwór stanowił bazę dla zadań gramatyczno-lingwistycznych i retorycznych. Dodajmy, że Osiński przygotowywał także syntezę literatury, której nigdy nie ukończył [20: 137].

Nie można oczywiście pominąć udziału Euzebiusza Słowackiego, jaki wywarł on na kształtowanie literackich poglądów uczniów krzemienieckiego Gimnazjum w pierwszym okresie funkcjonowania szkoły.

Jednak w tym czasie nowatorski program proponuje tak naprawdę dopiero Alojzy Feliński, który przygotował indywidualny plan nauczania – *Wykład sposobu, jakim dawane być mają lekcye literatury polskiej w Krzemieńcu* [pierwsza publikacja 10: 230–247].

Już we wstępie do kursu literatury profesor określa cel licealnych wystąpień, jak i samą metodę rozbioru dzieł (oznacza to, że przygotowywał się do nowej roli i traktował ją poważnie). Wybrał dla siebie metodę dydaktyczną, na którą składały się trzy etapy pracy uczniów: rywalizacja, pomoc oraz ciągła, wzajemna kontrola uczniów. Ponadto Feliński starał się nadać cyklowi wykładów odpowiednią chronologię, eksponując przede wszystkim literaturę czasów stanisławowskich oraz epoki porozbiorowej [zob. 13: 207–208; 20: 139–141].

Na samym początku profesor, o czym była już mowa, wyraźnie zdefiniował cele lekcji literatury ojczystej, biorąc pod uwagę przyszłe zawodowe perspektywy uczniów. Feliński miał zatem nadzieję, że część jego wychowanków zdecyduje się na zawód literata i zapewne dlatego z jednej strony zamierzał wskazywać utalentowanym uczniom właściwe drogi rozwoju, z drugiej zaś udzielał przestróg, dzięki którym mieli oni nie zboczyć z dobrej drogi, pisał bowiem: «aby [...] część uczniów przeznaczona od natury na pisarzy, poetów lub mówców, znajdując zachęcenie, podniety i pomoc do rozwinięcia swoich wyższych talentów, znalazła razem potrzebne przestrogi do unikania obłąkań wybujałej imaginacji [...]» [11: 227].

Jednak swój kurs literatury narodowej kierował głównie do tych, którzy w przyszłości wybiorą zawód nauczyciela. Pragnął przekazać im nie tylko wiedzę, ale przede wszystkim nauczyć samodzielnego myślenia i sądzenia, a także zamierzał wyrobić w nich gust estetyczny [zob. 15: 22], dlatego twierdził: «aby [ci – M.P.K.] [...], którzy mają być [...] nauczycielami [...] ukształcili w sobie gust w tem wszystkim, co się ściąga do wymowy i poezji [...]» [11: 227].

Felińskiego znamionuje jednak wielka elastyczność i perspektywiczność w myśleniu o literaturze. Ma świadomość, że część absolwentów Liceum nie wybierze drogi kariery, w której wiedza literacka miałaby odegrać rolę priorytetową. W tym przypadku profesor miał na uwadze konieczność wyrobienia przez wychowanków kultury literackiej, niezbędnej dla każdego wykształconego człowieka. Feliński dostrzegał także potrzebę praktycznego i użytecznego kształcenia, również w zakresie literatury, tym samym zbliżał się w swoich poglądach do, działającego nieco później na literacko-językowej płaszczyźnie, wykładowcy uniwersytetu w Warszawie – Kazimierza Brodzińskiego. Stąd autor *Barbary...* pisał: «Aby część ich najliczniejsza, mająca nie wyjść na literatów, ale na oficjalistów, obywateli, oficerów lub urzędników, umiała napisać [...] jasno, porządnie, przyzwoicie i dobrze po polsku list, raport, prośbę, dekret, mowę [...]» [11: 227].

W celu realizacji przedsięwziętych zamierzeń Feliński na pierwszym etapie kształcenia proponował wprowadzić dwojakie zajęcia: «Ćwiczenia szkolne» oraz «Ćwiczenia domowe». Podczas pracy w szkole uczniowie mieli zająć się czytaniem i interpretowaniem utworów polskich twórców. Na początek wzorcową prezentację wybranego tekstu przedstawiał profesor, po czym kontrolował interpretacyjne próby poczynione przez uczniów podczas lekcji, by na końcu skomentować prace domowe.

Felińskiemu zależało, aby uczniowie mogli osiągać jak najlepsze wyniki, dlatego po egzaminach dzielił ich na trzy grupy: słabszych, miernych i celujących. Tutaj proponował następujący rodzaj korepetycji: «[...] każdy uczeń celujący będzie miał przeznaczonych sobie dwóch lub trzech uczniów miernych, a każdy mierny dwóch lub trzech słabszych, z którymi będzie powtarzał lekcje, czytał i rozbierał wzory, na koniec prezierał, roztrząsał i poprawiał ich prace domowe. Tym sposobem każdy uczeń z dwóch wyższych rzędów będzie się doskonalił dwojako: raz biorąc, drugi raz dając lekcje: a każdy uczeń słabszy, mając zawsze oko nad sobą i potrzebną pomoc, nigdy się zupełnie nie opuści i choć z mniejszą korzyścią będzie mógł postępować z innymi» [11: 229].

Taki rodzaj przyporządkowania do grup nie był jednak ostateczny. W przypadku pracy i poprawy wyników uczniowie mogli przejść na poziom wyższy lub odwrotnie – po zaniedbaniu ćwiczeń, obniżali swój stan wiedzy i zostali umieszczeni w zespole o niższych kwalifikacjach.

Szczególną rolę na tym etapie nauczania miały pełnić ćwiczenia domowe. Co interesujące, Feliński do samodzielnej analizy wybierał nie tylko utwory *stricte* literackie (głównie klasycystyczne, np. dzieła Ignacego Krasickiego), ale także artykuły pochodzące z «Monitora» oraz fragmenty pamiętników.

Ważnym etapem kształcenia stawały się samodzielne przekłady dzieł autorów klasycznych na język polski, a następnie ćwiczenia komparatystyczne – porównywanie translacji uczniów z tłumaczeniami mistrzów – polskich poetów i pisarzy.

Poetyka, zgodnie z duchem i kierunkiem szkół oświeceniowych, sankcjonowanym przez Komisję Edukacji Narodowej, służyła poznaniu literatury, dostarczała narzędzi do opisu i zrozumienia utworów literackich. A zatem w formie kształcenia zaproponowanej przez Felińskiego obok poetyki normatywnej ważną rolę odgrywała także krytyka literacka.

Poza analizą krytyczną wybranych dzieł oraz próbami translatorskimi uczniowie podejmowali samodzielny wysiłek pisarski w zakresie form wypowiedzi o charakterze użytkowym (prośba czy list). Co jednak znamienne, ćwiczenia pisarskie nie mogły dotyczyć wydarzeń fikcyjnych, lecz musiały pozostawać w zgodzie z rzeczywistością, czyli aktualnymi

problemami oraz potrzebami społecznymi, moralnymi i narodowymi ówczesnego świata. Feliński jako przedstawiciel klasycyzmu postaniskawowskiego stoi zatem na straży zasad wypracowanych przez teoretyków doby staniskawowskiej.

Ponadto najznakomitsze twórcze dokonania uczniów krzemienieckiego Liceum miały znaleźć realizację w formie publikacji na łamach dzienników krajowych, w ten sposób profesor stawał się nie tylko nauczycielem, ale i popularyzatorem dokonań swoich uczniów.

Po tym jak Feliński wyłożył sposób nauczania literatury polskiej, przechodzi do przedstawienia swoich uwag na temat samego kursu. Rozpoczyna od wskazania mistrzów retoryki i poetyki: Arystotelesa [1], Cyserona [5], Kwintyliana [16], Étienne’a Bonnet’a de Condillac’a [7], Jean’a François’a de La Harpe’a [8] czy Hugues’a Blair’a [2], których prace mają posłużyć słuchaczom do analizy zasad i zadań *ars rhetorica*. W dalszych partiach swej rozprawy kreśli także istotę nauczania wymowy i poezji, by w konsekwencji dać krótkie wyłożenie celu, rozkładu, sposobów, zalet i uchybień sztuki pisania i mówienia [20: 139].

Jednak w egemplifikacji wykładowca sięga także, co ważne w kontekście zagadnień «ekologii języka» [na potrzeby niniejszego artykułu korzystam z definicji zaproponowanej przez Włodzimierza Wysoczańskiego, który tłumaczy pojęcie jako tendencję skupiającą się na zagadnieniach pielęgnacji języka oraz troski o jego czystość, mając na uwadze także zagadnienie dbałości i popularyzowania narodowej kultury, a zatem także literatury 24: 64], po polskich osiemnastowiecznych teoretyków: Franciszka Karpińskiego [14], Filipa Neriusza Golańskiego [12], Grzegorza Piramowicza [21], Euzebiusza Słowackiego [23] czy Stanisława Kostkę Potockiego [22].

W swoich wykładach Feliński podkreśla wagę przepisów, reguł i zasad, jakie obowiązują w poezji i wymowie, jednak w szczególności podkreśla ich utylitarny charakter, zarówno pomoc dla piszących po polsku, jak i tych, którzy dokonują krytycznego osądu tejże twórczości.

Wypowiada się tutaj jako zwolennik teorii Johna Locke’a, nie zaś Hugues’a Blaire’a, pisze bowiem: «Co do rozkładu tego pisma: nie będę go dzielił (jak Bler), gdyż ten sposób przyjęty dla tej jednej tylko dogodności, że można dać każdej lekcyi rozciągłość prawie równą, ma tę wielką nieprzyzwoitość: że często łączy razem, co powinno być rozdzielone lub, co powinno być połączone rozdziela i przymusza do rozpoczynania każdej lekcyi od nudnego powtarzania, co było w poprzedzającej. Nie będę tem bardziej naśladował mnóstwo działów i podziałów scholastycznych, które próżno obciążając pamięć uczniów ćmią tylko ich pojęcie» [11: 231].

Przypomnijmy, że Blair sprowadzał gust do poczucia stosowności i przyznawał go jedynie wybrancom odznaczającym się talentem i znajomością niezmiennych zasad sztuki literackiej. Z kolei według Locke'a (*Rozważania dotyczące rozumu ludzkiego*, 1690), właściwa i pełna ocena utworu możliwa jest tylko dzięki bezpośredniemu kontaktowi z opisywanym tekstem [zob. 15: 20]. Nie można jednak mówić tu o przypadkowym oszacowaniu, bowiem surowym sędzią pozostaje w takim przypadku kategoria gustu, jak stwierdza Teresa Kostkiewiczowa, «kwestia stałości lub też zmienności dyspozycji służących poznawaniu i ocenie dzieła, jedność lub wielość stosowanych kryteriów wartościowania, związek gustu z innymi władzami umysłu, aktywizowanymi w procesie tworzenia i obcowania z dziełem, takimi jak np. rozum, wyobraźnia, talent, geniusz, czułość [...]» [15: 21].

Jednocześnie krytykując skomplikowaną metodę nauczania Blaire'a Feliński zaproponował własną: «Rozłożywszy całe dzieło tak, aby w krótkości zamknięto wszystko, co o sztuce pisania w wymowie i poezji najtrafniej powiedziano, a zatem, aby każdy chcący krytykować lub pisać znalazł bez trudności to, co ma za [w]skazówkę mu służyć, zamiarem jest moim, wziąć przed się samych najlepszych pisarzy polskich, w ich dziełach zbierać postrzeżenia nad językiem ojczystym, nad pięknościami i wadami stylu, ich przykładami wesprzeć i objaśnić prawidła sztuki pisania, okazać w czym nasi wyrównali obcym klasykom, w czym ich nie doszli, jakim sposobem późniejsi dójść ich mogą; pod każdym rodzajem pisma prozą lub wierszem wystawić krótką jego hystoryją i przypisy, wskazać wzory narodowe, naznaczyć ich rzetelną wartość przez porównanie z obcemi, lub w niedostatku krajowych, najlepsze obce przytoczyć [...]» [11: 231].

Uwagi sformułowane przez Felińskiego stanowiły przykład indywidualnego programu nauczania literatury narodowej, którego głównym celem była analiza i interpretacja utworu w formie możliwie najkrótszej, uwzględniającej przy tym dotychczasowe zdobycze *ars poetica* oraz *ars rhetorica*. Szczególną rolę w tych badaniach nad językiem, stylem i formą dzieł Feliński przypisał ćwiczeniom komparatystycznym. Miały one pomóc w dostrzeżeniu zarówno kunsztu, jak i niekiedy niewystarczającej doskonałości polskiej literatury.

Po omówieniu metody pracy z tekstem literackim przechodzi profesor do zagadnień z zakresu sztuki pisania, która – jego zdaniem – «dla wyższych talentów otwiera [...] pole do ważnych posług dla ojczyzny, a zatem to rzetelnej chwały. Wpierać się zawsze powinna na prawdzie i cnocie» [11: 233].

Umiejętność pięknego pisania, sztuki trudniejszej od innych [11: 233] uzależniał nie tyle od ludzkiego talentu, ile od gruntownej wiedzy,

zarówno zdobytej na polu naukowym, jak i – jeśli nie przede wszystkim – na drodze doświadczenia i poznania świata, a także dokładnego rozumienia podjętego tematu. Ponownie teoretycznym patronem swojego wywodu czyni Locke’a, «którego sposób uczenia szczegółowych prawideł języka i stylu był, zdaniem profesora, rzetelniejszy niż współczesnych gramatyków. Po raz pierwszy w tej kwestii program nauczania w szkole krzemienieckiej odchodził od zasad przyjętych przez Onufrego Kopczyńskiego w *Gramatyce*. Uwagę swą skupiał natomiast na praktyce pisarskiej» [20: 140].

Zapewne dlatego po raz kolejny Feliński nie pozostaje gołosłowny i sięga po przykłady znakomitych twórców: Jean’a Racine’a, Aleksandra Pop’a, Wiktora Alfieri’ego, ale także Tadeusza Czackiego, Ignacego Potockiego czy Hugona Kołłątaja i innych.

Odwołanie do dobrych wzorów w zakresie stylu wypowiedzi, miało – zdaniem Felińskiego – przyczynić się do opanowania poprawnej sztuki pisanie przez jego uczniów. Gramatyka, a tym samym język, z czasem zaś retoryka, stawały się «wstępem do sztuki pisanie». Ponadto profesor przejmował komparatystyczną metodę Jean’a François’a de La Harpe’a, czyli proponował porównywać przekłady tych samych dzieł przez różnych translatorów, najlepiej tworzących w odległych epokach (np. Tacyta przez Wojciecha Wijuka Kojalowicza i Adama Naruszewicza; psalmów Dawida przez Jana Kochanowskiego i Franciszka Karpińskiego; Tassa przez Piotra Kochanowskiego i Józefa Lipińskiego). Komparatystyczne praktyki miały także dotyczyć zestawień polskich twórców: Łukasza Górnickiego z Ignacym Krasickim czy Jana Kochanowskiego ze Stanisławem Trembeckim.

W konsekwencji ćwiczenia te miały za zadanie przede wszystkim ukazać «charakter naszego języka, jego różnice od innych, jego wyższość nad wszystkimi, które używają artykułów; zbiecie w tej mierze jednego pozornego zarzutu Blera; osobliwości naszego języka w składni, w obrotach mowy, w wyrzutniach, w mnóstwie przyimków i sposobie ich używania; jego sposobność pomimo brzmień twardych, do szyku harmonijnego [...]» [11: 234]. Dodajmy, że Feliński był autorem rozprawy pt. *Przyczyny używanej przeze mnie pisowni...*, w której podejmował kwestie wyjątkowości języka narodowego [18: 101–111; 19: 7–15].

Należy także wspomnieć, że w części rozprawy dotyczącej języka sporo miejsca poświęca Feliński elokucji, czyli formułuje mini traktat o przygotowaniu słownego kształtu wywodu. Zwraca tym samym uwagę na: przejrzystość wypowiedzi (trafność, dobre rozplanowanie, treściwość), jej jasność (unikanie wieloznaczności, prowincjonalizmów, terminów specjalistycznych, nadmiernej zwięzłości), zrozumiałość i stosowność wyrażania. Ponadto formułuje krótki akapit na temat form wypowiedzi, w

którym wyraźnie dokonuje rozróżnienia na mowę popisową, doradczą i sądową.

Dodajmy jeszcze, że w krótkiej części poświęconej pismom wierszem czynnikiem porządkującym i wartościującym uczynił profesor, podobnie jak jego klasycystyczni poprzednicy, kategorię gatunkową. Zapewne dlatego, że jego wykładom w zakresie estetyki dzieła literackiego oraz obowiązujących gatunków literackich patronowała *Sztuka rymotwórcza* Franciszka Ksawerego Dmochowskiego [9], najwybitniejszego kodyfikatora poglądów literackich w Polsce w osiemnastym stuleciu [20: 141].

Podsumowując podkreślimy, że wykłady znamionuje przede wszystkim dydaktyczny charakter. Gwoli ścisłości warto przypomnieć, że w ich przygotowaniu profesorowi patronowały pisma europejskich teoretyków literatury (m. in. Arystotelesa, Cyserona, Kwintyliana i Horacego, ale też La Harp'a, jak i wspomnianego powyżej Dmochowskiego).

Feliński przejął pewien ukształtowany model antyku, rozumiany jako zespół wzorów i źródeł reguł. Ich obserwowanie zdolne było zapewnić literaturze nie tylko właściwy, wysoki poziom artystyczny, ale równocześnie stwarzało ono poczucie jedności oraz możliwość wzajemnej komunikacji, w obrębie literatury narodowej i ogólnoeuropejskiej. Istniało bowiem powszechne przekonanie, że starożytni poeci osiągnęli pełną doskonałość. Jednak tej twórczej dojrzałości profesor nie odmawiał także polskim artystom i ich dziełom. Zalecał tym samym rozbiór doskonałych utworów z narodowego kanonu lektur. Ponadto dość śmiało sięgał po gatunki użytkowe, głównie wypowiedzi dziennikarskie. Ćwiczenia komparatystyczne pozwalały dostrzec ponadczasową doskonałość wypowiedzi (na przykładzie nie tylko europejskich, ale przede wszystkim polskich utworów) oraz zachodzące na płaszczyźnie języka narodowego przeobrażenia.

Feliński nie kwestionował dotychczasowego wzorca literatury, jednak poszukiwał dobrych przykładów także pośród dzieł polskich mistrzów.

Bibliografia

1. Arystoteles, 1988, *Retoryka, Poetyka*, przeł., wstępem i komentarzem opatrzył H. Podbielski, Warszawa.
2. Blair H., 1997, *Wykłady o wymowie i literaturze*, w: *Europejskie źródła myśli estetyczno-literackiej polskiego Oświecenia. Antologia wypowiedzi pisarzy francuskich, niemieckojęzycznych i angielskich 1674–1810*, oprac. T. Kostkiewiczowa i Z. Goliński, Warszawa, s. 644–657.
3. Chmielowski P., 1898, *Tadeusz Czacki. Jego życie i działalność wychowawcza. Zarys biograficzny z portretem Tadeusza Czackiego*, Petersburg. Życiorysy sławnych Polaków, nr 10.

4. Chodakowska J., 2004, *Gimnazjum i Liceum Wołyńskie w Krzemieńcu (1805–1832)*, w: *Krzemieniec. Ateny Juliusza Słowackiego*, pod red. S. Makowskiego, Warszawa, s. 8–27.
5. Cyceon Marek Tulliusz, 2010, *O mówcy*, przeł., wstępem i koment. opatrzył B. Awianowicz, Kęty.
6. Danilewiczowa M., 2004, *Życie naukowe dawnego liceum krzemienieckiego*, w: *Krzemieniec. Ateny Juliusza Słowackiego*, pod red. S. Makowskiego, Warszawa, s. 28–53.
7. de Condillac’a E.B., 1997, *O pochodzeniu poznania ludzkiego*, w: *Europejskie źródła myśli estetyczno-literackiej polskiego Oświecenia. Antologia wypowiedzi pisarzy francuskich, niemieckojęzycznych i angielskich 1674–1810*, oprac. T. Kostkiewiczowa i Z. Goliński, Warszawa, s. 224–231.
8. de La Harpe’a J.F., 1997, *Liceum, czyli kurs literatury starożytnej i współczesnej*, w: *Europejskie źródła myśli estetyczno-literackiej polskiego Oświecenia. Antologia wypowiedzi pisarzy francuskich, niemieckojęzycznych i angielskich 1674–1810*, oprac. T. Kostkiewiczowa i Z. Goliński, Warszawa, s. 424–432.
9. Dmochowski F.K., 1956, *Sztuka rymotwórcza*, oprac. S. Pietraszko, Wrocław, BN I, nr 158.
10. «Dziennik Warszawski» 1827, nr 28, t. 9 (wrzesień), s. 230–247. [tu: A. Feliński, *Wykład sposobu, jakim dawane byǳ mają lekcje literatury polskiej w Krzemieńcu (Rzecz wzięta z dzieł pośmiertnych Alojzego Felińskiego)*]
11. Feliński A., 1840, tegoż, *Dzieła*. Wydanie nowe, t. 2, Wrocław, s. 227–238. [tu: A. Feliński, *Wykład sposobu, jakim dawane być mają lekcje literatury polskiej w Krzemieńcu*]
12. Golański F.N., 1993, *O wymowie i poezji*, w: *Oświeceni o literaturze. Wypowiedzi pisarzy polskich 1740–1800*, oprac. T. Kostkiewiczowa i Z. Goliński, t. 1, Warszawa, 220–355.
13. Guzek A.K., 2004, *Krzemienieckie pół roku Alojzego Felińskiego*, w: *Krzemieniec. Ateny Juliusza Słowackiego*, pod red. S. Makowskiego, Warszawa, s. 200–211.
14. Karpiński F., 1993, *O wymowie w prozie albo w wierszu*, w: *Oświeceni o literaturze. Wypowiedzi pisarzy polskich 1740–1800*, oprac. T. Kostkiewiczowa i Z. Goliński, t. 1, Warszawa, s. 196–219.
15. Kostkiewiczowa T., 1997, *Myśl estetyczno-literacka w drugiej połowie XVII i w XVIII wieku. Główne problemy i kierunki przemian*, w: *Europejskie źródła myśli estetyczno-literackiej polskiego Oświecenia. Antologia wypowiedzi pisarzy francuskich, niemieckojęzycznych i angielskich 1674–1810*, oprac. T. Kostkiewiczowa i Z. Goliński, Warszawa, s. 9–28.
16. Kwintylian, 1951, *Kształcenie mówcy: księgi I, II i X*, przeł. i oprac. M. Brożek, Wrocław, BN II, nr 62.
17. Nowak Z.J., 1979, *Alojzy Osiniński*, w: *Polski słownik biograficzny*, t. 24, z. 2, Wrocław, s. 332–334.
18. Patro-Kucab M., 2014, *Ciąg dalszy sporu o «intruza gdańskiego», czyli Alojzy Feliński ripostuje Janowi Sniadeckiemu («Rozmowa w Zaciszy z powodu listu Pana Szczeropolskiego»)*, w: *Kultura mówienia dawniej i dziś*, pod red. M. Kułakowskiej i A. Myszki, Rzeszów, s. 101–111.
19. Patro-Kucab M., 2014, *Uwagi o «nienadwerężaniu narodowości języka polskiego» – «Przyczyny używanej przeze mnie pisowni» Alojzego Felińskiego*, [w:] *Ekologia języka*, pod red. E.N. Sierdobincewej, Penza, s. 7–15.

20. Piotrowski W., 2005, *Życie umysłowe Krzemieńca 1805–1832*, Piotrków Trybunalski.
21. Piramowicz G., 1993, *Wymowa i poezja dla szkół narodowych*, w: *Oświeceni o literaturze. Wypowiedzi pisarzy polskich 1740–1800*, oprac. T. Kostkiewiczowa i Z. Goliński, t. 1, Warszawa, 476–554.
22. Potocki S. K., 1995, *O wymowie i stylu*, w: *Oświeceni o literaturze. Wypowiedzi pisarzy polskich 1801–1830*, oprac. T. Kostkiewiczowa i Z. Goliński, t. 2, Warszawa, 292–370.
23. Słowacki E.T., 1995, *Teoria smaku w dziełach sztuk pięknych, O poezji w ogólności*, w: *Oświeceni o literaturze. Wypowiedzi pisarzy polskich 1801–1830*, oprac. T. Kostkiewiczowa i Z. Goliński, t. 2, Warszawa, 68–114.
24. Wysoczański W., 1999, *Ekologia języka jako dyscyplina heterogenicznego opisu języka*, «*Bulletin de la Société Polonaise de Linguistique*», fasc. 40, s. 63–76.
25. X.H. Kollątaja *Korespondencja listowna z Tadeuszem Czackim...*, 1844, oprac. F. Kajsiewicz, Kraków, t. 3.

ПРОБЛЕМА ПЕРИФРАЗИРОВАНИЯ¹ В КОНТЕКСТЕ ОБУЧЕНИЯ МОНОЯЗЫКОВОМУ АННОТИРОВАНИЮ И РЕФЕРИРОВАНИЮ В АСПИРАНТУРЕ (АДЪЮНКТУРЕ)

Е. И. Чопорова (Воронеж, Россия)

Обучение аспирантов основным способам компрессии текста на иностранном языке выделяется в отдельный программный блок, направленный на овладение обучающимися различными умениями чтения и письма в рамках определенной научной тематики, что подразумевает сформированность у аспирантов (адъюнктов) определенных компетенций в сфере адекватного понимания прочитанного, его осмысления и изложения в виде резюме, реферата, аннотации, сообщения или доклада по темам проводимого исследования [2].

При этом инструменты компрессии текста должны использоваться аспирантами как для *передачи* полученной или фактуальной ин-

¹ Здесь и далее используется термин Е. Л. Туницкой с написанием через «и» – «перифразирование» от «перифраза» как наиболее соответствующий лингвистическому содержанию данного понятия в отличие от словарного варианта «перифразирование» [1].

формации (т.е. для оформления услышанного или прочитанного посредством создания повествования, описания, рассуждения, уточнения и т.д.), так и для выражения собственных мыслей относительно предмета исследования (составление доклада, аннотации или аннотированного реферата собственной научной статьи, тезисов выступления и т.д.) с соблюдением требований адекватности реализации коммуникативного намерения, содержательности, логичности, смысловой и структурной завершенности, а также нормативности создаваемого высказывания.

Если в первом случае оценивается блок умений создающе-информативного чтения, т.е. навыки корректного определения круга рассматриваемых в тексте вопросов и основных положений, выдвинутых автором статьи, то при изложении какой-либо информации (своей собственной, либо извлеченной из первоисточника) определяется адекватность реализации цели дискурса, логика, смысловое наполнение и композиционная структура, жанровое соответствие и нормативность вторичного высказывания.

При этом знание основных лексико-грамматических конструкций изучаемого языка, структурно-грамматический и терминологический анализ текста обычно выделяются как отдельные сферы для изучения в рамках курса.

С нашей точки зрения было бы более верным объединить овладение лексико-грамматическими параметрами текста с развитием навыков всех видов чтения и письменного языкового оформления научного документа, так как именно правильное языковое перифразирование (на языке оригинала) представляет самую большую проблему для обучающихся и обучающихся в рамках образовательного процесса в аспирантуре (адъюнктуре) по предмету «иностранный язык».

Почему именно языковое оформление вторичного документа на языке оригинала представляет серьезные трудности для обучающихся?

Для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к лингвометодическим исследованиям, рассматривающим вопросы интерпретации текста.

Исследованию смысловых и языковых вопросов перевода в отечественной и зарубежной лингводидактике уделялось большое внимание в XX-м и XXI-м веке (G. Mounin, 1963; J.C. Catford, 1965; J. Levy, 1967; S. Bassnett, 1980, 2002; C. Fuchs, 1982; D. Seleskovitch, M. Lederer, 1984; P. Newmark, 1988; K. Reiss, 1989; M. Baker, 1992; E. Gentzler, 2001; И. И. Ревзин, В. Ю. Розенцвейг, 1964; Я. И. Рецкер, 1974; А. Д. Швейцер, 1973; Л. А. Черняховская, 1976; В. Г. Гак,

Б. Б. Григорьев, 1980; Л. С. Бархударов, 2008; В. Н. Комиссаров, 1990 и др.). Реферативный перевод, как один из вариантов письменного перевода и деятельности, связанной с компрессией текста, также долгое время являлся аспектом лингвометодических исследований (В. Н. Комиссаров, 1980; М. М. Коровкин, 1981, 2006; В. И. Соловьев, 1983; А. А. Вейзе, 1985, 1993; Г. А. Гарсия, 1992; Л. М. Ильченко, 1994; Н. Г. Барышникова, 2004; И. Артеменко, 2005; И. В. Полуян, 2011; и др.). Изучению монопольного реферирования, т.е. краткому передаче содержания текста на языке первоисточника, не уделялось должного внимания, так как подобный вид реферирования не был широко востребован в России до последнего времени. Электронный доступ к международным базам позволил российским ученым знакомиться с зарубежными источниками в оригинале посредством реферативных журналов (books of abstracts), а также возложил на них серьезную обязанность в виде владения умением краткого изложения сути собственных исследований в форме описательной аннотации на английском языке (abstract) для представления научных идей за рубежом и размещения сведений о публикациях в международных базах.

Современная методическая литература, обучающая основным видам компрессии текста на иностранном языке, в основном идентична и несколько расходится с современными исследованиями относительно способов и форм осуществления краткого изложения текста. В учебниках и учебно-методических пособиях по реферированию и аннотированию подробно представлен теоретический материал, раскрывающий основные понятия компрессии первоисточника, даются планы и алгоритмы составления аннотации и реферата, помещены списки вводных слов и выражений (речевые клише) на русском и английском языках, которые можно использовать для структурирования вторичного текста. Некоторые пособия также снабжены «логико-грамматическими лексическими единицами, характерными для английской научно-технической литературы» [3; 4], в то время как другие дополнены исторической справкой, правилами цитирования, наиболее употребительными частями речи в научной литературе [5].

В данных пособиях в первую очередь отсутствуют общепризнанные стратегии структурирования и визуализации информации (выделение опорных пунктов, составление информационной или мнемической карты, формализация и схематизация информации), способствующие системному представлению смысловой структуры первоисточника [6]. Важность развития умений структурирования информации тяжело переоценить, так как подобный комплекс навыков позволяет обучающимся овладеть приемами сохранения знаний в памяти

и их регулярного использования, выделения важного и второстепенного, систематизации прочитанного вне зависимости от языка оригинала.

Также в данной методической литературе системно не представлены стратегии обучения перифразированию, как одного из необходимых требований на этапе построения вторичного текста. Зачастую, аспирант или адъюнкт, достаточно хорошо владеющий иностранным языком и глубоко разбирающийся в тематике своего научного исследования, способен понять сложный текст на достаточно глубинном уровне, но не располагает достаточными знаниями специальных синтаксических закономерностей и лексических оттенков слова для адекватного языкового выражения на иностранном языке.

В данном случае появляются две основные проблемы, которые, с нашей точки зрения, необходимо преодолеть для успешного обучения монологической компрессии: обязательное символично-графическое представление смысловой структуры текста и ее последующая ревербализация [7] и формирование путей исключения языковой интерференции при перифразировании посредством обращения к специализированной зарубежной литературе, лингвистическим исследованиям, изучающим особенности построения и языкового наполнения оригинальных аннотаций, путем обучения аспирантов работе со специальными словарями, овладение обучающимися наиболее распространенными грамматико-синтаксическими конструкциями. Таким образом, в рамках обучения перифразированию, как важной составляющей процесса языковой компрессии, необходимо объединить важность реализации коммуникативного намерения и, так называемую, точность и правильность (ассигасу) высказываний при осуществлении изложения содержания первичного текста на языке оригинала.

Если вопрос символично-графического представления прочитанного достаточно глубоко изучен зарубежными и отечественными лингвистами (Л. П. Доблаев, 1982; К. Исикава, 1988; А. И. Новиков, Н. М. Нестерова, 1991; Е. С. Андреева, 2000), то проблемы перифразирования рассматриваются, в основном, зарубежными исследователями применительно к носителям языка, без учета языковой интерференции иностранных (русских и других) ученых, вынужденных составлять к своим статьям аннотации на английском языке.

Среди проблем перифразирования, затронутых зарубежными лингвистами прошлого века, которые являются актуальными и сейчас, необходимо назвать следующие:

1. Возможно ли действительно выразить один и тот же смысл различными языковыми средствами?

2. В каких случаях семантические различия, присутствующие в двух различных фразах, означающих практически одно и то же, можно признать незначительными?

3. Можно ли на основе лингвистического анализа выделить идентичные с точки зрения смысла взаимозаменяемые синтаксические конструкции [8]?

На последний вопрос попытался ответить создатель «трансформационной школы» Зелиг Харрис (Z. Harris, 1951, 1962), создав синонимичные синтаксические перифрастические схемы высказываний:

- The N1 V-ed the N2 A-ly.
- The N1 A-ly V-ed the N2.
- The N1's V-ion/ing of the N2 was A.
- The N1 was A in V-ing the N2 [8, 40].

Однако в процессе поиска семантической эквивалентности первичного и вторичного текстов нельзя забывать о личностной роли референта, как своего рода «толкователя» содержания первоисточника. Вторичный дискурс по определению будет субъективным, так как в нем помимо авторской позиции передается и точка зрения перифразирующего субъекта коммуникации. Именно референт осуществляет компрессию исходного текста, сохраняя наиболее значимую с его точки зрения информацию, направленную на определенного адресата речи, которого он сам же и моделирует.

Доказано, что при осуществлении реферирования первоочередную задачу представляет компрессия первичного текста с сохранением коммуникативной задачи (задач) во вторичном тексте. В связи с этим в наибольшей степени модифицируется композиция произведения и сокращаются второстепенные темы, в то время как основные (глобальные) темы должны передаваться референтом [9].

Следовательно, перифразирование должно осуществляться на последнем этапе процесса реферирования, как вторичное языковое оформление смысловой структуры первоисточника, а не как основной инструмент «компиляции» ключевых предложений из текста, предлагаемый многими современными учебниками.

Современные источники, направленные в основном на практические советы относительно перифразирования без опоры на какую-либо теоретическую базу, также могут быть использованы в процессе обучения, так как зачастую они основаны на богатом практическом опыте авторов.

Для осуществления перифразирования в такого рода «инструктивных» работах прослеживаются две основных рекомендации: синтаксическое перифразирование или изменение структуры предложения и «замена слов» (changing the words) или использование приема лексической синонимической замены [10; 11].

Таким образом, проблема перифразирования при монопольном аннотировании и реферировании должна рассматриваться комплексно, в тесной взаимосвязи с остальными этапами компрессии текста посредством обращения к различным перифрастическим приемам, основанным как на синтаксических трансформациях, так и на адекватных синонимических лексических заменах.

Список литературы

1. Туницкая, Е. Л. Лингвистический аспект реферативной деятельности / Е. Л. Туницкая, И. В. Скуратов // Вестник Московского областного государственного университета. Серия «Лингвистика». – 2009. – № 4. – С. 38–46.
2. Программа-минимум кандидатского экзамена по общенаучной дисциплине «Иностранный язык». – URL: <http://www.edu.ru/db/pke/Sb-2.htm>.
3. Маркушевская, Л. П. Аннотирование и реферирование : метод. рекомендации для самостоятельной работы студентов / Л. П. Маркушевская, Ю. А. Цапаева. – СПб. : ГУ ИТМО, 2008. – 51 с.
4. Шаповалова, Т. Р. Реферирование и аннотирование специальных текстов на иностранном языке : учеб.-метод. пособие / Т. Р. Шаповалова, Г. В. Титяева. – Южно-Сахалинск : Изд-во СахГУ, 2012. – 122 с.
5. Ильичева, Н. В. Аннотирование и реферирование : учеб. пособие для слушателей дополнительной образовательной программы «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» / Н. В. Ильичева, А. В. Горелова, Н. Ю. Бочкарева. – Самара, 2003. – 100 с.
6. Новиков А. И. Реферативный перевод научно-технических текстов / А. И. Новиков, Н. М. Нестерова. – М. : АН СССР, 1991. – 148 с.
7. Seleskovitch D. Interpréter pour traduire / D. Seleskovitch, M. Lederer // L'Information Grammaticale. – 1985. – V. 25, № 1. – P. 44–47.
8. Fuchs, C. Quelques réflexions sur la paraphrase dans les théories du langage / C. Fuchs // L'information Grammaticale. – 1980. – V. 6, № 6. – P. 37–44.
9. Туницкая, Е. Л. Лингвопрагматика реферирования / Е. Л. Туницкая. – URL: <http://jurnal.org/articles/2010/fill31.html>.
10. How to paraphrase a source. – URL: http://writing.wisc.edu/Handbook/QPA_paraphrase2.html.
11. Successful vs. unsuccessful paraphrases. – URL: https://writing.wisc.edu/Handbook/QPA_paraphrase.html.

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕВОДА

ЛИНГВОЭКОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОМУ ПЕРЕВОДУ

А. Г. Мажарова (Воронеж, Россия)

Современное переводоведение рассматривает перевод в качестве вторичного речевого произведения, которое создается переводчиком как новое единство формы и содержания [1:89] с учетом огромного количества разнообразных факторов – от собственно лингвистических до культурных, социальных, этических, политических, экономических и т.д. Одно из важнейших мест в этом множестве занимает лингвоэкология. Интердисциплинарный характер процесса перевода обусловлен прежде всего спецификой механизма моделирования действительности в человеческом сознании. Если рассматривать лингвоэкологию как науку о взаимосвязях языка и мышления, языка и объективной действительности, о влиянии языка на реальные события [4:8], то становится очевидным, насколько важны лингвоэкологические аспекты для достижения адекватности перевода в современном понимании.

Обучение переводу профессионально ориентированной литературы остается актуальной задачей для неязыковых вузов. Большинство учебников и учебных пособий, предназначенных для обучения иностранным языкам по различным специальностям высшего профессионального образования, лишь используют переводные приемы, являющиеся средством обучения. Но при этом практически во всех Примерных программах по дисциплине «Иностранный язык» для неязыковых вузов в качестве одного из заданий итогового экзамена фигурирует «перевод текста по специальности». Очевидно, что задачу обучения переводу невозможно решить с помощью малоэффективных методов (например, примитивное «прочитайте и переведите» или

упражнения на изолированный перевод терминологической лексики). Не способствует качеству обучения переводу и массовое использование зарубежных учебных изданий, рассчитанных на иноязычных пользователей без учета особенностей родного языка и менталитета. Сугубо лингвистический подход при обучении переводу (особенно в неязыковых вузах) до сих пор остается в арсенале многих преподавателей. Весь учебный процесс при этом сосредоточен на анализе соответствий оригинального текста и текста перевода. Подобная ситуация в определенной степени допустима при переводе технической литературы (без научной или научно-популярной составляющей), но совершенно не оправдана в гуманитарных сферах. Язык в юриспруденции, экономике, социологии, истории, политологии и т.д. является средством воздействия на общество в целом и на отдельную личность в частности. Грамотный перевод такого текстового материала может быть осуществлен только при наличии у обучающихся навыков извлечения, анализа, систематизации и передачи информации в сфере своей профессиональной деятельности, а также знаний о системных и функциональных свойствах национального языка (языка перевода). Все эти образовательные цели должны быть достигнуты с обязательным учетом лингвоэкологического аспекта, базирующегося на понимании того, что языки оригинала и перевода не являются замкнутыми системами, а языковые структуры не существуют в качестве отдельных единиц [3:294]. При таком подходе оптимальным направлением обучения переводу последнего десятилетия в российских вузах было использование интегративной модели, разработанной для программы дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации» [2]. Данная модель вывела на новый уровень обучение переводу в неязыковых вузах благодаря выделению в учебном процессе двух этапов: этапа понимания текста оригинала (аналитический этап) и этапа создания нового текста на языке перевода (синтезирующий этап) [1:90]. Во многих учебных действиях, выполняемых на каждом этапе, прослеживается лингвоэкологическая составляющая (например, учет культурно – исторического и социального контекста, анализ коммуникативной ситуации, отраженной в тексте, соотнесение семантики текста с личностными характеристиками автора оригинала и т.д.). На наш взгляд, активное развитие лингвоэкологии в последние годы может обеспечить существенное повышение эффективности процесса обучения переводу, если включить в состав обязательных учебных действий лингвоэкологический анализ. На первом этапе подразумевается анализ смысла оригинального текста на базе когнитивных умений и профессиональных знаний переводчика. На втором

этапе осуществляется лингвоэкологический анализ вторичного текста, т.е. текста перевода, на уровне сопоставления концептов и идентификации социальных, культурных и исторических контекстов.

Практическое применение лингвоэкологических аспектов в процессе обучения профессионально ориентированному переводу в неязыковом вузе является объективным фактором повышения качества высшего профессионального образования.

Список литературы

1. Гавриленко, Н. Н. Аналитический этап обучения профессионально ориентированному переводу / Н. Н. Гавриленко // Научно-методические основы формирования инновационной системы языковой подготовки в неязыковом вузе. – М. : ФГБОУ ВПО МГЛУ, 2014. – С. 89–99.
2. Гавриленко, Н. Н. Программа-концепция подготовки переводчиков профессионально ориентированных текстов / Н. Н. Гавриленко. – М. : Научно-техническое общество им. С. И. Вавилова, 2011. – Кн. 3. – 122 с.
3. Поликарпов, А. М. О роли сопоставительной лингвоэкологии в развитии интегративного переводоведения / А. М. Поликарпов // Экология языка : материалы 5-й Междунар. науч. конф. – Пенза : Изд-во Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, 2012. – С. 291–297.
4. Сердобинцева, Е. Н. Законы общей экологии и языка / Е. Н. Сердобинцева // Экология русского языка : материалы 1-й Всерос. науч. конф. – Пенза : Изд-во Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского, 2008. – С. 8–13.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алешина Ирина Александровна – ассистент кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

Бекасова Елена Николаевна – д.ф.н., доцент кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия).

Галушко Елена Федоровна – к.ф.н., доцент кафедры русского языка Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова (Ульяновск, Россия).

Дубова Марина Анатольевна – д.ф.н., доцент, профессор кафедры русского языка Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна, Московская область, Россия).

Дудченко Светлана Николаевна – студентка 3-го курса педагогического факультета, направления «Педагогическое образование», профиля «Русский язык и литература» Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Старый Оскол, Белгородская область, Россия).

Единак Оксана Викторовна – студентка 3-го курса педагогического факультета, направления «Педагогическое образование», профиля «Русский язык и литература» Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Старый Оскол, Белгородская область, Россия).

Емельянова Анна Ивановна – преподаватель кафедры английской филологии и методики преподавания английского языка Армавирской государственной педагогической академии (Армавир, Россия).

Ермачихина Виктория Андреевна – аспирант Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна, Московская область, Россия).

Зайцева Людмила Александровна – учитель русского языка и литературы гимназии г. Мичуринска (Тамбовская область, Россия).

Зотова Татьяна Николаевна – студентка 5-го курса отделения «Журналистика» историко-филологического факультета Педагогического института имени В. Г. Белинского Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

Канакина Дарья Алексеевна – студентка 5-го курса отделения «Журналистика» историко-филологического факультета Педагогического института имени В. Г. Белинского Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

Карасева Дарья Сергеевна – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания Ивановского государственного университета (Иваново, Россия).

Кезина Светлана Владимировна – д.ф.н., доцент, профессор кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

Киселева Янина Александровна – студентка 4-го курса отделения «Журналистика» историко-филологического факультета Педагогического института имени В. Г. Белинского Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

Королькова Элина Александровна – аспирант Сибирского федерального университета (Красноярск, Россия).

Костенко Виктория Викторовна – студентка 4-го курса отделения «Журналистика» историко-филологического факультета Педагогического института имени В. Г. Белинского Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

Мажарова Алла Георгиевна – к.ф.н., доцент, начальник кафедры иностранных языков Воронежского института МВД России (Воронеж, Россия).

Майорова Алла Викторовна – к.п.н., доцент Московского государственного университета леса (Москва, Россия).

Миронова Екатерина Александровна – студентка 5-го курса Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия).

Моисеева Елена Алексеевна – студентка 4-го курса отделения «Журналистика» историко-филологического факультета Педагогического института имени В. Г. Белинского Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

Никишева Наталья Игоревна – аспирант кафедры русского языка и методики преподавания русского языка Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

Никишина Светлана Алексеевна – к.ф.н., доцент кафедры филологии и массовых коммуникаций Нижневартковского государственного университета (Нижневартковск, Россия).

Осадчая Мирослава Николаевна – аспирант Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия).

Патро-Куцаб Магдалена (Patro-Kucab Magdalena) – кандидат наук, адъюнкт, заместитель директора Института польской филологии Жешувского университета (Жешув, Польша).

Попкова Мария Константиновна – студентка 3-го курса педагогического факультета, направления «Педагогическое образование», профиля «Русский язык и литература» Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Старый Оскол, Белгородская область, Россия).

Проценко Екатерина Александровна – к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков Воронежского института МВД России (Воронеж, Россия).

Родина Юлия Демьяновна – студентка 5-го курса Московского государственного областного социально-гуманитарного института (Коломна, Московская область, Россия).

Ряжских Елена Александровна – к.ф.н., доцент кафедры стилистики и литературного редактирования Воронежского государственного университета (Воронеж, Россия).

Свиридова Екатерина Александровна – к.ф.н., учитель русского языка и литературы Круглинского филиала имени Героя Советского Союза И. А. Хромова Кочетовской средней общеобразовательной школы (Мичуринский район Тамбовской области, Россия).

Семененко Наталия Николаевна – д.ф.н., профессор кафедры филологии Старооскольского филиала Старооскольского филиала Белгородского государственного национального исследовательского университета (г. Старый Оскол, Белгородская область, Россия).

Сердобинцева Елена Николаевна – д.ф.н., профессор кафедры журналистики Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

Смирнова Валерия Викторовна – преподаватель кафедры иностранных языков Воронежского института МВД России (Воронеж, Россия).

Филип Гражина (Filip Grażyna) – д.ф.н., заведующий кафедрой риторики и коммуникационной прагматики, заместитель директора Института польской филологии Жешувского университета (Жешув, Польша).

Фролова Юлия Александровна – студентка 4-го курса отделения «Журналистика» историко-филологического факультета Педагогического института имени В. Г. Белинского Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

Чеботникова Татьяна Алексеевна – д.ф.н., заведующий кафедрой современного русского языка, риторики и культуры речи Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург, Россия).

Черникова Наталия Владимировна – д.ф.н., профессор кафедры русского языка и методики его преподавания Мичуринского государственного аграрного университета (Мичуринск, Тамбовская область, Россия).

Чопорова Екатерина Ивановна – к.п.н., доцент кафедры иностранных языков Воронежского института МВД России (Воронеж, Россия).

Штеба Алексей Андреевич – к.ф.н., доцент кафедры романской филологии Волгоградского государственного социально-педагогического университета (Волгоград, Россия).

Шкатова Людмила Александровна – д.ф.н., профессор кафедры теории языка Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия).

Шувалов Иван Федорович – к.ф.н., профессор кафедры журналистики Пензенского государственного университета (Пенза, Россия).

Научное издание

ЭКОЛОГИЯ ЯЗЫКА

Сборник статей
VIII Международной научной конференции

г. Пенза, 17 апреля 2015 г.

П о д р е д а к ц и е й
доктора филологических наук
Сердобинцевой Елены Николаевны

*Ответственность за содержание и уровень преподнесения
информации в статьях несут авторы.*

Компьютерная верстка Ф. Д. Фафурина

Подписано в печать 09.04.2015. Формат 60×84¹/₁₆.
Усл. печ. л. 11,51.
Заказ № 316. Тираж 500.

Пенза, Красная, 40, Издательство ПГУ
Тел./факс: (8412) 56-47-33; e-mail: iic@pnzgu.ru

